

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

На правах рукописи

Столярова Изabella Феликсовна

«Творческий консерватизм» К. Н. Леонтьева

Специальность 5.5.1. – История и теория политики

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Ширинянц А.А.

МОСКВА – 2023

Оглавление

Введение	3
Глава I. Теоретические основы «творческого консерватизма» К. Н. Леонтьева	31
§1. «Эстетика жизни». «Триединый процесс» развития. Византизм.....	31
§2. «Эгалитарно-либеральный» прогресс и его последствия для государства и общества	56
Глава II. Россия и мир: концепт «истинно национальной» политики	76
§1. Критика панславизма	76
§2. Восточный вопрос и проект Славяно-Азиатской цивилизации.....	95
Глава III. Русский народ и идеал российского общества	118
§1. Национальный «гнозис». Критика реформ Александра II.....	118
§2. «Реакционно-двигающие» меры и проект будущего устройства России	133
Заключение	162
Литература	170

Введение

Актуальность диссертационного исследования. Творчество выдающегося русского мыслителя XIX в. Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891) вызывает повышенное внимание наших современников. Этот факт можно объяснить возросшим в последние десятилетия интересом к социально-политической мысли дореволюционной России и, в частности, к ее консервативному направлению, заметным представителем которого является Леонтьев. Стали публиковаться многочисленные монографии и статьи, посвящённые теме русского консерватизма, вопросы, связанные с ним, начали обсуждаться на государственном уровне. Можно предположить, что это вызвано потребностью в «русской национальной идее», в идеологии, имеющей национальные корни. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин в 2013 г. обратил внимание на актуальность консервативных идей Леонтьева для нашего государства: «Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скреплённая русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России. Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве. Христианство, ислам, буддизм, иудаизм, другие религии — неотъемлемая часть идентичности и исторического наследия России в настоящей жизни её граждан. Главная задача государства, закреплённая в Конституции, — обеспечение равных прав для представителей традиционных религий и атеистов, права на свободу совести для всех граждан страны»¹. 27 октября 2022 г. В. В. Путин, отмечая кризис неолиберальной модели мироустройства, деградацию западных институтов безопасности, вновь обращается к наследию Константина Леонтьева: «Убежден, диктатуре можно противопоставить только свободу развития стран и народов, деградации личности — любовь к человеку как к

¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. // Официальный сайт Президента России <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>.

творцу, примитивному упрощению и запретам — цветущую сложность культур и традиций»².

Национальный характер консерватизма отличает его от других идеологий, в частности, от социализма и либерализма, ведь, как верно заметил Леонтьев, «охранение у всякой нации *свое*: у турка — турецкое, у англичанина — английское, у русского — русское; а либерализм у всех один! (т.е. либерализм не британский *исключительный*, особый, а *общий* — демократический либерализм)»³, поэтому реформирование политических и правовых государственных институтов должно производиться в соответствии со сложившимися культурно-историческими традициями и национальным характером, способными сохранить ценностную составляющую государства. В связи с тем, что консерватизм выступает против идей эгалитаризма и унификации культурно-бытовых особенностей общества, за сохранение самобытных традиций и устоев, можно утверждать, что консервативному мышлению свойственен приоритет культуры над идеологией.

Леонтьев одним из первых русских мыслителей отметил появление человека толпы, «среднего европейца», выступил против распространения «либерально-эгалитарного» прогресса за сохранение культурного разнообразия и противопоставил линейной модели всемирно-исторического прогресса многолинейную модель цивилизационного подхода, в соответствии с которой общества и государства в силу своих внутренних особенностей проходят разные пути развития, что делает невозможным применение к ним универсалистских методов. Эти выводы как никогда актуальны сегодня на фоне процессов глобализации, всемирной унификации и интеграции в социальной, политической, экономической, культурной и религиозной сферах, влекущих за собой образование новых государственно-политических и общественных институтов, не всегда подходящих национальному менталитету⁴.

² Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г. // Официальный сайт Президента России <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/69695>.

³ Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.121.

⁴ В настоящее время, будто обратившись к учению Леонтьева, в России происходит переосмысление проблемы всеобщей универсализации, признание ценности культурного, социального и политического разнообразия и усиление роли религии на национальном уровне (См.: Мчедлова

Н.А. Бердяев назвал Леонтьева «совершенно индивидуальным мыслителем», не принадлежащим «ни к какой школе и направлению»⁵. Действительно, Леонтьев во всяком идейном направлении русской социально-политической мысли находил что-то свое, что делало его творческие открытия оригинальными и свежими, не похожими на идеи его современников. «Индивидуальность» Леонтьева вполне подходит под определение «творческий консерватизм», специфика которого обуславливается творческим синтезом традиционных хранительных установок и эстетизма, в связи с чем консервативная позиция Леонтьева выделялась своей оригинальностью даже на фоне неоднородной русской мысли.

«Творческий консерватизм» представляет собой оригинальную мировоззренческую программу, в основу которой положена задача пробуждения, хранения и приумножения творческого потенциала русского народа, создающего и развивающего эстетику во всех сферах своей деятельности (так называемую «эстетику жизни»). По Леонтьеву, именно наличие «эстетики жизни» в российском государстве является необходимым условием укрепления его основ и усиления могущества. Творческий характер консерватизма Леонтьева, его принципиальность и оригинальность является хорошим примером и ориентиром для современных российских консерваторов, подчас не понимающих, что такое консерватизм⁶.

В силу своей творческой интуиции Леонтьев предчувствовал приближение разрушительных и необратимых перемен в русском государстве, что нашло отражение в его социально-политическом творчестве⁷. Предвещал мыслитель разочарование в материализме, надеясь, что крушение веры в материализм вызовет в

М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // *Политическая наука*. 2020. №4. С. 13–35; *Мчедлова М.М.* Религиозные смыслы современной политики: потребность в новой эпистемологии // *Вестник Московского университета*. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1. С.89-90; *Мчедлова М.М.* Социально-политические трансформации в России: концептуальные подходы к модернизации и ракурсы религиозного фактора // *Вестник РУДН*. Серия 8: Политология. 2014. № 4. С.50-58).

⁵ *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. СПб., 2016. С.101-102.

⁶ См.: *Ширинянец А.А.* Консерватизм в современном идеологическом и политическом пространстве России // *Вестник Российской нации*. 2015. № 4. С.175-187; *Ширинянец А.А.* Консерватизм и политические партии в современной России // *Тетради по консерватизму*. № 3. 2014. С.166-183.

⁷ Идеи Леонтьева о разлагающем влиянии либерального прогресса, о губительных последствиях научно-технических достижений, о том, что в России возможна победа социализма и создание на его идеологическом фундаменте «конфедерации» государств, о последующем крахе социалистической системы и образовании объединенной Европы —обнаружили свой прогностический потенциал в XX веке.

обществе потребность в обновлении духовных ценностей и «пламенный поворот к религии»⁸. Идеи Леонтьева созвучны российским реалиям и будто обращены к современному обществу, разочаровавшемуся в результатах воплощения на практике идей либерализма и материализма и ищущему новые духовные ориентиры, необходимые для государственного развития⁹. Наследие Леонтьева также является актуальным для исследователей межнациональной и международной политики современной России. В своих работах мыслитель с уважением отзывается о представителях всех конфессий, с которыми ему доводилось встречаться на дипломатической службе, включая духовенство и простых верующих. Именно способность «читать свою и чужую святыню» Леонтьев считает важнейшим фактором не только ближневосточной, но и внутрироссийской стабильности¹⁰. Учитывая, что в русской социально-политической мысли именно Леонтьева можно считать наиболее выраженным «туркофилом»¹¹, его наследие также может быть актуальным для исследования крымского вопроса, в частности взаимоотношений с крымско-татарской общиной этого региона России. Кроме того, идеи Леонтьева о разрушительном влиянии политического национализма на духовное и культурное своеобразие народов актуальны и сегодня в условиях геополитической напряженности в пространстве «русского мира» и нарастающей угрозы православию.

Характеристика источников и степени научной разработанности темы. В диссертации использованы произведения Леонтьева, изданные Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) совместно с издательством «Владимир Даль» в виде полного собрания сочинений в 12 томах под редакцией

⁸ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.381-382.

⁹ См. подр.: Столярова И.Ф. Социально-политические идеи К.Н. Леонтьева по вопросу внутренней политики Российской империи // Русская политология – Russian political science. 2018. № 1. С.44.

¹⁰ Первое издание дипломатической переписки Леонтьева переведено на турецкий язык, а в 2006 г. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров открыл памятную доску Константину Леонтьеву на здании бывшего Императорского Российского посольства в Стамбуле (См.: Маслин М.А. Константин Леонтьев и евразийство. Уроки русского консерватизма // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С.39).

¹¹ См.: Маслин М.А. Константин Леонтьев и евразийство. Уроки русского консерватизма // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С.40.

В. А. Котельникова¹². Важным источником стали письма Леонтьева, поскольку в них он развивал свои мысли, не стесняясь цензурными ограничениями¹³. Особую важность для анализа идей Леонтьева по вопросу внешней политики имеют его дипломатические записки и донесения, собранные и опубликованные К. М. Долговым в 2013 г.¹⁴

Что касается *историографии творчества* Леонтьева, то она довольно обширна. Всю историографию дореволюционного периода можно разделить на два этапа: прижизненную (до 1891) и после смерти Леонтьева.

Невзирая на очевидный яркий талант мыслителя, прижизненных откликов на его творчество сравнительно мало, что, по мнению современных исследователей, было обусловлено оригинальностью и непохожестью его суждений на умеренные воззрения популярных в то время писателей и публицистов. Современники Леонтьева обычно либо ограничивались ироническими откликами на его работы, либо нелестной оценкой. Даже среди представителей консервативно-хранительного направления Леонтьев не встретил понимания и поддержки своих идей¹⁵.

После смерти Леонтьева в 1891 г. о его творчестве появилось множество статей, как критических, так и дружественных. В. В. Розанов в статье «Эстетическое понимание истории» (1892) впервые дает высокую оценку личности и творчеству мыслителя, отдельно отмечая ценность гипотезы триединого процесса развития¹⁶. Однако С. Н. Трубецкой в статье «Разочарованный славянофил (1892) критикует социально-политические и философские идеи мыслителя,

¹² *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. // Под ред. В.А. Котельникова и др. СПб., 2000–2021.

¹³ По словам С.Н. Носова, подготовившего в 1993 г. к изданию объемный том избранных писем Леонтьева, «по значению они вполне равны его произведениям, хотя бы уже потому, что он всюду выражает свое естественное мировосприятие и нигде, собственно, не разрабатывает его намеренно, специально, в тепличных условиях изолированной творческой лаборатории» (См.: *Носов С.Н.* Судьба идей Константина Леонтьева // *Леонтьев К.Н.* Избранные письма (1854—1891). СПб., 1993. С.4).

¹⁴ *Леонтьев К.Н.* Записки и донесения / Сост. К.М. Долгов. М., 2013.

¹⁵ См.: *Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX—начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.12-14.

¹⁶ *Розанов В.В.* Эстетическое понимание истории // *Розанов В.В.* Собрание сочинений в 28 т. Т.28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889—1897 гг.). Сумерки просвещения. М., СПб., 2009.

хотя и признает их оригинальность¹⁷. Идеи Леонтьева критиковали также П. Н. Милюков, славянофилы И. С. Аксаков и А. А. Киреев¹⁸. Критикам оппонировал Л. А. Тихомиров, отметивший в 1894 г. в «Русском обозрении» вклад Леонтьева в развитие русского сознания¹⁹. В этом же журнале в 1895 г. вышла заметка И. Фуделя, в которой высоко оценивалось творчество Леонтьева, названное «художественной мозаикой», а сам мыслитель — «ярким выразителем «культурного русизма» и «художником мысли»²⁰. Как считал И. Фудель, труды Леонтьева требуют обширных и ясных комментариев, потому что только таким путем можно спасти их идеи от кривотолкования и сделать их достоянием общественной мысли²¹. В. В. Розанов в статье, опубликованной в 1896 г. в журнале «Русское Слово», отметил трагическую недооцененность идей Леонтьева современниками: «Он — светоч земли своей, красота истории родной за этот истекающий век, «вся красная земля», променявший на служение великим идеям, в нем оригинально возникшим, в нем долго вызревавшем. Пройдет еще полвека, и Академия Наук будет оплачивать червонцем каждый обрывок его частного письма, будет отыскивать набросков карандашом его мыслей, раскрывать инициалы и псевдонимы, под которыми он писал в захудалых провинциальных газетках, как это делает Италия для своего Макиавелли, Франция — для Монтескье и Руссо, Германия, но этот до *последнего* времени конгломерат «отечеств» и не имел ума политической равной силы проницания, подобной широты созерцаний, такой страстности патриотизма»²². Вл. С. Соловьев в эн-

¹⁷ Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // Вестник Европы. Октябрь. 1892. № 10. С.772-810.

¹⁸ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняни А.А. Русская социально-политическая мысль XIX—начала XX века: К.Н.Леонтьев. М., 2000. С.14; Киреев А.А. Наши противники и наши союзники. Протоколы общих собраний членов С.-Петербургского Славянского благотворительного общества 12 и 19 декабря 1893 г. СПб., 1894; Киреев А.А. Спор с западниками настоящей минуты // Русское обозрение. 1895. № 5; Милюков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. С. Соловьев. М., 1893.

¹⁹ Тихомиров Л.А. Русские идеалы и К.Н.Леонтьев // Русское обозрение. 1894. № 10. С.876-882.

²⁰ Фудель И., свящ. Культурный идеал К.Н.Леонтьева // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Приложение. Кн.1. СПб., 2012. С.362-363, 365.

²¹ См.: Убиря (Столярова) И.Ф. Российская государственность и «византизм» в политической концепции К.Н. Леонтьева // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С.229–236.

²² Розанов В.В. Памяти дорогого друга <О К.Н.Леонтьеве> // Розанов В.В. Собрание сочинений в 28 т. Т.28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889—1897 гг.). Сумерки просвещения. М., СПб., 2009. С.449, 451.

циклопедической статье «Леонтьев К.Н.» (1896) отметил идейность и принципиальность консерватизма Леонтьева «в противоположность грубо практическому или эмпирическому консерватизму»²³.

В 1904 г. Н. А. Бердяев высказал мнение о «духовном одиночестве» Леонтьева, связав его творчество с Ницше²⁴. Это сравнение в дальнейшем получило широкое распространение²⁵. В 1909 г. в журнале «Критическое обозрение» была опубликована статья С. Л. Франка «Миросозерцание Константина Леонтьева», в которой отмечается, что Леонтьев среди русских мыслителей был «бесспорно, один из самых интересных и своевременных, несмотря на некоторые явные уродства его умонастроения»²⁶, под которыми Франк подразумевал «демоническое ощущение красоты зла и насилия», которое привело Леонтьева к «фанатической проповеди двух основных типов насилия — внешнего и внутреннего, государственного деспотизма и религиозно-аскетического самоистязания»²⁷. Эстетизм Леонтьева также вызвал резкую критику и других мыслителей²⁸.

В 1911 г. к 20-летию кончины Леонтьева появился сборник статей «Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891»²⁹, содержащий оценки личности и творчества мыслителя его современниками. В статье А. М. Коноплянцева идейное одиночество мыслителя объяснялось тем, что всё, что Леонтьев «совмещал в себе, не входило в узкие рамки, для всех приемлемые, не мерилось на какой-либо всеми признанный аршин»³⁰. А. А. Александров отмечал «самобытный, оригинальный, сильный и смелый

²³ Соловьев В.С. Леонтьев К.Н. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1896. Т.34. С.562-564.

²⁴ Бердяев Н.А. К.Н. Леонтьев — философ реакционной романтики // Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т.3. Типы религиозной мысли в России. Paris. 1989.

²⁵ См.: Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С.36-37.

²⁶ Франк С.Л. Миросозерцание Константина Леонтьева // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С.403.

²⁷ Там же.

²⁸ Куклярский Ф.Ф. К.Леонтьев и Ф.Ницше как предатели человека // Куклярский Ф.Ф. Осужденный мир (Философия человекоборческой природы). СПб., 1912. С.138-173; Мережковский Д.С. Страшное дитя // Речь. 1910. 31 января. С.2.

²⁹ Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891 г. Литературный сборник. С-Петербург, 1911.

³⁰ Коноплянцев А.А. Жизнь К.Н. Леонтьева в связи с развитием его миросозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891 г. С-Петербург., 1911. С.125.

ум» Леонтьева³¹, а Б. Н. Никольский подчеркивал противоречивость взглядов Леонтьева, возведенную им в систему, его стихийное отрицание любой системы³². По мнению А. В. Королева, культурно-исторические и социальные гипотезы Леонтьева не только не устарели, но, напротив, благодаря им можно хорошо объяснить многие явления современной нам европейской действительности³³. При этом с точки зрения В. В. Розанова «ницшеанство» Леонтьева характеризовалось «непосредственным чудовищным аппетитом... Это был Кромвель без меча»³⁴. Необходимо отметить, что оценки Розанова, по мнению ряда исследователей, отличались наибольшей противоречивостью³⁵. Глубоким анализом творчества Леонтьева ценна для нас статья Б. А. Грифцова «Судьба К. Н. Леонтьева» (1913), в которой автор объяснил социально-политическую программу Леонтьева его страстным желанием спасти красочное многообразие жизни от бездушного либерального прогресса, одновременно указав на ее логическую и практическую несостоятельность³⁶. С. Н. Булгаков в сочинении «Победитель — Побежденный» (1916) отметил предчувствия Леонтьева о неизбежности революции, однако, по мысли Булгакова, Леонтьев «в своем историческом мироощущении оказался декадентом», подобно Ницше³⁷. В 1917 г. вышла заметка И. Фуделя о сложных взаимоотношениях Леонтьева и Соловьева³⁸. По мнению А.П. Козырева, мыслители конца XIX — начала XX вв. пытались истолковать Леонтьева, «обнаружить в его творчестве объединяющую идею... или же ее принципиальное отсутствие, подчеркнув этим эклектизм, отсутствие у Леонтьева продуманной философской системы... Тем не менее, понимания, постижения, как правило, не происходило. Образ Леонтьева не

³¹ Александров А.А. Из воспоминаний о К.Н. Леонтьеве // Там же. С.146.

³² Никольский Б.Н. К характеристике К.Н. Леонтьева // Там же. С.369.

³³ Королев А.В. Культурно-исторические воззрения К.Н. Леонтьева // Там же. С.363.

³⁴ Розанов В.В. Неузванный феномен // Там же. С.182-183.

³⁵ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX—начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.15.

³⁶ Грифцов Б.А. Судьба К.Н. Леонтьева // Русская мысль. 1913. № 1. С.85-107. № 2. С.51-57. № 4. С.1-14.

³⁷ См.: Булгаков С.Н. Победитель — Побежденный (Судьба К.Н.Леонтьева) // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1918. С. 123.

³⁸ Фудель И., свящ. К.Леонтьев и Вл.Соловьев в их взаимных отношениях // Русская мысль. 1917. № 11–12. С.17-32.

укладывался в прокрустово ложе схем и четких формул»³⁹. В первые годы советской власти о Леонтьеве писали П. К. Губер и П. Ф. Преображенский⁴⁰, однако в целом в советское время (вплоть до конца 1960-х гг.) социально-политическое наследие Леонтьева практически не исследовалось⁴¹, сам он был назван реакционным писателем⁴², а в 1939 г. и вовсе заклеен как «мракобес» и «идеолог фашизма»⁴³.

Особое значение для понимания самобытного наследия Леонтьева имеют мемуары хранителя его архива С. Н. Дурылина, которые он писал в ссылке на протяжении восьми лет (1924–1932). Мемуары были изданы в виде сборника лишь в 1991 г.⁴⁴ В них Дурылин подчеркивает свойственную Леонтьеву оригинальность в сравнении с его современниками, отмечая, что многие русские писатели «никого не могут «сбить и запутать» ни как люди, ни как писатели: тут от входа до выхода — одна прямая линия на плоскости», даже у Толстого и Достоевского «вход и выход — на одной линии». У Леонтьева же «это совсем не так, — это «не так» так велико, что оно вынесло его за пределы русской литературы»⁴⁵.

Начиная с 20-х гг. XX в. средоточием исследования творчества Леонтьева становится русское зарубежье. Поворотом к переосмыслению его наследия послужили революционные потрясения, выпавшие на долю России, а также сбыв-

³⁹ *Козырев А.П.* Константин Леонтьев в «зеркалах» наследников // Константин Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. В 2 кн. Кн.1. СПб., 1995. С.432.

⁴⁰ *Леонтьев К.Н.* Страницы воспоминаний / предисл. П.К. Губера. СПб., 1922. 62 с.; *Преображенский П.Ф.* Александр Герцен и Константин Леонтьев (сравнительная морфология творчества) // Печать и революция. 1922. №2. С.78-88.

⁴¹ А.В. Репников разделяет советскую историографию русского консерватизма на четыре этапа. До середины 1930-х гг. в работах советских исследователей закреплялась резко негативная оценка русских консерваторов вплоть до отождествления с фашистами. Следующий этап 1930–начала 1950-х гг., характеризовался оценкой консерваторов как «мракобесов» и «ретроградов», причем конкретный человек превращался в абстрактный символ эпохи (Леонтьев иногда упоминался как «апологет деспотизма и крепостничества»). В 1950–1960-е гг. в работах стали рассматриваться различные аспекты русского консерватизма конца XIX–XX вв., что было вызвано необходимостью реагировать на зарубежные исследования, в которых проводилось сравнение между консерватизмом и большевизмом. Лишь в конце 1960-х гг. имя Леонтьева было возвращено из небытия (См.: *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С.40-45).

⁴² *Мещеряков Н.Л.* У истоков современной реакции. Вступительная статья // *Леонтьев К.Н.* Моя литературная судьба: Автобиография // Литературное наследие. М., 1935. Т.22–24. С.427-432.

⁴³ *Ермилов В.В.* Мечта художника и действительность // Красная новь. 1939. № 1. С.232.

⁴⁴ *Дурылин С.Н.* В своем углу. М., 2006.

⁴⁵ *Там же.* С.817.

шие прогнозы Леонтьева о будущем державы. В этот период его идеи находят отражение в концепциях представителей многих социально-политических течений 20–30-х годов XX в., в частности, в евразийстве⁴⁶. Лучшим из того, что написано о мыслителе можно признать очерк Н. А. Бердяева 1926 г., в котором отмечается удивительный дар предвидения Леонтьева: «Он, по существу, оказался более прав, чем все: чем славянофилы и западники, чем Достоевский и Соловьев, чем Катков и Аксаков. У него было катастрофическое чувство наступления новой эпохи»⁴⁷. Стремление Леонтьева к сильной государственности, призывы к дисциплине и иерархии уже не подвергаются Бердяевым безапелляционной критике как раньше. П. Б. Струве в работе «Константин Леонтьев» (1926) усматривает достоинство Леонтьева в том, что он смог метафизически осмыслить природу государства и ее иерархичность⁴⁸. С. Л. Франк в сочинении «Русское мировоззрение» (1926) отмечает гениальное прозрение Леонтьева, с которым тот предсказал будущую коммунистическую революцию в России⁴⁹. В сочинении «Константин Леонтьев, русский Ницше» (1929) Франк прямо указывает на то, что «Леонтьев обладал глубоким пониманием исторически-организующего и культурного знания русской государственной власти»⁵⁰, а «исключительная...реалистическая объективность его взглядов, поразительная дальновидность его суждений, его почти пророческое ясновидение» изумляет⁵¹. В. В. Зеньковский в работе «История русской философии» (1948) также отмечает оригинальность и самостоятельность Леонтьева как мыслителя⁵². Изучение творческого наследия Леонтьева в среде русского зарубежья продолжали и другие мыслители⁵³.

⁴⁶ См.: Андронов Ю.В., Мясин А.Г., Шириняну А.А. Русская социально-политическая мысль XIX—начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.17.

⁴⁷ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М., 2007. С.178.

⁴⁸ Струве П.Б. Константин Леонтьев // Возрождение. Париж. 1826. 30 мая. № 362.

⁴⁹ Франк С.Л. Русское мировоззрение // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С.191.

⁵⁰ Франк С.Л. Константин Леонтьев, русский Ницше // Там же. С.417.

⁵¹ Там же. С.422.

⁵² Зеньковский В.В. К.Леонтьев. В.В.Розанов// Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1. Ч.2. Париж, 1948. С.442.

⁵³ Зайцев К., свяц. Любовь и страх (Памяти Константина Леонтьева) // Константин Леонтьев: pro et contra. В 2-х кн. Кн.2. СПб., 1995. С.197-228; Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федо-

Первые попытки возвращения из небытия имени Леонтьева предпринимаются в СССР в конце 60-х гг. XX в.⁵⁴ В 1970-е–1980-е гг. появляются исследования С.Г. Бочарова, П.П. Гайдено, И.А. Голосенко, Л.Р. Авдеевой, затрагивающие социально-политические аспекты творчества Леонтьева⁵⁵. Однако работы советских ученых были подвержены влиянию идеологии своего времени и отличались односторонностью и узостью подходов в русле стереотипов эпохи.

Всплеск интереса к творческому наследию Леонтьева в нашей стране приходится на 90-е гг. XX в. Появляются многочисленные статьи и монографии, среди которых следует отметить работы А.П. Козырева, А.А. Королькова, В.И. Косика, А.В. Репникова, А.Ф. Сивака⁵⁶. В 1993 г. был издан сборник статей под названием «К. Леонтьев, наш современник»⁵⁷, содержащий не только исследования дореволюционных авторов, но и статьи 1990-х гг. В 1995 г. под редакцией А.П. Козырева и А.А. Королькова вышли два тома статей о Леонтьеве, написанных его современниками, — «Константин Леонтьев: Pro et contra»⁵⁸. Особый интерес вызывает статья А.П. Козырева «Константин Леонтьев в «зеркала» наследников», представля-

тов Г.П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): В 2 т. Т.1. СПб., 1991; *Филиппов Б.А.* Страстное письмо с неверным адресом. Предисловие // *Леонтьев К.Н.* Моя литературная судьба: Автобиография. NY, 1965. С.1-38; *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Париж, 1988; *Kologrivof I.* Von Hellas zum Monchtum. Regensburg, 1948; *Stepin F.* Der Bolschewismus und die christliche Existenz. Munchen, 1962; *Иваск Ю.П.* Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество. Bern, Frankfurt a. M., 1974.

⁵⁴ *Янов А.Л.* Славянофилы и Константин Леонтьев: Русская консервативная мысль XIX в. и ее интерпретаторы // Вопросы философии. 1969. №8. С. 97–106.

⁵⁵ *Авдеева Л.Р.* Религиозно-консервативная социология К.Н. Леонтьева: дисс... канд.филос.наук. М., 1983; *Бочаров С.Г.* «Эстетическое охранение» в литературной критике: (К.Леонтьев в русской литературе) // Контекст. М., 1978. С.142-193; *Гайдено П.П.* Наперекор историческому процессу (К. Леонтьев — литературный критик) // Вопросы литературы. 1974. №5. С.159-205; *Голосенко И.А.* Социальная философия неославянофильства // Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX-начала XX века. Л., 1978. С.227-254.

⁵⁶ *Корольков А.А.* Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991; *Корольков А.А.* Константин Леонтьев и его эстетическая картина эгалитарного прогресса // Философские науки. 1991. № 11. С.115-127; *Косик В.И.* К.Н.Леонтьев: реакционер, пророк? // Советское славяноведение. 1991. № 3. С.3-12; *Сивак А.Ф.* Константин Леонтьев. Л., 1991; *Козырев А.П.* Владимир Соловьев и Константин Леонтьев: диалог в поисках «Русской звезды» // Начала. 1992. № 2. С. 63–73; *Козырев А.П.* Леонтьев К.Н. Письма к кн. Д.Н. Цертелеву // Там же. С.74-78; *Косик В.И.* К.Н.Леонтьев: болгарская тема – pro et contra // Славянский альманах. 1998. Т.1997. С.120-140; *Репников А.В.* Оценка социалистической перспективы в работах К.Н. Леонтьева // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. 1995. С.103-107; *Репников А.В.* «Эстетический аморализм» в произведениях К.Н. Леонтьева. М., 1999.

⁵⁷ К. Леонтьев, наш современник. Сбор. науч. статей. СПб., 1993.

⁵⁸ Константин Леонтьев: pro et contra. В 2 кн. СПб., 1995.

ющая собой краткую антологию оценок личности и творчества Леонтьева его современниками⁵⁹. В 1996 г. В.И. Косиком и Г.Б. Кремневым издан сборник социально-политической публицистики Леонтьева «Восток, Россия и Славянство»⁶⁰, включающий в том числе статью, в которой авторы провели исследование воззрений Леонтьева на греко-болгарские взаимоотношения⁶¹. Кроме того, В.И. Косик дал анализ взглядов мыслителя по вопросам русской политики на Балканах в монографии⁶². Зарождение и развитие основополагающих для творчества Леонтьева идей в связи с формированием его религиозного мировоззрения рассмотрены в работе К.М. Долгова⁶³. Социально-политическое наследие Леонтьева также исследовалось А.Г. Мячиным, М.Ю. Чернавским и другими учеными⁶⁴.

В 2000-е гг. научно-исследовательский интерес к социально-политическому творчеству Леонтьева, как в целом к русской консервативной мысли, не угасает. Среди исследований этого периода следует отметить работы Е.Н. Моцелкова, Е.С. Гревцовой, М.А. Емельянова-Лукияничкова, К.А. Жукова, О.Л. Фетисенко,

⁵⁹ *Козырев А.П.* Константин Леонтьев в «зеркалах» наследников // Константин Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. В 2 кн. Кн.1. СПб., 1995. С.417-435.

⁶⁰ *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996.

⁶¹ *Косик В.И., Кремнев Г.Б.* Греко-болгарский вопрос // Там же. С.793-794;

⁶² *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышление на славянскую тему. М., 1997.

⁶³ *Долгов К.М.* Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 2008.

⁶⁴ *Кириллова Е.А.* Необходимый момент в истории русского самосознания. Философско-историческая концепция К.Н.Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1990. № 5. С. 49-57; *Исаев И.А.* Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX вв.). М. 1991; *Кремнев Г.Б.* Константин Леонтьев и русское будущее: К 100-летию со дня смерти // Наш современник. 1991. №12. С.167-169; *Янов А.Л.* Трагедия великого мыслителя (по материалам дискуссии 1890-х гг.) // Вопросы философии. 1992. № 1. С.61-88; *Григорьева Т.С.* Концепция культурного идеала К.Н.Леонтьева. Дисс...канд.филос.наук. М., 1993; *Дамье Н.В.* Философия истории К.Н.Леонтьева. Дисс...канд.филос.наук. М., 1993; *Шестаков В.П.* Философия эстетизма Константина Леонтьева // Свободная мысль. 1994. № 7—8. С. 65-73; *Дробжева Г.М.* Проблема социокультурного идеала в социально-философских воззрениях К.Н.Леонтьева. Дисс...канд.филос.наук. М., 1995; *Мячин А.Г.* Социально-политические взгляды К.Н.Леонтьева: дисс... канд.полит.наук. М., 1998; *Шириняниц А.А., Мячин А.Г.* Русская социально-политическая мысль XIX в.: К.Н. Леонтьев. М., 1995; *Храмов В.Б.* Историсофия и эстетика К.Н.Леонтьева. Краснодар, 1995; *Кожурин А.Я.* Социальные аспекты антропологии К.Н.Леонтьева и В.В.Розанова. Дисс...канд.филос.наук. СПб., 1997; *Чернавский М.Ю.* Религиозно-философские основы консерватизма К.Н. Леонтьева. Дисс...канд.филос.наук. М., 2000.

Р.А. Гоголева, О.Д. Волкогоновой⁶⁵. В исследовании Ю.В. Андропова, А.Г. Мячина, А.А. Ширинянца обосновывается близость общественно-политических взглядов Леонтьева православно-хранительному направлению русского консерватизма⁶⁶. В свою очередь, С.М. Сергеев одним из первых отметил творческий характер консерватизма Леонтьева, исходящий из «целостного культурно-общественного идеала», который мыслитель пытался воплотить в жизнь, при этом в своей работе автор исследует творческий традиционализм Леонтьева вне связи с его эстетическим мировоззрением⁶⁷. В работах А.В. Логинова представлен анализ концепции византизма Леонтьева в контексте взаимоотношений власти с религиозными институтами⁶⁸, а также проведено исследование идей Леонтьева о создании единой цивилизационной общности православных и мусульманских народов на основе духовно-религиозного принципа⁶⁹. Примечательной является работа Р.А. Гоголева, в которой автор проанализировал влияние

⁶⁵ *Моцелков Е.Н.* Леонтьев К.Н. // Политическая мысль в России. Словарь персоналий (XI в.—1917 г.). М., 2000. С.139-141; *Гревцова Е.С.* Философия культуры А.И.Герцена и К.Н.Леонтьева: сравнительный анализ. М., 2002; *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Концепция «племенизма» К.Н.Леонтьева в цивилизационной историософии XIX–XX вв. // Вопросы истории. 2004. № 9. С.120-132; *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Традиция и антропология в наследии К.Н.Леонтьева // I Оптинский форум: Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции, Калуга — Оптина пустынь, 19—21 мая 2006 г. 2006. С.218-227; *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Константин Леонтьев о социализме в России // Там же. 2007. № 10. С.111-121; *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Иерархия радуги: русская цивилизация в наследии К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, О.А. Шпенглера, А.Дж. Тойнби. М., 2008; *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Распятая радуга. Россия и Европа на пути к Апокалипсису. М., 2015; *Жуков К.А.* Восточный вопрос в историософской концепции К.Н.Леонтьева. СПб., 2006; *Фетисенко О.Л.* Константин Леонтьев: «турецкий игумен» в славянском монастыре // Христианство и русская литература. СПб. 2010. Т.6. С.165-196; *Фетисенко О.Л.* Константин Леонтьев – цензурируемый и цензурирующий // Цензура в России: история и современность. СПб. 2011. С.158-169; *Гоголев Р.А.* Религиозная и эстетическая константы философского дискурса К.Н. Леонтьева // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. 2012. № 1—3. С.190-194; *Волкогонова О.Д.* Константин Леонтьев. М., 2013.

⁶⁶ *Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянец А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.22-26.

⁶⁷ *Сергеев С.М.* Идеология творческого традиционализма в русской общественной жизни 80-90-х гг. XIX в. дисс... канд. ист. наук. М. 2002. С. 30–31.

⁶⁸ *Логинов А.В.* Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. М., 2005.

⁶⁹ *Логинов А.В.* Будущее российской цивилизации и историко-культурологические воззрения К.Н. Леонтьева. К 175-летию со дня рождения мыслителя // Национальные интересы. 2006. № 3. С.2-9; *Логинов А.В.* К.Н. Леонтьев и российский культурно-цивилизационный выбор // I Оптинский форум: Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции. Калуга — Оптина пустынь, 19—21 мая 2006 г. С.33-46; *Логинов А.В.* Российская философия XIX в. о православно-мусульманском цивилизационном взаимодействии // Россия в современном диалоге цивилизаций. М., 2008. С.17-68.

идей Ф.И. Тютчева и Н.Я. Данилевского на интуиции Леонтьева, а также уделил особое внимание «утопии славяно-восточной цивилизации» — гептастилизму⁷⁰. Исследованию гептастилизма также посвящен фундаментальный труд О.Л. Фетисенко, созданный на основе архивных материалов⁷¹.

В исследованиях В.М. Камнева предпринята попытка типологии отечественных консервативных идей, при этом воззрения Леонтьева и Розанова относятся автором к так называемому «русскому социальному консерватизму»⁷². Обширный анализ социально-политических воззрений Леонтьева представлен в монографии и статьях А.В. Репникова⁷³, в частности, в его вступительной статье к сборнику сочинений Леонтьева отмечается, что «Леонтьев сумел более четко, чем другие консерваторы предсказать судьбу России»⁷⁴. Взгляды Леонтьева как представителя русского национализма рассматриваются в работе А.А. Тесли⁷⁵. Значительное внимание уделяется концепции национальной политики Леонтьева в работе А.А. Ширинянца «Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли»⁷⁶. Примечательными являются исследования А.П. Козырева и О.К. Авдеева, посвященные философскому наследию Леонтьева и его современников⁷⁷. Особо нужно отметить рабо-

⁷⁰ Гоголев Р.А. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. М., 2007.

⁷¹ Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX—первой четверти XX века). СПб., 2012.

⁷² Камнев В.М. Русская консервативная мысль XIX—начала XX века. Опыт типологии. СПб., 2012.; Камнев В.М. К.Леонтьев о России как культурно-историческом типе // Образование, экономика, общество. 2012. № 3–4. С.103-106.

⁷³ Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014; Репников А.В. Вступительная статья // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 2010. С.6-41; Репников А.В. К. Леонтьев — философ российского консерватизма // Полис. 2011. № 3. С.184-189; Репников А.В. Константин Леонтьев и Николай Бердяев: созвучия и диссонансы // Тетради по консерватизму. 2014. № 2. С.25-30.

⁷⁴ Репников А.В. Вступительная статья // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 2010. С.22.

⁷⁵ Тесля А.А. Первый русский национализм... и другие. М., 2014.

⁷⁶ См.: Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011.

⁷⁷ Козырев А.П. Непокоренный Леонтьев // Философская газета. 2001. № 2. С.2-17; Козырев А.П. Разбиватель стекол // Самопознание. Информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения». 2015. №3. С.10-15; Козырев А.П. «Я возмечтал быть примером, учителем...». Письма К.Н. Леонтьева к Вл.С.Соловьеву // Там же. С.42-45; Авдеев О.К. Проблема личности в русском консерватизме: Н.Н.Страхов, К.Н.Леонтьев, П.Е.Астафьев: дисс.... канд.филос.наук. М., 2011; Авдеев О.К. Проблема личности в социальной философии Константина Леонтьева и его предисло-

ту М.А. Маслина, в которой обосновывается глубокое влияние социально-политических идей Леонтьева на формирование евразийства⁷⁸.

Становлению консервативных взглядов Леонтьева посвящены многочисленные статьи и монография С.В. Хатунцева⁷⁹. Исследование политико-правовых сторон творчества Леонтьева проводилось Н.М. Азаркиным, Е.В. Сафроновой, А.Ю. Кузубовой, М.В. Саломатиной, Ф.С. Сосенковым и Е.А. Куликовым⁸⁰. К наследию Леонтьева в это время обращались и другие исследователи⁸¹. В целом

вие к переводу статьи Дж.Ст.Милля «О свободе» // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. №1. С.265-267; *Авдеев О.К.* Противоречия во взглядах представителей русского консерватизма (Н.Н. Страхова, К.Н. Леонтьева и П.Е. Астафьева) на философское и литературное значение Л.Н. Толстого // Проблемы современной науки и образования. 2016. №28(70). С.78-81.

⁷⁸ *Маслин М.А.* Константин Леонтьев и евразийство. Уроки русского консерватизма // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С.39-53.

⁷⁹ *Хатунцев С.В.* Отечественная история в системе общественно-политических взглядов К.Н.Леонтьева // Вопросы истории. 2004. № 1. С.155-159; *Хатунцев С.В.* Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850 — 1874 гг. СПб., 2007; *Хатунцев С.В.* Творческое наследие К.Н.Леонтьева в современной научной литературе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2011. № 3. С.16-19; *Хатунцев С.В.* «Угроза с Востока» в мысли К.Н.Леонтьева и «леонтьевские» мотивы в «Трех разговорах» // Вестник СурГПУ. 2012. № 4. С.37-42; *Хатунцев С.В.* К.Н.Леонтьев о Германии и ее правителях // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 4. С.67-82; *Хатунцев С.В.* «Консервация будущего»: гептастилистическая геополитика К.Леонтьева // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С.171-178.

⁸⁰ *Азаркин Н.М.* Консервативный правопорядок: думы с К.Н.Леонтьевым // История государства и права. 2004. № 5. С.11-13; *Сафронова Е.В., Кузубова А.Ю.* Тема прав и свобод человека в философской концепции К.Н.Леонтьева // История государства и права. 2006. № 12. С.33-35; *Кузубова А.Ю.* Политические и правовые учения русского консерватизма: К.Н.Леонтьев. Воронеж, 2014; *Саломатина М.В.* Права человека в политико-правовом учении К.Н.Леонтьева // Научный вестник ВАГС. 2011. № 6. Т.2. 2011. С.45-51; *Куликов Е.А.* Самобытное государственно-правовое учение К.Н.Леонтьева // История государства и права. 2015. № 10. С.14-18; *Сосенков Ф.С.* Единство российского государства в политико-правовых воззрениях К.Н.Леонтьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2015. С.160-162.

⁸¹ *Володихин Д.М.* «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. М., 2000; *Воскресенская М.Б.* Феномен эстетизма в философском творчестве К.Н.Леонтьева. Дисс...канд.филос.наук. Кострома, 2000; *Цимерман М.М.* Общественно-политические взгляды К.Н.Леонтьева в системной реконструкции и интерпретации. Дисс... канд.полит.наук. Уссурийск, 2001; *Дробжева Г.М.* Философское обоснование К.Н.Леонтьевым культурологической концепции «триединого процесса» // Вестник ТГТУ. 2002. № 2. С.388-394; *Клементьев А.А.* К.Н.Леонтьев: «Средний европеец как идеал и оружие всемирного разрушения» // Вестник ЧелГУ. 2003. № 1. С.31-38; *Клементьев А.А.* Н.Я.Данилевский и К.Н.Леонтьев как предтечи геополитики // Вестник ЧелГУ. 2003. № 2. С.42-51; *Кольцов Б.А.* Идея органицизма в философско-исторических концепциях Н.Я.Данилевского и К.Н.Леонтьева: дисс...канд.филос. наук. Саратов, 2003; *Буланов В.В.* Проблема массового общества в России 1890-х гг.: К.Н.Леонтьев и Ф.Ницше // Вестник ТвГУ. 2007. № 1. С.94-103; *Зубов С.В.* Парадоксы К.Леонтьева. Саратов, 2007; *Семиконов Д.В.* Историсофские взгляды Ф.М.Достоевского и К.Н.Леонтьева: сравнительный анализ: дисс...канд.филос.наук. Нижний Новгород, 2007; *Буряченко В.В.* Концепция «эстетики жизни» в творчестве К.Н.Леонтьева: дисс...канд. фил.наук. Воронеж. 2009; *Горохов А.А.* Проблема

национальной культуры в социально-философских взглядах К.Н.Леонтьева // Вестник ТГУ. Вып.325. Август 2009. С.30-32; *Ермаков В.А.* Философия культуры К.Н.Леонтьева. М., 2009; *Рахманин А.А.* К.Н.Леонтьев о несовместимости эгалитарно-демократического прогресса и нравственности // Гуманитарный вектор. 2009. № 3. С.72-75; *Шульгина Л.А.* К.Н.Леонтьев о влиянии византизма на формирование русской государственности и православной культурно-исторической модели // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 6. С.108-110; *Шульгина Л.А.* Восток и Запад в философском наследии К.Н.Леонтьева // Вестник КГТУ. 2009. № 22. С.26-29; *Александров В.Б.* К.Н.Леонтьев о путях развития образования и науки в России. Вестник ТвГУ. 2010. № 2. С.55-64; *Галузина Е.В.* Антизападничество во взглядах К.Н.Леонтьева на развитие культуры // Культурология. 2010. № 3. С.32-39; *Селиверстов С.В.* Взгляды К.Н.Леонтьева и И.Гаспринского на российско-османские отношения // Геополитика и безопасность. № 3. 2010. С.43-47; *Тушканов И.В.* Идея цивилизаций в политико-правовых учениях Н.Я.Данилевского и К.Н.Леонтьева // Философия права. 2010. № 3. С.7-10; *Донских К.Ю.* Жизнь во имя красоты: эстетическое мировосприятие К.Н.Леонтьева // Вестник ПГЛУ. 2011. № 4. С.403-407; *Осьмачко С.Г.* «Он мучился о России»: идейные искания К.Н.Леонтьева (история и современность). Ярославль. 2011; *Масланов Е.В.* Формирование социального идеала в творчестве ранних славянофилов и К.Н.Леонтьева: сравнительный анализ: дисс...канд.филос.наук. Нижний Новгород, 2011; *Хухарев В.В.* К.Н.Леонтьев как «русский европеец» // Философ в пространстве культуры. 2011. ТвГУ. С.205-210; *Донских К.Ю.* Философия и эстетизм в творчестве К.Н.Леонтьева: Дисс...канд.филос.наук. М., 2012; *Авдеева Л.Р.* Принцип эстетизма в философии К.Н.Леонтьева // Вестник МГУ. 2012. № 6. С.3-19; *Береговская И.Н.* Философия К.Н.Леонтьева в социокультурном контексте. Калуга, 2012; *Океанский В.П., Красильникова М.Ю.* Типологические очертания проблематики «поворота на Восток» в русской религиозно-философской литературе рубежа XIX-XX вв.: К.Н.Леонтьев, В.С.Соловьев, В.В.Розанов, Д.С.Мережковский // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С.239-245; *Пишун С.В.* Византизм в церковно-политической концепции К.Н.Леонтьева // Религиоведение. 2012. № 3. С.97-104; *Северикова Н.М.* Константин Леонтьев и византизм // Вопросы философии. 2012. № 6. С.85-94; *Хрусталева А.В.* Социально-политические и эстетические идеи Константина Леонтьева в рецепции современного литературоведения // Вестник СГТУ. 2012. № 1. Вып.1. С.219-222; *Афанасьев В.В., Кобелев П.С.* Православная социология Константина Леонтьева. М., 2013; *Котов А.Э.* Два «русских Алкивиада»: К.Н.Леонтьев и С.С.Татищев // Клио. 2013. № 7. С.125-129; *Логинов А.В.* Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. М., 2013. С.37; *Иванова С.И.* Национальная концепция К.Н.Леонтьева: «Польский вопрос» в идеологии русского консерватизма // Новый взгляд. 2014. № 6. С.190-203; *Козлова Н.Н.* Традиции и модернизации в политической теории К.Н.Леонтьева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2. С.131-141; *Литвак Н.В.* К методологии дипломатической переписки. Анализ донесений К.Н.Леонтьева // Полис. 2014. № 4. С.166-170; *Муза Д.Е.* К.Н.Леонтьев. Личностный миф и драма идей в контексте поиска духовного смысла истории. М., 2014; *Бессчетнова, Е.В.* Диалог Вл.С.Соловьёва и К.Н.Леонтьева: проблема бытия России: дисс... канд.филос.наук. М., 2015; *Галаганова С.Г.* Этносоциологические прозрения К.Леонтьева и современный мир // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 6. С.65-68; *Демин И.В.* Либеральный концепт свободы в консервативных учениях К.Н.Леонтьева и Л.А.Тихомирова // Вестник БФУ им. И.Канта. 2015. № 6; С.24-36; *Катасонов В.Ю.* Православное понимание общества. Социология К.Леонтьева. Историсофия Л.Тихомирова. М. 2015; *Корольков А.А.* Русская идея и общечеловеческая культура // Вестник СПбГУ. 2015. С.127-133; *Кудряшев В.Н.* К.Н.Леонтьев в русском национальном дискурсе второй половины XIX в. // Вестник ТГУ. 2015. № 401. С.100-107; *Соловьев А.П.* Цветущая сложность в эпоху вторичного упрощения // Христианское чтение. 2015. № 3. С.284-298; *Тарасов К.Н.* Проблемы модернизации пореформенного российского общества в политической публицистике и переписке К.Н.Леонтьева // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 6. Т.7. Ч.2. С.118-121; *Тарасов К.Н.* Модернизация глазами консерватора (К.Леонтьев о пореформенной России) // Научная дискуссия. 2015. № 11. С.22-25; *Черныш А.М.* К.Н.Леонтьев как теоретик национальной русской самобытности // Вестник МГПУ. 2015. № 3. С.26-34.

же, по оценке Ю.В. Андропова, А.Г. Мячина и А.А. Ширинянца, «новые публикации о мыслителе не только заново ставят проблемы, вызывавшие интерес еще в начале [прошлого] века, но и пытаются по-новому осветить их»⁸².

Из работ последних лет нужно отметить исследование «хранительного» направления русской консервативной мысли, заметным представителем которого является К.Н. Леонтьев, реализованное Д.В. Ермашовым, С.В. Перевезенцевым и А.А. Ширинянцем⁸³. Русскому «хранительству» также посвящена монография С.В. Перевезенцева и А.А. Ширинянца, изданная в 2021 г.⁸⁴ Значимыми представляются работы Н.А. Омельченко, посвященные государственным идеалам в политической истории России⁸⁵. Внимания заслуживает работа В.И. Косика, посвященная размышлениям Леонтьева по вопросам русско-болгарских отношений⁸⁶, статьи О.Л. Фетисенко⁸⁷, Е.С. Кириченко⁸⁸, И.А. и В.Н. Романовых⁸⁹. А.С. Филатовым предпринята попытка применить теоретические идеи

⁸² Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянец А.А. Русская социально-политическая мысль XIX-начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С. 20.

⁸³ Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А. В поисках самобытности. Об истоках отечественного национал-консервативного дискурса // Тетради по консерватизму. 2017, № 3. С.61-73; Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А. Страницы истории русского «хранительства» // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 4. С.1-12; Концепция «хранительного» направления русской социально-политической мысли реализована в антологии «Хранители России» (Хранители России. Антология. Т. 1. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. М., 2015; Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма. М., 2015; Хранители России. Антология. Т. 3. Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг. М., 2016; Хранители России. Антология. Т. 4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. М., 2016; Хранители России. Антология. Т. 5. Обретённая Россия. 1840-е — начало 1860-х гг. М., 2018; Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е — начало 1860-х гг. М., 2018).

⁸⁴ Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А. Очерки истории русского хранительства. Монография. Часть I. М., 2021.

⁸⁵ Омельченко Н. А. «Русская система власти» и государственные идеалы в политической истории России: к вопросу о культурно-исторической обусловленности Российской политической идентичности // PolitBook. 2019. № 2. С. 41–62. И др.

⁸⁶ Косик В.И. Немного из истории русофильства и русофобства в Болгарии // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. Т.2. Вып. 69. 2016. С.22-30.

⁸⁷ Фетисенко О.Л. Константин Леонтьев: теория и практика государственной службы // Чины и музы. Сборник статей. СПб., 2017. С.539-551; Фетисенко О.Л. Афон и его «единство в многообразии» в социокультурной концепции Константина Леонтьева // Русско-византийский вестник. 2018. № 1. С.141-145.

⁸⁸ Кириченко Е.С. Константин Николаевич Леонтьев и идея русской империи // Альманах современной науки и образования. 2017. № 6. С.48-50;

⁸⁹ Романов И.А., Романова В.Н. Религиозно-политические идеи К.Н.Леонтьева и Л.А.Тихомирова в формировании научной школы русской государственности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. С.113-120.

К.Н. Леонтьева, П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого к решению насущных проблем формирования Евразийского союза⁹⁰. М.А. Маслин исследует взгляды Леонтьева в период его дипломатической службы в Турции, характеризуя его при этом «в качестве едва ли не туркофила»⁹¹. А.В. Логинов в своей монографии устанавливает связь идей Леонтьева о «православно-мусульманском единстве» с идеями крымско-татарского просветителя И. Гаспринского⁹². В монографии А.Я. Кожурина творческое наследие Леонтьева рассматривается в качестве политической теологии, при этом автор отмечает идейную близость Леонтьева и Аристотеля⁹³. В книге Е.В. Линьковой творчество Леонтьева рассматривается в контексте внешнеполитической концепции русских консерваторов XIX века⁹⁴. В статьях М.А. Саевской рассмотрена критика русскими консерваторами земской реформы 1860-х гг. в России⁹⁵. В серии статей Ю.В. Пуцаева обозначена связь идей К.Н. Леонтьева с современностью⁹⁶. Социально-политическое наследие Леонтьева исследовалось и другими авторами⁹⁷.

⁹⁰ *Филатов А.С.* Евразийский союз: идейные основания и политическая реальность // Культурологический журнал. № 1. 2017 С.1-8.

⁹¹ См.: *Маслин М.А.* Константин Леонтьев — дипломат и философ // *Маслин М.А.* Разноликость и единство русской философии. СПб., 2017. С.215-226.

⁹² См.: *Логинов А.В.* Евразия и ислам. Евразийский вектор: мусульманская религиозная и общественно-политическая мысль о цивилизационном единстве России-Евразии. М., 2017. С.82-83.

⁹³ *Кожурин А.Я.* Политическая теология К.Н. Леонтьева. [б.м.]. 2021.

⁹⁴ *Линькова Е.В.* Внешнеполитическая концепция российских консерваторов XIX века. М., 2021.

⁹⁵ *Саевская М.А.* Концепция земского самодержавия в трудах русских консервативных мыслителей второй половины XIX - начала XX века // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. С.311-317. И др.

⁹⁶ *Пуцаев Ю.В.* Византизм Константина Леонтьева как общественный идеал и современная Россия // Ортодоксия. 2021, № 3. С. 213–241; *Пуцаев Ю. В.* Либерализм как убийца «цветущей сложности»: жизненный мир современного человека в свете идей К.Н. Леонтьева // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 1(59). С. 53-60; *Пуцаев Ю. В.* Отношение К. Н. Леонтьева к коммунизму/социализму. О несостоявшемся «союзе социализма... С русским самодержавием и пламенной мистикой» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 81. С. 71-88.

⁹⁷ *Белов А.В.* Певец «цветущей сложности» (185 лет со дня рождения К.Н.Леонтьева) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2016. № 5. С.55-58; *Бенедиктов Н.А., Базурина Е.Н.* Константин Леонтьев о судьбах России // Образ России в русской религиозной мысли. XXV Рождественские православно-философские чтения. НГПУ им. К.Минина. 2016. С.9-13; *Богородский Ю.В.* Уроки забытого философа // Вестник ИРГСХА. 2016. № 74. С.27-33; *Гагарин А.С.* Константин Леонтьев: «Одинокий мыслитель» перед лицом страха // Дикурс-Пи. 2016. № 3–4. С. 247–255; *Золотарев С.В., Майборода Э.Т.* Самобытное государственно-правовое учение К.Н. Леонтьева // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 11. С.202-207; *Козловская Н.В., Сергеева Е.В.* Философский термин

«византизм» в трудах К.Н.Леонтьева и В.С.Соловьева // Соловьевские исследования. 2016. № 3. С.26-33; *Кунильская Д.С.* Концепт и идеологема «византизм» в публицистике К.Н. Леонтьева // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С.262—275; *Лихоманов И.В.* «Восточный проект» К.Н.Леонтьева и евразийство // Идеи и идеалы. 2016. № 1. С.138-151; *Осьмачко С.Г.* Идеиные искания К.Н.Леонтьева // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С.265-268; *Осьмачко С.Г.* Историсофия К.Н. Леонтьева в оценках Н.А.Бердяева // Там же. 2016. № 4. С.184-188; *Резвых Т.Н.* Сергей Дурылин об эстетике К.Н. Леонтьева // Христианское чтение. 2016. № 1. С.64-144; *Чижев М.П.* Константин Леонтьев. М., 2016; *Беляев Д.А.* Византизм К.Н. Леонтьева как концепция русской культурно-цивилизационной идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. С.28-31; *Журавлева А.В.* Гоголь и Леонтьев: особенности русского эсхатологического мировосприятия // Гуманитарные ведомости ТулГПУ им. Л.Н. Толстого. 2017. № 2. С.55-62; *Журавлева А.В.* Эстетический аморализм К.Н. Леонтьева: pro et contra // Известия ТулГУ. 2017. С.133-141; *Котельников В.А.* Константин Леонтьев. СПб. 2017; *Крот М.Н.* «Русификация или демократическая европеизация»? К.Н. Леонтьев о политике имперских властей по отношению к национальным окраинам России во второй половине XIX в. // Современные проблемы и пути их решения в науке, производстве и образовании. 2017. № 1. С.101-103; *Кузнецов А.В.* Восточный вопрос и идея славянского единства в творчестве К.Н. Леонтьева // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. № 3. Том 6. 2017. С.28-31; *Куренков А.С.* Влияние Афона и Оптиной Пустыни на К.Н. Леонтьева // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 4. С.101-111; *Матяш Т.П.* Истоки русской культуры: «славизм» или византизм? // Научные ведомости БелГУ. 2017. № 10. С.192-198; *Тарасов К.Н.* Социальные процессы в пореформенной России: оценки правовой публицистики (на примере взглядов К.Н.Леонтьева) // Актуальные вопросы науки. 2017. № 33. С.10-13; *Бессчетнова Е.В.* Владимир Соловьев и Константин Леонтьев о бытии России: в предчувствии катастрофы. М., СПб., 2018; *Дударева А.С.* Взгляды К.Н. Леонтьева на государственный строй и внешнюю политику России по его художественным произведениям // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 2. С.21-33; *Панюков А.Н.* Концепция исторического сознания в философии К.Н. Леонтьева // Человек, общество, история, язык, культура в современном научном рассмотрении. Материалы международной научной конференции. 2018. С.24–30; *Андреев Н.Ю., Архипова Е.Б., Беденков В.В.* Государственная идеология русского консерватизма: К.Н. Леонтьев // Государственная идеология: историко-правовые и теоретико-правовые аспекты: монография. В 2 т. Т.2. / под ред. А.А.Васильева. М. 2019. С. 71-146; *Конович Е.М.* Как Константин Николаевич Леонтьев собирался подморозить Россию // SCHOLA - 2020. Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 2020. С.139-142; *Агуреев С.А.* Труды Константина Леонтьева в контексте геополитики «Восточного вопроса» // История и современность филологических наук. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XVI Виноградовские чтения. В 2 томах. Т.2. М., 2021. С.259-265; *Мамедов Р.Р.* Путь и судьба России в философии Константина Леонтьева. Византизм и русская государственность // Восток и Запад в духовной культуре России: диалог и противостояние (от Александра Невского до наших дней). Сборник статей по материалам всероссийской научной конференции. Нижний Новгород, 2021. С.180-187; *Мамедов А.А.О., Донских К.Ю., Котусов Д.В.* Судьба России в творчестве «ранних» славянофилов и К. Леонтьева // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С.66-74; *Светлов Р.В.* Империя и Россия. Версии К. Леонтьева и О. Шпенглера // Русская философия. 2021. № 2. С.94–107; *Скоробогатько А.В.* Аксиологический метод анализа идеалов в социальной философии К.Н. Леонтьева // *Скоробогатько А.В.* Теория общественных идеалов русской социальной философии. СПб., 2021. С.110-119; *Аникеева Е.Н.* Константин Леонтьев – «Русский Ницше»? К характеристике русского мыслителя Дж. Клайном // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2022. № 32. С. 89-92; *Виноградов И.А.* Н.В. Гоголь и К.Н. Леонтьев: рецидивы западничества в "консервативной" критике // *Studia Litterarum.* 2022. Т. 7. № 2. С. 120-143; *Коробов-Латынцев А.Ю.* Леонтьев Константин Николаевич // Коробов-Латынцев А.Ю. Философ и война. О русской военной философии. М., 2022. С.50-

Внимания заслуживают посвященные Леонтьеву труды зарубежных исследователей. В 1955 г. Г. Кон проанализировал леонтьевскую концепцию социалистической монархии, противостоящую западному либерализму⁹⁸, а А. Клотье рассмотрел вопросы национализма в творчестве Леонтьева⁹⁹. В 1957 г. Э. Гаспарини исследовал взгляды Леонтьева, отметив его прозорливость в предвидении закономерностей развития общества и государства¹⁰⁰. В 1964 г. Э. Таден в своей книге «Консервативный национализм в России XIX века» посвятил отдельную главу рассмотрению социально-политических взглядов мыслителя, высоко оценив их интеллектуальный уровень¹⁰¹. Также среди зарубежных авторов, исследовавших творческое наследие Леонтьева, нужно отметить В. Гьюсти, Д. Клайна, С. Лукашевича, Р. Спенсера, М. Сидни, Д. Курланда, Ф. Коплстоуна¹⁰². В 1990 г. вышла работа Г. Кронины, посвященная исследованию «творческой реакции»

60; *Корольков А.А.* Эстетизм К.Н. Леонтьева как Антипод эгалитарного прогресса и массовой культуры // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 1 (59). С. 36-39; *Кулагин Н.О.* Особенности мировоззрения К. Н. Леонтьева и их актуальность в наши дни // Лебедевские чтения. Сборник статей по материалам XXIII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В.И. Лебедева и 350-летию со дня рождения Петра I. 2022. С. 78-82; *Пчелкина С.Ю.* Феномен К.Н. Леонтьева: от эстетизма к религиозному чувству // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 1 (59). С. 46-52; *Смогоржевская Р.Г.* Ф. М. Достоевский и К. Н. Леонтьев о России, Европе и Славянстве: общее и особенное (к 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского и 190-летию со дня рождения К. Н. Леонтьева) // Александр Невский: мыслитель, подвижник, политик. Сборник статей по материалам международной научной конференции. К 800-летию со дня рождения. 2022. С. 90-95; *Смышляева Е.С.* Деспотическая идея и деспотическая личность: два варианта деспотизма в философских учениях К. Леонтьева и Ф. Ницше // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20. № 1. С. 52-62; *Прийма И.Ф.* Духовно-политические искания К.Н. Леонтьева. СПб., 2022; *Фатеев В.А.* Византизм К.Н. Леонтьева и философия религии Вл. С. Соловьева. Часть II: от дружеской религиозной полемики к идейному противостоянию // Труды Кафедры Богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 1 (17). С. 197-219.

⁹⁸ *Kohn H.* The mind of modern Russia: Historical and Political thought of Russia's great age. New Jersey, 1955.

⁹⁹ *Cloutier H.* Leontiev on nationalism // Review of Politics. 1955. Vol.17. April. P.262-272.

¹⁰⁰ *Gasparini E.* Scrittori russi: Pushkin, Lermontov, Gogol, Dostoevskij, Tolstoj, Checov, Leont'ev. Padova, Marsilio. 1966; *Gasparini E.* Le previsioni di Constantino Leont'ev, Venezia, 1957.

¹⁰¹ *Thaden E.* Conservative nationalism in nineteenth century Russia. Seattle, 1964.

¹⁰² *Kurland J.* The history and destiny of Russia according to Konstantin Leont'ev // An unpublished M.A.thesis. NY. 1952; *Giusti W.* Un pensatore russo contro corrente: Constantino Leont'ev // Storia e politica. 1964. Vol.3. Iss.1. P.50-79; *Lukashevitch S.* K.Leontiev. A study in Russian heroic vitalism. NY, 1967; *Kline G.L.* Religious new-conservatives: Leontiev and Rozanov // Religious and anti-religious thought in Russia. 1968; *Spenser R.E.* Essays in Russian literature. The conservative view; Leontiev, Rozanov, Shestov. 1968; *Sidney M.* Leontiev: a meditation // Journal of Modern History. Sept.1971. Vol.43. Iss.3. P.483-494; *Copleston F.C.* Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev. Tunbridge Wells, Kent, England. 1986.

Леонтьева¹⁰³. В 1991 г. Э. Доулер провел сравнение консервативных взглядов К.Н. Леонтьева и А.А. Григорьева¹⁰⁴. Однако специальных исследований о Леонтьеве на Западе вышло немного, и почти все они находились в зависимости от дореволюционной русской литературы¹⁰⁵. В 2000-е гг. зарубежные исследователи продолжили изучение творчества Леонтьева. В статьях Г. Мондри, наряду с биографией Леонтьева, исследуются его взгляды по вопросам национализма и этнического разнообразия¹⁰⁶. Историко-культурологическим идеям Леонтьева и его взглядам на творчество Ф.М. Достоевского посвящены работы М. Броды¹⁰⁷, воззрениям мыслителя на политику Франции и Великобритании посвящены статьи Д. Бон-Грей¹⁰⁸. В 2020 году вышла книга болгарской исследовательницы Ю. Златковой, посвященная дипломатической службе Константина Леонтьева на Востоке, а также его размышлениям об устройстве славянского мира, судьбе славянства и национальной проблематике на Балканах, прежде всего, в Болгарии¹⁰⁹. К творчеству Леонтьева обращались и другие зарубежные исследователи¹¹⁰.

¹⁰³ *Cronin G.* Konstantin Leont'ev: creative reaction // *Ideology in Russian literature*. NY. 1990. P.99-115.

¹⁰⁴ *Dowler E.W.* Two Conservative Views of Nationality and Personality. A.A.Grigor'ev and K.N.Leont'ev // *Studies in Soviet Thought*. 1991. P.19-32.

¹⁰⁵ *Салмин А.М.* Политическая историософия Константина Леонтьева // *Русская политическая мысль 2-й половины XIX в. М., 1989. С.91-92.*

¹⁰⁶ *Mondry H.* Leont'ev, Konstantin, 1831—1891 (Russian novelist) // *Russian literature in the Age of Realism*; Gale Group. 2003. P.199-206; *Mondry H.* In praise of ethnic dress: Konstantin Leontiev's politics of diversity // *Slavic & East European Journal*. Spring 2014. Vol.58. Iss.1. P.57-75.

¹⁰⁷ *Broda M.* Historia a eschatologia: Studia nad mysla Konstantego Leontjewa I "zagadka Rosji". Lodz: Wydaw. Uniw. Lodzkiego. 2001; *Брода М.* Проблемы с Леонтьевым. Пер. с польск. М. 2001; *Broda M.* The "Unrecognized Phenomenon" of Konstantin Leont'ev // *Russian Studies in Philosophy*. Spring 2008. Vol.46. Iss.4. P.5-18; *Broda M.* Dostoevskij in the eyes of Leont'ev. The foundations and consequences of different identities // *Studies in East European Thought*. 2009. Vol.62. Iss.1. P.29-40; *Broda M.* Antipodes of "pink Christianity": Konstantin Leontiev's dispute with Fyodor Dostoyevsky and Lev Tolstoy // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica*. 2018. No. 11. P. 99-110.

¹⁰⁸ *Beaune-Gray D.* Leont'ev's views on France and Great Britain // *Other voices: Three Centuries of Cultural Dialogue between Russia and Western Europe / edited by Graham H.Roberts*. 2011. P.44-54.

¹⁰⁹ *Златкова Ю.* Константин Леонтьев и Балканите. София, 2020.

¹¹⁰ *Knowles A.V.* Chapter 4: After 'Anna Karenina' 1886—1910: Part 90: Leontiev on Tolstoy's qualities // *Count Leo Nikolaevich Tolstoy: The Critical Heritage*; 1997. P.376-382; *Bohun M.* Kontrewolucja i pesymizm: Filozofia spoleczna Konstantina Leontjewa. Krakow. 2000. 288 p.; *Bohun M.* Nikolai Mikhailovskii and Konstantin Leont'ev. On the political Implication of Herbert Spencer's Sociology // *Studies in East European Thought*. March 2002. Vol.54. Iss. 1, 2. P.71-86; *Soboleva M.* Russische Philosophie im Kontext der Interkulturalitat. Nordhausen: Bautz, Traugott. 2006. 133 p.; *Beaune-Gray D.* L'art de Tolstoy selon Constantin Leont'ev // *Cahiers Leon Tolstoy*. № 19. 2008. P.41-51; *Shenfield S.D.* Introduction // *Russian Studies in Philosophy*. Spring 2008. Vol.46. Iss. 4. P.3-4; *Kuprjanowicz T.* The influence if the Spirituality of the Optina Monastery on the Work of Russian Philosophers and Writers of the Work of the

В целом, даже краткий историографический обзор показывает, что несмотря на огромное число статей и книг, посвященных Леонтьеву, его наследие исследовано далеко не полностью, в частности, в научной литературе отсутствуют работы, в которых было бы представлено историко-политологическое исследование всего спектра социально-политических идей К. Н. Леонтьева как «творческого консерватизма».

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является социально-политическое наследие Леонтьева, представленное совокупностью его публицистических и литературных работ, писем и дипломатических донесений. Предметом исследования является «творческий консерватизм» Леонтьева как комплекс его общественно-политических идей.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является историко-политологическая реконструкция «творческого консерватизма» К.Н. Леонтьева на основе анализа его произведений и писем. Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих задач:

- рассмотреть социально-политические аспекты леонтьевских концепций «эстетики жизни», «триединого процесса» развития и византизма;
- дать анализ взглядов Леонтьева на «эгалитарно-либеральный» прогресс и его последствия для государства и общества;
- исследовать критику мыслителем идей панславизма, а также систематизировать его представления о национализме;
- рассмотреть предложения Леонтьева по решению Восточного вопроса и определить характерные черты проекта Славяно-Азиатской цивилизации;
- систематизировать представления Леонтьева о роли и значении русского народа в исторической судьбе России, а также показать особенности критики Леонтьевым реформ Александра II;
- охарактеризовать леонтьевский проект будущего устройства России на социалистической основе.

Методология исследования включает две группы методов: общенаучные и специальные. Общенаучные методы представлены анализом, синтезом, дедукцией, индукцией, аналогией, сравнением, классификацией, доказательством. Специальные методы включают исторический, биографический методы, метод анализа документов и историко-политологической реконструкции, а также приемы политико-текстологического анализа. В основу исследования положены материалы, исторические и теоретико-методологические разработки отечественных ученых О.К. Авдеева, К.М. Долгова, Д.В. Ермашова, А.П. Козырева, А.А. Королькова, В.И. Косика, М.А. Маслина, М.М. Мчедловой, А.Г. Мячина, С.В. Перевезенцева, Б.А. Прокудина, А.В. Репникова, О.А. Тесли, А.А. Ширинянца и других.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в отечественной политической науке проведены целостное историко-политологическое исследование и структуризация общественно-политического наследия Леонтьева как «творческого консерватизма» во взаимосвязи с социально-политическими аспектами его концепций «эстетики жизни», «триединого процесса» развития и византизма. В результате этого:

1. В новом ключе доказывается творческий характер консерватизма Леонтьева, своеобразие которого состоит в том, что на его вызревание оказал влияние эстетизм. Показано, что идея творчества нации как основного источника создания эстетики в жизни государства и общества занимает центральное место в идейном комплексе Леонтьева.

2. Дано определение «творческого консерватизма» Леонтьева, выделяющего его в ряду других приверженцев консервативных идей второй половины XIX века. Выявлена структура «творческого консерватизма» Леонтьева, состоящая из теоретических основ и практических идей по поводу внешней и внутренней политики России.

3. Установлено, что теоретическими основами в «творческом консерватизме» являются концепты «эстетики жизни», «триединого процесса», византизма и их антипода – «эгалитарно-либерального процесса». Обосновано авторское разделение практических предложений Леонтьева на три группы (меры, направленные на

усиление обособленности России от Запада, укрепление в России византизма и торможение распространения в России либеральных идей).

4. Проведены систематизация и анализ всей совокупности идей Леонтьева по внешней политике, обоснована их принадлежность к «творческому консерватизму» (критика панславизма и идей политического национализма, концепт «истинно-национальной» политики, меры по укреплению культурного и духовного влияния России на Востоке, проект создания на Востоке Славяно-Азиатской цивилизации и гептастилизм).

5. Систематизированы идеи Леонтьева по проблемам внутренней политики как важный элемент «творческого консерватизма» (национальное самопознание русского народа, в том числе либеральной интеллигенции, прогрессивно-хранительные» меры и идея «хранительного социализма»).

6. Показана взаимосвязь теоретических основ «творческого консерватизма» Леонтьева и его практических идей, а также обосновано положение о том, что теоретические концепты являются неизменным фундаментом, на котором мыслитель создает и развивает свои социально-политические проекты, вне зависимости от области применения его идей – в международной политике или внутри страны.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Специфика консерватизма Леонтьева определяется эстетическим мировоззрением мыслителя, повлиявшим на его социально-политические идеи. Эстетика приобретает для Леонтьева метафизический смысл и становится главным критерием, с помощью которого он оценивает все сущее. Творческий характер консерватизму Леонтьева придают следующие положения: наличие видимой эстетики в жизни – признак внутренней творческой силы в государстве и обществе, государства и общества могут существовать до тех пор, пока в них пребывает разнородная эстетика; «национальное творчество», понимаемое Леонтьевым как обладание нацией независимостью в мышлении и вкусе, и вытекающая из этого способность к созданию своих собственных оригинальных идей, определяет силу, жизнеспособность и развитость как нации, так и государства в целом; способность к творчеству определяется религиозными верованиями народа, совершенствующими его дух, стремление нации к усилению культурных различий от других укрепляет ее творческий потенциал; для

сохранения творческой силы необходимо отвержение всего однообразного, посредственного, массового и пошлого, понижающего человека интеллектуально и духовно. В государстве требуется охранение «хорошего» старого и творческое развитие «нового», подходящего народному менталитету, «прогрессивно-хранительные» меры, в которых эстетизм выполняет важные хранительные функции.

2. «Творческий консерватизм» Леонтьева представляет собой оригинальную социально-политическую программу, в основу которой положена задача пробуждения, сохранения и приумножения творческого потенциала русского народа, создающего и развивающего эстетику во всех сферах своей деятельности («эстетику жизни»). В связи с этим в «творческом консерватизме» ценностями являются не столько традиционные институты или традиции сами по себе, сколько то, в какой степени они способствуют сохранению способности народа к творчеству и созданию «эстетики жизни». Структура «творческого консерватизма» Леонтьева включает совокупность теоретических основ и прикладных замыслов, причем теоретические основы являются фундаментом, на котором мыслитель создает все свои социально-политические проекты.

3. Теоретическими основами «творческого консерватизма» являются концепты «эстетики жизни», «триединого процесса» развития, византизма и эгалитарно-либерального прогресса, в смешении с которым уничтожается могущество, своеобразие и красота любого государства и общества. Теоретические основы являются неизменным ядром социально-политического творчества Леонтьева, вне зависимости от области применения его идей на международной арене или внутри страны.

4. Внешнеполитические идеи «творческого консерватизма» включают: обоснованную критику панславизма и идей политического национализма в связи с их опасностью для России – государства со сложными культурными и политическими задачами; концепт «истинно-национальной» политики, обуславливающий полезность сближения народов на основании сходства культурно-религиозных традиций, а не по языку и крови; меры по укреплению культурного и духовного влияния России на Востоке, предполагающие осторожное развитие восточных славян в духе византизма под владычеством Турции вместо разжигания в них политического национализма; идею православно-

мусульманского единства и создание на Востоке Славяно-Азиатской цивилизации, ядром которой должны стать общие верования православных и мусульманских наследников Византии и созданная ими наивысшая идеальная культура (гептастилизм).

5. Внутриполитические идеи «творческого консерватизма» включают: национальный «гнозис» русского народа – основного творца и хранителя эстетики жизни и национального своеобразия России, переосмысление своей роли русской интеллигенцией, что позволит возродить национальное народное творчество, независимое от внешних образцов, и встать во главе умственной жизни всего человечества; «прогрессивно-хранительные» социально-экономические меры с целью торможения в России либеральных идей, творческого развития византийских начал и усиления обособленности России от Запада; идею «хранительного социализма». Причем Леонтьева привлекало в социализме не только выявленное деспотическое начало, но и его сходность с христианством, вследствие чего социализм на российской почве приобретет религиозные и жертвенные черты.

6. Все высказанные идеи Леонтьева по укреплению Российского государства служат сохранению и развитию способности русского народа к национальному творчеству и созданию эстетики в своей жизни, укреплению в государстве византийских начал и стремлению задержать Россию на стадии «цветущей сложности» в ходе триединого процесса развития в противостоянии с эгалитарно-либеральным прогрессом, что соответствует выявленным теоретическим основам «творческого консерватизма».

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты исследования позволяют расширить представление о социально-политическом наследии К.Н. Леонтьева. Впервые в отечественной историко-политологической науке исследован «творческий консерватизм» Леонтьева как совокупность социально-политических идей, затрагивающих вопросы развития российского общества и укрепления государства, проведения полезной для России национальной и внешней политики, воплощения проектов Славяно-Азиатской цивилизации и будущего устройства России на основе «хранительного социализма» во взаимосвязи с социально-политическими аспектами его концепций «эстетики жизни», «триединого

процесса» развития и византизма. С учетом социально-политических прогнозов Леонтьева предпринятое исследование позволяет дать оценку политическим, социальным, культурным и духовным преобразованиям, захватившим Россию и мир в XXI веке.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использования его результатов в научной работе для дальнейшего изучения социально-политического наследия Леонтьева и истории социально-политической мысли России, в разработке и преподавании курсов по истории социально-политических учений, истории русской философии, истории русской культуры и истории России. Материалы и выводы диссертации могут стать основой для дальнейших исследований по широкому кругу историко-политологических проблем.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности 5.5.1. «История и теория политики» в пунктах: 5. История социально-политической мысли России: направления, течения, доктрины, теории, концепции, учения и идеи. 6. Теория и методология историко-политологических исследований.

Апробация работы: Основные положения и тезисы диссертации были изложены в двадцати двух научных публикациях, в том числе в 5 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, входящих в Дополнительный список рецензируемых научных изданий для публикации научных результатов диссертаций, утвержденный Ученым советом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (список АК МГУ), а также в монографии автора. Материалы и выводы диссертации были апробированы в выступлениях на III Международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений» (2015), XXIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (2016), VI Международной научной конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО-2016. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени» (2016), IV Международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений» (2017), VII Международной научной конференции молодых уче-

ных и специалистов «КЛИО-2017. Революции в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени» (2017), V Международной научной конференции «Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX — XXI вв.» (2017), VIII Международной научной конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО-2018. Гражданские конфликты и гражданские войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени» (2018) и других.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова 15 февраля 2023 г.

Структура диссертационного исследования. Структура работы определена ее целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав по два параграфа каждый, заключения и списка литературы.

Глава I. Теоретические основы «творческого консерватизма» К. Н. Леонтьева

§1. «Эстетика жизни». «Триединый процесс» развития. Византизм¹¹¹

Творческое наследие К. Н. Леонтьева разнообразно настолько, что практически в каждой области гуманитарного знания мыслитель оставил свой след. Так, по мнению современных исследователей, литературное наследие Леонтьева универсально и может дать «1) историку — ценный материал для уяснения специфики консульской службы на Востоке в период, когда Россия — по известному выражению канцлера Горчакова — «сосредотачивалась», всецело подчинив свою внешнюю политику задачам внутреннего развития; 2) этнографу — красочные подробности уходящего патриархального быта народов Османской империи в годы перед бурным развитием всеевропейских мещанских стандартов; 3) литературоведу — богатую пищу для размышлений о путях становления леонтьевского стиля»¹¹². Однако, в первую очередь, как отмечает Н. А. Бердяев, творческое наследие Леонтьева «насыщено волей к власти и культом власти»¹¹³.

Чтобы определить место Леонтьева в ряду его идейных соратников по консервативному направлению, необходимо учитывать свойственный мировоззре-

¹¹¹ При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Убирия (Столярова) И.Ф.* Эстетизм и консерватизм в творчестве К.Н. Леонтьева // SCHOLA-2015: Материалы Третьей международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений» / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А.Ширинянца. 2015. М.: Издательство Московского ун-та. С. 396–401; *Горохов А.А., Убирия (Столярова) И.Ф.* «Эстетика жизни» и проблема эгалитарного прогресса в творчестве К.Н. Леонтьева // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 4. (Электронная ссылка: <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/715>). С.1-10; *Убирия (Столярова) И.Ф.* Российская государственность и «византизм» в политической концепции К.Н. Леонтьева // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С.229-236; *Убирия (Столярова) И.Ф.* Соотношение эстетики и морали в политической теории К.Н. Леонтьева // Сборник материалов VI Международной конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени». М.: РОССПЭН, 2016. С.574-577; *Столярова И.Ф.* «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Социально-политическая мысль. 2020. С.47-80; *Столярова И.Ф.* Эстетика в социально-политическом творчестве К.Н. Леонтьева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 69–73.

¹¹² *Жуков К.А.* Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева. СПб., 2006. С.50.

¹¹³ *Бердяев Н.А.* Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М., 2007. С.6.

нию Леонтьева эстетизм, в соответствии с которым красота признается высшей ценностью¹¹⁴. Эта черта мыслителя была отмечена его современниками. Так, Л. А. Тихомиров писал об этом: «Совершенно не знаю обстановки его воспитания, но у него проявлялась какая-то прирожденная властность, стародворянская тонкость вкуса, а также и стародворянская распущенность. Вообще, он производил впечатление утонченно развитого русского барина. С этим связано и его какое-то физиологическое отвращение от всякого хамства. Хуже хамства для него не было ничего на свете. А что такое хамство? Неразвитость умственная, неразвитость вкуса, неразвитость личности, отсутствие собственного достоинства и неуважение к чужому достоинству, отсутствие великодушия и истинного мужества, вообще ряд черт, противоположных понятиям «рыцарства» и «благородства»»¹¹⁵.

Эстетизм, оказавший значительное влияние на формирование взглядов и представлений в творчестве Леонтьева проявился достаточно рано. Уже в студенческие годы мыслитель был убежден, что постижение мира возможно только сквозь призму эстетического мировосприятия. В его понимании лишь поэзия способна отразить мир в его эстетической целостности, в то время как наука, оперируя лишь единичными фактами и событиями, портит «*стиль и живой дух*» и не дает человеку сосредоточиться на поэтическом, художественном видении. По мысли Леонтьева, необходимо «быть почти гением», чтобы подавить в себе «тяжелый груз научных фактов и воспоминаний» и вырваться «на простор широких линий поэтико-художественного мировоззрения»¹¹⁶. Произведением, свидетельствующим, по словам Леонтьева, о его «исключительно эстетическом мировоззрении», является роман «В своем краю», в котором он изложил свою эстетическую концепцию: «Нам есть указание в природе, которая обожает разнообразие, пышность форм; наша жизнь по ее примеру должна быть сложна и богата... Прекрасное — вот цель жизни, и добрая нравственность, и самоотвержение ценны

¹¹⁴ По мнению А. А. Ширинянца, консерватизм (в широком понимании) представляет собой универсальный феномен, включающий не только политическую идеологию, но и образ мышления, стиль поведения и способ мировосприятия (см.: *Ширинянец А.А.* Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011. С.210).

¹¹⁵ *Тихомиров Л.А.* К.Н. Леонтьев // *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С.632-633.

¹¹⁶ *Гулыга А.В.* Немецкая классическая философия. М., 2001. С.61.

только как одно из проявлений прекрасного, как свободное творчество добра. Чем больше развивается человек, тем больше он верит в прекрасное, тем меньше в полезное»¹¹⁷. В его представлении прекрасное никогда не гибнет, а становится достоянием истории и помогает человечеству в ее постижении: «вооружась прекрасным, мы понимаем и любим историю»¹¹⁸. Прекрасное является проявлением вечности в окружающем мире, в связи с чем у Леонтьева эстетика приобретает метафизический смысл: «Я считаю *эстетику мерилом* наилучшим для истории и жизни, ибо оно приложимо ко всем векам и ко всем местностям»¹¹⁹.

Абсолютизируя эстетический критерий, Леонтьев утверждает, что только с его помощью можно познать мир и закономерности его развития. В письме о. Иосифу Фуделю 6 июля 1888 г. он рассматривает все критерии, на основании которых можно судить о мире и человечестве, и убеждается в их недостаточной универсальности. Так, церковная мистика подходит как критерий, по его мнению, только единоверцам, поскольку «нельзя Христианина судить и ценить *по Мусульмански* и наоборот»¹²⁰. Мораль и политика могут быть критериями для оценки всего человечества, но не более того. Биология — более широкий критерий, поскольку она применима ко всему органическому миру. Но самые всеобъемлющие критерии — эстетический и физический, поскольку «и тот и другой приложимы *ко всему*; — начиная от минерала и до самого всесвятейшего человека»¹²¹. По Леонтьеву, эстетика является самым достоверным критерием, потому что она «приложима и к отдельным человеческим обществам, к *социологическим, историческим задачам*», более того, в том обществе и государстве, где будет «много поэзии — непременно будет много веры, много религиозности и даже много *живой* морали. — Надо поэтому желать, чтобы в будущей России (и во Все-славянстве) было бы побольше поэзии, не в смысле — писания хороших стихов и романов, а в том смысле, чтобы сама жизнь была *достойна* хорошего *изоб-*

¹¹⁷ Леонтьев К.Н. В своем краю // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.2. СПб., 2000. С.152-153.

¹¹⁸ Там же. С.153.

¹¹⁹ Леонтьев К.Н. Письма К.Н.Леонтьева к В.В.Розанову. 13 августа 1891 г., Оптина Пустынь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 12. Кн.3. СПб., 2021. С.172.

¹²⁰ Леонтьев — Фуделю. 6–23 июля 1888 г. Оптина Пустынь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. Приложение. Кн. 1. СПб., 2012. С.76.

¹²¹ Там же.

ражения»¹²². Между тем, само понятие «эстетика» обществом не воспринимается в верном ключе: «... в наше время — большинство гораздо больше понимает эстетику в природе и в искусстве, чем эстетику в истории и вообще в жизни человеческой»¹²³. Дело в том, что эстетика природы и искусства более гуманистична, утешительна и безопасна, в то время как «настоящая эстетика самой жизни» связана с жестокостью, пороками и опасностями, поэтому «нынешнее боязливое (сравнительно, конечно, с прежним), слабонервное, мало-верующее, телесно — самоизнеженное и жалостливое (тоже сравнительно с прежним) человечество — радо радешенько — видеть всякую эстетику на полотне, подмостках опер и трагедий и на страницах романов, а в действительности — “избави Боже!”»¹²⁴. По его мнению, люди должны жить не для удобств, а для прекрасного¹²⁵. Более того, человек способен ощущать красоту в жизни непосредственно, не прибегая для этого к помощи искусства, ведь, по Леонтьеву, «картины жизни» первичны, «картины искусства» вторичны, а «эстетика жизни гораздо важнее отраженной эстетики искусства. ... Будет жизнь пышна; будет она богата разнообразн<ою> борьбою сил божественных (религиозных) и с силами страстно-эстетическими (демоническими) — придут и гениальные отражения в искусстве»¹²⁶. Леонтьев превозносит жизнь со всеми ее достоинствами и недостатками: «Да здравствует жизнь!.. Жизнь как она есть, со всей полнотой успехов и опасностей, тонкого наслаждения и лукавой борьбы!»¹²⁷. Именно «эстетика жизни» является основой мировоззрения Леонтьева.

В представлении Леонтьева «эстетика жизни» состоит из трех элементов: красота, разнообразие (государственных и общественных устройств, людей, положений в обществе, быта, религий, культур, традиций, природы и климата) и

¹²² Там же. С.79-80.

¹²³ Письма К.Н.Леонтьева к В.В.Розанову. 13 августа 1891 г., Опт.П. // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 12. Кн.3. СПб., 2021. С.171.

¹²⁴ Письма К.Н.Леонтьева к В.В.Розанову. 13 августа 1891 г., Оптина Пустынь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 12. Кн.3. СПб., 2021. С.171.

¹²⁵ См.: Леонтьев К.Н. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап.Григорьеве // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.6. Кн.1. СПб., 2003. С.13.

¹²⁶ Леонтьев — Фуделю. 6–23 июля 1888. Оптина Пустынь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Приложение. Кн.1. СПб., 2012. С.79-80.

¹²⁷ Волкогонова О.Д. Константин Леонтьев. М., 2013. С.105.

противоборство различных социокультурных элементов¹²⁸. Красота, в понимании Леонтьева, не сводится исключительно к внешней красоте явлений или людей, это понятие охватывает все мироздание (живую и неживую природу, этику, политику, историю, литературу и искусство). Эстетика является высшей ценностью для Леонтьева, даже нравственность представляется ему только уголком прекрасного, одной из полос его¹²⁹. Всякое неординарное явление Леонтьев считал более ценным, чем множество обыденных явлений: «Одно столетнее величественное дерево дороже двух десятков безличных людей»¹³⁰. Леонтьев «прекрасным» оправдывает все человеческие поступки, в том числе и насилие, ведь, по его мнению, в великом народе взаимосвязаны зло и жестокость с добротой и гуманностью¹³¹. Эти мысли Леонтьева дали повод Б. А. Грифцову назвать его «предвестником нищезанятия, неожиданно появившимся в 60-х годах»¹³², О. Д. Волкогонова отмечает поразительное сходство эстетических воззрений Леонтьева и Ницше: «К подобному выводу двумя десятилетиями позднее пришел и Ницше, изучая античность. Если до него в древних греках видели расу «прекрасных детей», «золотой век» человечества, то Ницше первым описал их как свирепый и воинственный народ, хотя и создавший уникальную культуру; они «имели склонность к жестокости, к брутальному удовольствию разрушать», но были и «самым гуманным народом античности»»¹³³. При этом Леонтьев выступает не против морали в целом, а против морали, лишенной черт прекрасного, иначе говоря, он выступает с позиций романтического эстетизма против буржуазной морали, утверждая иную мораль, основанную на эстетическом чувстве, мораль аристократически-героическую¹³⁴, что и делало его предшественником Ницше. Как и Леонтьев,

¹²⁸ См.: *Горохов А.А., Убирия (Столярова) И.Ф.* «Эстетика жизни» и проблема эгалитарного прогресса в творчестве К.Н. Леонтьева // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 4. (Электронная ссылка: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/715>). С.2.

¹²⁹ *Леонтьев К.Н.* В своем краю // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.2. СПб., 2000. С.23.

¹³⁰ Там же. С.46.

¹³¹ Там же. С.45.

¹³² *Грифцов Б.А.* Судьба К.Н. Леонтьева // *Русская мысль*. 1913. № 2. С.58

¹³³ См.: *Волкогонова О.Д.* Константин Леонтьев. М., 2013. С.102.

¹³⁴ *Хатунцев С.В.* Константин Леонтьев. Интеллектуальная биография. 1850–1874. СПб., 2007. С.103.

Ницше писал о «свободных умах», находящихся выше моральных ограничений, «по ту сторону добра и зла», настроенных полагаться на себя, а не на традицию¹³⁵.

Понятие прекрасного для Леонтьева тесно связано с понятием силы — если какое-нибудь явление сильно, то оно «прекрасно в своем роде»¹³⁶. Эти взгляды разделял и Ницше: «Самые сильные и самые злые души до сих пор продвигали человечество более всех... злые побуждения столь же полезны, необходимы и спасительны для видов, сколь и добрые»¹³⁷. В работах Ницше, как и в сочинениях Леонтьева, сохранилось преклонение перед силой и красотой и презрение к слабому человечеству и больной европейской цивилизации. Более того, во многих произведениях Ницше, как пронизательно отмечает О. Д. Волкогонова, «звучит настойчивый мотив: мораль — не более чем обычай, служащий смиренной рубашкой для сильных личностей»¹³⁸. По мнению обоих мыслителей, движущей силой истории является не благоденствие, а борьба: рождение прекрасного происходит в результате взаимодействия состязательности, силы и страсти. И в этом смысле зло и добро невозможны друг без друга. По Леонтьеву, поскольку «зло на просторе родит добро», то жертвы и трагедии не страшны: «кровь не мешает небесному добродушию», ужасны не пороки, а пошлость, бессилие и безличие, сон, равнодушие и лавочная осторожность¹³⁹. Отсутствие великих личностей, «достойных» людей невыносимо для Леонтьева. Он всецело полагал, что для формирования великих людей нужны широкий досуг, роскошь и «разнообразие представлений», порождаемое неравноправным общественным строем. Только при таких условиях могли являться Байроны и Шекспир, Цезари и Потемкины¹⁴⁰. Сравнивая Леонтьева и Ницше, Н. А. Бердяев заключает: «Воля к могуществу, аристократизм, трагическое чувство жизни, острый эстетизм, аморализм, сосредоточенность внимания на условиях цветения и декаданса культур — все это роднит Леонтьева с Ницше»¹⁴¹. По мнению Леонтьева, для разви-

¹³⁵ Ницше Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках. Свердловск. 1991. С.17.

¹³⁶ Леонтьев К.Н. Наше общество и наша изящная литература // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.9. СПб., 2014. С.92.

¹³⁷ См.: Волкогонова О.Д. Константин Леонтьев. М., 2013. С.102.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Леонтьев К.Н. В своем краю // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.2. СПб., 2000. С.46.

¹⁴⁰ См.: Волкогонова О.Д. Константин Леонтьев. М., 2013. С.153.

¹⁴¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. СПб., 2016. С.102.

тия «лица» (то есть личности), необходимы не только общественное неравенство и противоборство, но и обособление наций посредством усиления их культурных различий: «Всякая нация только тем и полезна другой, что она другая. Уперлась одна нация в стену, не знает, что делать; поглядела на другую и освежилась!»¹⁴². Исходя из этого, одной из основных причин неприязни Леонтьева к демократии можно считать его убеждение в том, что воспитание человеческих характеров в условиях всеобщего равенства сделает эти характеры схожими, в результате всеобщего усреднения исчезнет порода великих людей — «лица, богатые дарованием и самобытностью»¹⁴³, а вслед за ними — «поэзия жизни» и великое искусство всех жанров. Чтобы этого не случилось, необходимы «страдания и широкое поле борьбы»¹⁴⁴. Всеобщей бесцветности, которую несет с собой буржуазный прогресс, Леонтьев предпочитал войну, «поэтические суеверия и доблестные предрассудки»¹⁴⁵.

При этом Леонтьев не только обосновывал «героизм» теоретически, но и старался практически воплощать его в своей жизни. Исследователи творчества Леонтьева указывают на то, что «составные части «героического» способа жизни Леонтьева несложны — огромное честолюбие, отвага, верное служение государю и отечеству, покорение женских сердец. Цель — слава»¹⁴⁶. Леонтьеву хотелось получить от жизни как можно больше новых впечатлений и эстетических переживаний, что побудило его добровольно отправиться на войну в Крым, где он стал служить лекарем: «Я в Москве имел уже сам связи с людьми известными, влиятельными, богатыми, с учеными, с литераторами. Я по охоте бросил все это, оставил не *комнату*, а хорошие *комнаты* в доме богатых родных..., общество молодых девушек, которые говорили по-английски, грассировали и танцевали на лучших московских вечерах. Я бросил все это именно для того, чтобы кинуться головой вниз в жизнь более грубою, более страшную, более тяжкую для тела, но более

¹⁴² Леонтьев К.Н. В своем краю // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.2. СПб., 2000. С.155.

¹⁴³ Леонтьев К.Н. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве // Там же. Т.6. Кн.1. СПб., 2003. С.538.

¹⁴⁴ Леонтьев К.Н. В своем краю // Там же. Т.2. СПб., 2000. С.152.

¹⁴⁵ Леонтьев К.Н. Письмо к Н.Н. Страхову от 20 мая 1863 г. // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.11. Кн.1. СПб., 2018. С.236.

¹⁴⁶ Володихин Д.М. «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. М., 2000. С.10.

здоровую и легкую для души и ума»¹⁴⁷. Мыслитель заключает, «что надо немножко зверства в жизни порядочного человека»¹⁴⁸. Леонтьева привлекало, что война не только несет с собой горести и разрушения, но и способствует раскрытию и формированию лучших человеческих качеств, которые на поле боя проходят проверку на прочность¹⁴⁹. Страстные и героические натуры, которыми восхищался мыслитель, именно в бою проявляли свои лучшие качества. Став участником военных событий, Леонтьев противопоставляет военную и гражданскую жизнь, подчеркивая, что «в трудные и опасные минуты исторической жизни общество всегда простирает руки не к ораторам или журналистам, не к педагогам или законникам, а к людям силы, к людям, *повелевать умеющим, принуждать дерзающим*»¹⁵⁰. Н. А. Бердяев отмечал, что «любовь к войне и идеализация войны остались у К[онстантина] Н[иколаевича] навсегда. В войне он видел противоположность современной буржуазной цивилизации... Он искал эстетики жизни, искал счастья в красоте. И не мог найти ни эстетики жизни, ни счастья в красоте у окружающего его культурного общества, у русской интеллигенции»¹⁵¹. Мысль о том, что образованное общество содержит в себе менее, чем где-либо живой непосредственной поэзии, Леонтьев изложил в статье «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» (1888): «Я думаю, я верю, что благо тому государству, где преобладают эти “жрецы и воины” (епископы, духовные старцы и генералы меча) и горе тому обществу, в котором первенствуют “софист и ритор”... Первые придают *форму* жизни; они способствуют ее охранению; они не допускают до расторжения во все стороны общественный *материал*; вторые, по *существу своего призвания*, склонны способствовать этой гибели, этому плачевному всерасторжению»¹⁵². С. Л. Франк писал о главной идее в творчестве Леонтьева: «Она состоит в единственной для русской духовной жизни установке: *в вере в высшую ме-*

¹⁴⁷ Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.6. Кн.1. СПб., 2003. С.138-139.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Репников А.В. К.Н.Леонтьев // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 2010. С.6.

¹⁵⁰ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М., 2007. С.95.

¹⁵¹ Там же. С.28.

¹⁵² Леонтьев К.Н. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.299-300.

тафизическую ценность красоты, которая заключается в свободном космическом проявлении полноты жизни, а значит, в отрицании господствующих моральных критериев, ведущих к упрощению и обеднению жизни. Из этого возникает страстная, никогда не могущая успокоиться ненависть ко всему мещанскому, убогому, прозаически-добродетельному, нивелирующему в личной и общественной жизни. На этой эстетико-метафизической ненависти покоится его социально-политический консерватизм, более того — его реакционерство»¹⁵³. Таким образом, эстетизм, свойственный мировоззрению мыслителя, наложил отпечаток на все его творчество, включая общественно-политические идеи.

Несмотря на то, что Леонтьев прошел путь от кратковременного увлечения либерализмом до реакционного консерватизма, эстетизм всегда оставался основой его общественно-политических воззрений. Так, в период увлечения республиканизмом его привлекали «те стороны великих республик, которые у них общи с великими монархиями: сила, вырабатываемое сословным строем разнообразие характеров, борьба, битвы, слава... *ибо только там много бытовой и всякой поэзии, где много государственной и общественной силы»*¹⁵⁴, а вовсе не равенство прав и свобода. Исходя из эстетических причин Леонтьев также приветствовал мятежи и революции: «Я стал впервые понимать, что и мятежи народные мне нравились не по цели, а разве по драматичности... Пусть они будут, но чтобы их усмиряли! Цели же демократические мне ужасно не нравились и чтение Герцена... уже прежде подготовило во мне поворот к охранению и реакции»¹⁵⁵. Пережив увлечение либеральными идеями, Леонтьев занял консервативные позиции, которым не изменял до конца жизни и, по его собственным словам, «стал любить Монархию, полюбил войска и военных, стал и *жалеть*, и ценить дворянство»¹⁵⁶. По мнению Н. А. Бердяева, Леонтьев «сделался “консерватором”, потому что увидел, что прекрасное на стороне церкви, монархии, войска, дворянства, неравенства и

¹⁵³ Франк С.Л. Константин Леонтьев, русский Ницше // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С.406-407.

¹⁵⁴ Леонтьев К.Н. Рассказ моей матери об императрице Марии Феодоровне // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.6. Кн.1. СПб., 2003. С.562.

¹⁵⁵ Коноплянцев А.А. Жизнь К.Н.Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. С-Петербург., 1911. С.52.

¹⁵⁶ Леонтьев К.Н. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн. 1. СПб., 2007. С.299.

т.д., а не на стороне современного равенства и средней буржуазности. Образ прекрасного был для него связан с разнообразием. Прекрасно лишь общество, основанное на разнообразии, на дифференциациях, на неравенстве. Это стало аксиомой его общественной философии»¹⁵⁷. Таким образом, именно обостренное чувство эстетизма стало решающим фактором, обусловившим восприятие Леонтьевым национально-консервативных убеждений, о чем и сам он писал: «*эстетика спасла во мне гражданственность*»¹⁵⁸. В этой связи отечественные ученые Ю. В. Андронов, Ю. Г. Мячин и А. А. Ширинянц полагают, что консерватизм Леонтьева представляет собой не просто идеологию, но мировоззрение, представляющее собой «целостный комплекс консервативного осмысления мира, в котором эстетизм выполнял важные охранительные функции»¹⁵⁹. Мы разделяем эти взгляды, поскольку «творческий консерватизм» Леонтьева направлен на сохранение и усиление эстетических проявлений в различных сферах жизни общества и государства (так называемой «эстетики жизни»). В социально-политической концепции Леонтьева именно «эстетика жизни» является необходимой основой для появления в государстве, культуре и обществе творческого расцвета и разнообразия. По Леонтьеву, эстетика определяет силу и могущество государственного строя: «только там и *государственность сильна*, где в жизни еще много разнообразной эстетики, что эта видимая эстетика жизни — есть признак внутренней, практической (другими словами — *творческой*) силы»¹⁶⁰.

Идея творчества нации как основного источника «эстетики жизни» в обществе и государстве занимает центральное место в консервативной программе Леонтьева. Именно способность нации к самостоятельному творчеству, то есть к созданию своих собственных оригинальных идей в сферах культуры, быта, государства, политики, права и т.д., обладание ею независимостью в мышлении, вкусе и художественном творчестве, определяет силу, стойкость, жизнеспособность

¹⁵⁷ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М., 2007. С.32.

¹⁵⁸ Леонтьев К.Н. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.299.

¹⁵⁹ Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.24.

¹⁶⁰ Леонтьев К.Н. Письма К.Н. Леонтьева к В.В. Розанову. 13 августа 1891 г., Оптина Пустынь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.12. Кн.3. СПб., 2021. С.174.

и развитость как самой нации, так и государства в целом¹⁶¹. Способность к творчеству определяется религиозными верованиями народа, совершенствующими его дух, определяющими его нравственные устои и культурные традиции. Кроме того, для сохранения способности к творчеству нации необходимо стремиться к усилению собственных культурных отличий, сохранять свою самобытность. Исходя из этого, творцом и хранителем национального своеобразия России является простой народ. Однако Леонтьев отмечает, что «у нас слишком еще мало *своих смелых мыслей; своих оригинальных вкусов; своего творчества; своей, скажем вообще, — культуры.* — Мы даже охранители плохие до сих пор. — Тот же Аксаков сказал прекрасно: «Умирать (на поле брани) мы умеем как русские; но мы не умеем *жить* как русские!»¹⁶². По мнению Леонтьева несмотря на то, что «*Мы сами, люди русские действительно весьма оригинальны психическим темпераментом нашим, но никогда ничего действительно оригинального, поразительно-примерного вне себя создать до сих пор не могли.* Правда, мы создали великое *Государство*; но в этом Царстве почти нет *своей государственности*; нет таких своеобразных и на *других влияющих* своим примером внутренних политических отношений, какие были в языческом Риме, в Византии, в старой монархической (и даже Наполеоновской) Франции и в Великобритании. Была Римская государственность; было Римское право; было Византийское право, т. е. Римское, видоизмененное Христианством; было и есть право французское; было и есть англосаксонское. Но где же своеобразное *русское* право?»¹⁶³. Пробудить и сберечь в русском народе способность к «национальному творчеству на всех поприщах, начиная с государственного и художественного и кончая промышленным»¹⁶⁴, что позволит сохранить «поэзию жизни» в государстве и самобытность русской культуры, — вот что является, по мнению Леонтьева, крайне важным для укрепления государственной силы России.

¹⁶¹ См.: Столярова И.Ф. «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Социально-политическая мысль. 2020. С.61-62.

¹⁶² Леонтьев К.Н. Кто правее? // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.2. СПб., 2009. С.170.

¹⁶³ Там же. С.162.

¹⁶⁴ Леонтьев К.Н. Русские, греки и юго-славяне // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.444.

«Творческий консерватизм» Леонтьева представляет собой оригинальную социально-политическую программу, в основу которой положена задача пробуждения, сохранения и приумножения творческого потенциала русского народа, создающего и развивающего «эстетику жизни» во всех сферах (религии, культуре, политике, быте), что является необходимым условием укрепления Российского государства¹⁶⁵. С. М. Сергеев отмечает, что «творческий» традиционализм (консерватизм), приверженцем которого являлся Леонтьев, подразумевает преобразование «наличной действительности, но не в духе либеральных или социалистических идей или банального реставраторства, а на основе продолжения и развития православно-монархических традиций русской жизни в новых, соответствующих духу эпохи формах»¹⁶⁶, исходя из «целостного культурно-общественного идеала» Российского государства¹⁶⁷.

Несмотря на специфику «творческого консерватизма», выявить его связь с общим развитием русской консервативной мысли XIX — начала XX в. позволяет подход, в соответствии с которым суть русского консерватизма выражается в «хранительстве»¹⁶⁸. «Хранительство» как направление русской мысли представляется шире политического консерватизма, так как включает идею патриотизма, защиты традиционных русских ценностей и традиционной духовности, национального исторического опыта, национальной культуры, русского языка, православной веры¹⁶⁹. Леонтьев, по нашему мнению, является именно консерватором-хранителем — русским патриотом, приверженцем идеи сохранения исторических начал русского общества и государства, отвергающим слепые и бездумные заимствования с Запада, критиком буржуазной европейской культуры, не приемлющим революционные и либеральные идеи, защитником православия и национального своеобразия перед

¹⁶⁵ См. подр.: *Столярова И.Ф.* «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Социально-политическая мысль. 2020. С.63.

¹⁶⁶ *Сергеев С.М.* Идеология творческого традиционализма в русской общественной жизни 80-90-х гг. XIX в. дисс... канд. ист. наук. М. 2002. С. 30.

¹⁶⁷ См.: *там же*. С. 31.

¹⁶⁸ См. подр.: *Перевезенцев С.В.* Идеиные истоки русского консерватизма // Вопросы истории консерватизма. Воронеж. 2015. № 1. С.11-32; *Ширинянец А.А.* «Консерватор»: слово и смыслы в русской социально-политической мысли // Вестник Московского университета. М., Серия 12. Политические науки. 2015. № 6. С.112-124.

¹⁶⁹ См.: *Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А.* В поисках самобытности. Об истоках отечественного национал-консервативного дискурса // Тетради по консерватизму. 2017. №3. С.70.

угрозой всеуравнивающего «эгалитарно-либерального» прогресса. Впервые концепция русского «хранительства» была предложена М. А. Маслиным и в настоящее время разрабатывается на кафедре истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова¹⁷⁰.

Стержневым основанием «хранительства» стала триада «православие, самодержавие, народность». В зависимости от акцента на той или иной составляющей этой формулы, консервативно-хранительные течения можно разграничить следующим образом: 1) государственно-хранительное направление, основной идеей которого была необходимость защиты самодержавия (М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров, К. П. Победоносцев); 2) направление, для которого самым важным представлялась народность, «племенное начало» (И. С. Аксаков, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов); 3) православно-хранительное направление, для которого самым важным представлялась защита православия (клерикальные круги)¹⁷¹. У Леонтьева именно религия, а не государственная власть, является главным условием существования самобытной русской культуры, ее творческим источником: «*Православие есть дух народа, творческая сила его, жизнь его*»¹⁷². В этой связи можно утверждать, что «творческий консерватизм» Леонтьева близок третьему направлению русского консервативно-хранительного течения. Леонтьевской концепции государства, опирающейся на религиозные верования народа как важнейший источник «эстетики жизни», присуща особая «сердечная мистика»¹⁷³. По Леонтьеву, религия дает людям крепость духа и силы, поскольку «когда веришь, тогда знаешь, во имя чего стесняешься и для чего ... переносишь лишения и страдания»¹⁷⁴. Леонтьев отмечает, что «пока религия жива, все еще можно изменить и все спасти, ибо у нее на все есть ответы и на все утешения. А где нет

¹⁷⁰ См.: там же. С.71.

¹⁷¹ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.24-25.

¹⁷² См. Фетисенко О.Л. «Отче и друже мой»: Отец Иосиф Фудель — друг, ученик и издатель К.Н. Леонтьева // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Кн.1. Приложение. СПб., 2012. С.26.

¹⁷³ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.25.

¹⁷⁴ Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 г. // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.16.

утешений, там есть кара и принуждение, оправданные не притворными фразами «горькой необходимости» и т.п., а правом Божественным, вполне согласным с законами вещественной природы, ненавидящей равенство»¹⁷⁵. При этом Леонтьев выступает за творческое развитие традиционных основ Российского государства, так называемого «византизма», что, на наш взгляд, не позволяет в полной мере причислить его ни к одному из названных течений. Так, по мнению А. А. Ширинянца, консерватизм Леонтьева выражается в его приверженности идеям официальной народности, творчески переосмысленным и «переложенным на новый, весьма необычный и оригинальный лад»¹⁷⁶.

В русле православно-хранительного направления мыслитель усматривает в происхождении государства особую христианскую мистику, наделяя государственную власть божественными чертами. У Леонтьева царская власть должна быть абсолютной, недоступной пониманию и обладать незыблемым авторитетом: «По основному закону нашей Империи, по существенному духу нации нашей законно и *хорошо* все то, что исходит от Верховной Власти. Законно было закрепощение; законно и *хорошо* было разделение народа на сословия (или «состояния»); все было хорошо в свое время — и старые, закрытые суды, и телесное наказание. *Законно и хорошо* было *уничтожение* всего этого, не столько по существу, сколько потому, что Верховной Власти было так угодно... Но если так, если Воля Монаршая священна *во всех случаях*, даже и в тех, когда «десница Божия отягощает на нас», как при Грозном Иване, то что же сказать об *этой самой воле* теперь, когда она проявлялась лишь в желаниях облегчить во всем наши исторические узы... Когда к святыне закона присовокупилось в этой Воле столь искреннее *личное* человеколюбие?»¹⁷⁷. По мнению П. Б. Струве, «Это вовсе не натуралистическое, а именно метафизически-мистическое постижение государства, этого самого напряженного выражения силы в человеческой жизни, выражения неумолимого, ибо бескорыстного, идеального, ибо сверхличного, живого и жизненного, ибо не только живущего, но и животно-

¹⁷⁵ Там же. С.22.

¹⁷⁶ Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянец А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.23-25.

¹⁷⁷ Там же.

рящего»¹⁷⁸. Несмотря на то, что в понимании Леонтьевым природы государства «были уклоны натуралистические, но эти уклоны более словесные, чем существенные, ибо самый натурализм Леонтьева овеян мистицизмом»¹⁷⁹. Вместе с тем, если абстрагироваться от мистического наполнения Леонтьевым государственной власти, и рассмотреть устройство государственного механизма исключительно с позиции натурализма, то в этом случае мы также обнаружим в его концепции двойственную сущность государственной структуры: «Государство есть, с одной стороны, как бы дерево, которое достигает своего полного роста, цвета и плодоношения, повинаясь некоему таинственному, независящему от нас деспотическому поведению внутренней, вложенной в него идеи. С другой стороны, оно есть машина, и сделанная людьми полусознательно, и содержащая людей, как части, колеса, рычаги, винты, атомы, и, наконец, машина, вырабатывающая, образующая людей. Человек в Государстве есть в одно и то же время и механик, и колеса или винт, и продукт общественного организма»¹⁸⁰. При этом органическая составляющая в государстве обусловлена приоритетом национального начала над космополитическим: «Никакой нет статистики для определения, что в республике жить лучше частным лицам, чем в монархии; в ограниченной монархии лучше, чем в неограниченной; в эгалитарном государстве лучше, чем в сословном, в богатом лучше, чем в бедном... Чтобы узнать, что организму пригодно, надо прежде всего ясно понять самый организм»¹⁸¹. Таким образом, по Леонтьеву, государство состоит из органической части, выработанной самой историей и сформированной стихийно, и механической части, воплощающей в себе созданные людьми государственно-политические институты и выражающейся в «*своеобразном, глубоком строе политических учреждений*»¹⁸². Вместе с тем, в представлении простого народа

¹⁷⁸ Струве П.Б. Константин Леонтьев // Константин Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. В 2 кн. Кн.2. СПб., 1995. С.182.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.385.

¹⁸¹ Там же. С.388-389.

¹⁸² Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.562.

источником власти царя является Божественная воля, а не закон, что наделяет государство мистическими чертами. В сознании русского народа верховная самодержавная власть священна и своими действиями воплощает на земле божественные замыслы, поэтому русской монархии лишь необходимо соответствовать народному религиозно-нравственному идеалу, составляющему основу ее легитимности. Леонтьев положительно оценивает неограниченную русскую монархию, поскольку для существования «эстетики жизни» необходимы строгая иерархия, деспотизм и социальное неравенство: «Государственная сила — есть скрытый железный остов, на котором великий художник — история лепит изящные и могучие формы культурной человеческой жизни»¹⁸³. Размышляя об этом, Леонтьев писал: «В истории именно те эпохи отличались наибольшей государственностью, силой и наилучшей социальной статикой, в которых и общественный строй отмечался наибольшим разнообразием в наисильнейшем единстве, и характеры человеческие в эти именно эпохи вырабатывались сильнее и разнороднее, или с односторонне-выразительным, или с наипышнейшим, многосторонним содержанием»¹⁸⁴. При этом мыслитель убежден, что, в отличие от людей, гуманность не свойственна государству или нации: «Гуманно может быть сердце того или иного правителя, но нация и государство — не человеческий организм. Правда и они организмы, но другого порядка, они суть идеи, воплощенные в известный общественный строй. У идей нет гуманного сердца. Идеи неумолимы и жестоки, ибо они суть не что иное, как ясно и смутно сознанные законы природы и истории»¹⁸⁵.

В работе «Византизм и славянство» (1875) Леонтьев проводит аналогию между историческим и органическим процессами развития, рассматривая эволюцию отдельных культурных типов по подобию живых организмов. Значительное влияние на формирование у Леонтьева этих идей оказала работа Н. Я. Данилевского «Россия

¹⁸³ Леонтьев К.Н. Рассказ моей матери об императрице Марии Феодоровне // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.6. Кн. 1. СПб., 2003. С.562.

¹⁸⁴ Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. 2007. С.217-218.

¹⁸⁵ Струве П.Б. Константин Леонтьев // Константин Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. В 2 кн. Кн.2. СПб., 1995. С.182.

и Европа» (1869), в которой Данилевский обосновывает органическую теорию развития и смены культурно-исторических типов и изучает гипотезу зависимости исторического процесса от природных законов¹⁸⁶. Научный авторитет Данилевского Леонтьев признавал и выступал в защиту его идей в печати¹⁸⁷.

В «творческом консерватизме» значительное место занимает органическая теория развития Леонтьева — так называемый «триединый процесс», с помощью которого Леонтьев объясняет логику развития, свойственную всему живому. Для Леонтьева развитие — это *«постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная индивидуализация, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой — от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений. Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности. Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства. Так что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, есть высшая степень сложности, объединенная неким внутренним деспотическим единством»*¹⁸⁸. После этого следует упрощение составных частей, нивелирование разнообразия, ослабление единства и последующее смешение. Леонтьев отмечает: *«Все постепенно понижается, мешается, сливается, а потом уже распадается и гибнет, переходя в нечто общее, не собой уже и не для себя существующее»*¹⁸⁹. И в этом, по мнению мыслителя, состоит закон *«возникновения, существования и гибели... всего того сущего, что нам доступно»*¹⁹⁰.

¹⁸⁶ Главной идеей теории «культурно-исторических типов» стала идея человеческих культур, представляющих собой самобытные органические системы и развивающихся по аналогии с живыми организмами. В основе теории Данилевского лежит критическое отношение к европоцентристской схеме линейного общественного прогресса, в связи с чем мыслителем обосновывается необходимость и неизбежность рождения «восточно-славянского» культурного типа, центром которого должна стать Россия (См.: *Шириняну А.А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011. С.239*).

¹⁸⁷ *Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2009. С.316-391.*

¹⁸⁸ *Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.374.*

¹⁸⁹ *Там же. С.377.*

¹⁹⁰ *Там же. С.375.*

Исходя из этого «триединый процесс» состоит из стадий «1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности и 3) вторичного смесительного упрощения»¹⁹¹. В соответствии с «гипотезой вторичного упрощения и смешения»¹⁹² любой организм, находящийся на стадии расцвета, затем «вторично упрощается, *сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне*, а потом еще более упрощаясь отпадением частей и общим разложением, до перехода в неорганическую «Нирвану»»¹⁹³. Леонтьев предполагает, что «триединый процесс» универсален, то есть присущ «всему существующему в пространстве и времени... он свойствен и небесным телам, и истории развития их минеральной коры, и характерам человеческим; он ясен в ходе развития искусств, школ живописи, музыкальных и архитектурных стилей, в философских системах, в истории религий и, наконец, в жизни племен, государственных организмов и целых культурных миров»¹⁹⁴.

Мыслитель указывает, что долговечность жизни государств составляет не более 1000–1200 лет¹⁹⁵. Леонтьев изучает все исчезнувшие государства и заключает, что ни одно из них не существовало более 12 веков, причем «до этого срока дотянули самые долговечные национально-политические организмы: Ассирийское (около 1200 лет), Древне- и Ново-Персидское (1262 года, до падения самостоятельности и религии при покорении арабами), Эллино-Македонское (около 1170 лет, считая с царствами сирийских Селевкидов и египетских Птолемеев), наконец — Византийское (1128 лет) и Римское (1229 лет)»¹⁹⁶. При этом огромное количество государств распалось значительно ранее.

По аналогии с живыми организмами все государства и общества в своем существовании проходят все стадии «триединого процесса». Первый этап жизни государств — «первичной простоты» — характеризуется состоянием нерасчлененной целостности, свойственным младенческому состоянию живого организма.

¹⁹¹ Там же. С.382.

¹⁹² Там же. С.421.

¹⁹³ Там же. С.379.

¹⁹⁴ Там же. С.379.

¹⁹⁵ Там же. С.395.

¹⁹⁶ Розанов В.В. Эстетическое понимание истории // Розанов В.В. Собрание сочинений в 28 т. Т.28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.). Сумерки просвещения. М., СПб., 2009. С.81.

В этот период в жизни народов царит простой незамысловатый быт и однообразие. По мере приближения к фазе «цветущей сложности» жизнь народов постепенно усложняется, становится более разнообразной, появляется «эстетика жизни». Переход к эпохе цветущей культуры характеризуется яркостью и разнообразием быта, расслоением народа и укреплением государственной власти. Это состояние иерархически и сословно организованного общества под управлением сильной самодержавной власти, построенного на патриархальных началах, авторитете религии, цветущем разнообразии быта и культуры («эстетики жизни») ¹⁹⁷. Период «вторичного смесительного упрощения» наступает, когда в обществе и государстве происходит сглаживание всех различий, нивелирование всех форм, сведение всей палитры красок быта и культуры к состоянию серости и однообразия, установление господства «среднего» человека под воздействием распространившегося «эгалитарно-либерального» прогресса ¹⁹⁸. После этого, по мысли Леонтьева, следует разложение и гибель государственного организма ¹⁹⁹. Период «цветущей сложности» Леонтьев определяет как расцвет жизненных сил государства и выделяет следующие характерные для данного периода особенности: наличие оригинальных, разнообразных по быту, культуре и традициям провинций и областей; развитие культуры и искусств, появление гениальных и великих личностей, пассионариев, для которых наступило время великих дел; консолидация народа и объединение «всех общественно-реальных сил, полных жизни и брожения»; появление аристократии; формирование и обособление политической формы у государства; сосредоточение государственной власти в руках одного правителя, «по внутренней потребности в единстве» ²⁰⁰.

По Леонтьеву, способность к выработке государством своей политической формы является высшей точкой его развития: «Развитие государства сопровождается постоянно выяснением, обособлением свойственной ему политической формы; падение выражается расстройством этой формы, большей *общностью* с

¹⁹⁷ См. подр.: *Столярова И.Ф.* «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Социально-политическая мысль. 2020. С.71.

¹⁹⁸ См.: *там же*. С.72.

¹⁹⁹ *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.381-382.

²⁰⁰ *Там же*. С.386-387.

окружающим»²⁰¹. Эстетика у Леонтьева предстает как выразительность этой формы, ее поэтическое проявление, и позволяет определить степень соответствия народов и государств своему предназначению. Наличие пестрого разнообразия и богатства национальных и культурных форм является необходимым элементом для развития и расцвета государств и обществ. Народам для достижения совершенства необходимо достичь максимального проявления в своем быте, культуре, духовной жизни и творчестве разнообразных начал, скрепленных единством, поскольку «основной закон красоты есть разнообразие в единстве»²⁰². Леонтьев отмечает, что «государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя; она в главной основе неизменна до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частности, от начала до конца»²⁰³. Государственная форма является стихийной, органической и определяется внутренней идеей, исторически заложенной в государстве²⁰⁴. Леонтьев подчеркивает: «Форма вообще есть выражение идеи, заключенной в материи (содержании)... Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбежаться»²⁰⁵. Внутренняя идея скрепляет воедино составные части государства, «держит крепко общественный материал в своих организующих, деспотических объятиях и ограничивает его разбегающиеся, расторгающие стремления»²⁰⁶. Наличие внутренней идеи, воплощенной в форме государственного устройства, является ключевым фактором самобытности и жизнеспособности государства. Леонтьев подчеркивает, что для претворения в жизнь идеальной формы государства приемлемы любые средства, а сама форма не может подлежать моральной оценке. Необходимо принять все меры, даже насильственные, чтобы предотвратить уни-

²⁰¹ Там же. С.382.

²⁰² Долгов К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 1997. С.179.

²⁰³ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.389.

²⁰⁴ См. подр.: Убирия (Столярова) И.Ф. Российская государственность и «византизм» в политической концепции К.Н. Леонтьева // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С.232.

²⁰⁵ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.383.

²⁰⁶ Там же. С.384.

чтожение «цветущей сложности» и сохранить самобытность государств, что и было для мыслителя наивысшей моральной ценностью²⁰⁷.

В «творческом консерватизме» внутренней идеей России, определяющей весь ее общественный уклад, религию и государственное устройство, является византизм, который значит «в Государстве — Самодержавие. В религии он значит Христианство с определенными чертами, отличающими его от Западных Церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем склонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье»²⁰⁸. По мнению Леонтьева, оказав влияние на формирование Восточно-Римской цивилизации и обеспечив ей долголетие, византизм укоренился в России, прежде всего, благодаря устойчивой в российском обществе монархической идее и патриархальности народных обычаев²⁰⁹. Леонтьев подчеркивает: «Монархическое начало является у нас единственным организующим началом, главным орудием дисциплины»²¹⁰. В сознании русского народа идея византизма воплощается в наделении царской власти священными свойствами: «В Византизме царила одна отвлеченная юридическая идея: на Руси эта идея обрела себе плоть и кровь в Царских родах, священных для народа»²¹¹. Таким образом, вопрос о византизме у Леонтьева был тесно связан с характером власти в российском государстве и его политическим строем²¹². Вместе с тем Леонтьев был не первый, кто использовал это понятие. В XIX — начале XX вв. в России под византизмом, прежде всего, понимались похожие на ви-

²⁰⁷ См.: там же. С. 232-233.

²⁰⁸ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.300-301.

²⁰⁹ См.: Убирия (Столярова) И.Ф. Российская государственность и «византизм» в политической концепции К.Н. Леонтьева // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С.233-234.

²¹⁰ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.326.

²¹¹ Там же. С.313.

²¹² А.В. Логинов отмечает, что центральной идеей церковно-государственных отношений восточно-христианского мира, сформулированной византийской духовно-политической мыслью, стала «концепция симфонии священства и царства», согласно которой «за государственной властью было признано право законодательного определения внешнего положения Церкви и одновременно — обязанность приведения норм гражданского права в соответствие с церковными установлениями» (См.: Логинов А.В. Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. М., 2005. С.104).

зантийские или заимствованные в Византии порядки и устои в государственной, духовной, нравственной, культурной и бытовой жизни русского общества (самодержавная авторитарная власть, управляемая аристократия, роскошный царский двор, подчинение церкви воле самодержца и ее невмешательство в государственные дела). В узком смысле «византизм» означал православие, в более широком термин охватывал у русских мыслителей весь строй русской социально-культурной жизни²¹³. Схожесть порядков, устоев, обычаев и нравов русского и византийского обществ в XIX в. были предметом ожесточенных споров по проблемам выбора пути развития России. При этом русские мыслители полагали, что «византийским социальным институтам присущи преимущественно консервативные черты, а сама Византийская империя представляет собой особый тип восточно-христианского социума, эволюция которого в эпоху Средневековья значительно отличалась от развития Западной Европы»²¹⁴. Представители разных по своему идейному содержанию направлений выступали с критикой в адрес Леонтьева: демократы и либералы-западники (П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен), славянофилы и государственники (П.Е. Астафьев, И.С. Аксаков, А.А. Киреев, М.Н. Катков). Одни считали византизм синонимом невежества, отсталости, рабства личности, «азиатчины» и коварства в политике, другим казалось неприемлемым признание чужого влияния на русское государство²¹⁵. Даже идейно близкий Леонтьеву Розанов критически отмечал: «Утонченная и порочная Византия, мешавшая отвлеченные споры богословско-философского содержания с оргиями, шумом и развратом цирка, Византия, столь жестокая и лукавая, так надругавшаяся над многими своими императорами, едва ли серьезно может быть поставлена как оригинал и прототип Москвы — угрюмо-молчаливой, упорно-настойчивой, гораздо более насильственной, чем коварной, так во всем не утонченной по мысли, по вкусам, по сердечным влечениям и вместе так преданной крови

²¹³ См.: *Ширинянец А.А.* Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011. С.242.

²¹⁴ Там же. С.243.

²¹⁵ См.: *Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянец А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н.Леонтьев. М., 2000. С.27-29.

своих царей, только в этом одном, кажется, нежной и утонченной»²¹⁶. Леонтьев обладал незаурядной смелостью, чтобы пойти наперекор господствовавшему тогда общественному мнению, подвергавшему критике все, что было связано с Византийской империей. По его убеждению, византизм исторически стал формообразующей основой российского государства, обеспечив России ее «цветущую сложность» — высшую стадию развития государств, — привел ее к величию и стал залогом могущества русского народа²¹⁷. По мнению Леонтьева, традиционные византийские начала, благодаря которым Россия может сохранить свою самобытность, это — монархическая власть, православная религия и крестьянская община: в России «могучи ... только три вещи: византийское Православие, родовое и безграничное Самодержавие наше и, может быть, наш сельский поземельный мир»²¹⁸. По мнению А. П. Козырева, в византизме Леонтьева словно воскресает триада «Православие. Самодержавие. Народность», причем с добавлением четвертого элемента — поэзии и «эстетики жизни», воплощающей в себе ту самую «цветущую сложность», приходящую к народам на самой вершине развития их государств²¹⁹.

Леонтьев полагает, что наше Отечество уже прошло первые две стадии «триединого процесса» развития: от времени правления св. Владимира до Алексея Михайловича (конец X — конец XVII в.) — стадия «первичной простоты»; от времени правления Петра I до Николая I (конец XVII — середина XIX в.) — стадия «цветущей сложности». По Леонтьеву, первые признаки «цветущей сложности» появились при Алексее Михайловиче²²⁰. При Николае I Россия «достигла той культурно-государственной вершины, после которой оканчивается живое государственное созидание и на которой надо приостановиться по возможности и надолго, не опасаясь даже и некоторого за-

²¹⁶ Розанов В.В. Эстетическое понимание истории // Розанов В.В. Собрание сочинений в 28 т. Т.28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889—1897 гг.). Сумерки просвещения. М., СПб., 2009. С.110.

²¹⁷ См.: Шириняну А.А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011. С.245.

²¹⁸ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн. 1. СПб., 2007. С.323.

²¹⁹ См.: Козырев А.П. Разбиватель стекол // Самопознание. Информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения». 2015. №3. С.13.

²²⁰ См.: Хатунцев С.В. Отечественная история в системе общественно-политических взглядов К.Н.Леонтьева // Вопросы истории. 2004. № 1. С.157.

стоя»²²¹. При Александре II в России началась заключительная стадия «вторичного смесительного упрощения», после которой следует гибель любого государства. Леонтьев считал, что представления об «исторической молодости» русского народа — «безумное самообольщение»²²². И хотя относительно Европы Россия моложе, все же истинной молодостью это не является. Поэтому своим долгом Леонтьев считал всеми возможными способами остановить наступление фазы «вторичного смесительного упрощения», сохранив традиционные ценности, и призывал вести борьбу против космополитической, стандартизированной европейской цивилизации, сглаживающей все различия и понижающей человека интеллектуально и духовно²²³. Леонтьев отмечает, что появление в государствах демократических порядков уже свидетельствует об умирании этих государств. Аристократия, переродившаяся во власть одного правителя на стадии «цветущей сложности» при движении к третьей стадии, смешивается и усредняется, и к началу третьей стадии в государстве начинает преобладать демократическое эгалитарно-либеральное начало. Леонтьев даже предсказывал слияние европейских государств в одно Всеевропейское государство, что его совершенно не радовало: «Не должно ли будет это новое Все-европейское государство отказаться от признания в принципе всех местных отличий, отказаться от всех, хоть сколько-нибудь чтимых преданий»²²⁴.

Социально-политический идеал «творческого консерватора» Леонтьева — это крепкое и изобилующее разнообразными красками государство, построенное на основах суровой государственной власти, византийского православия, смягчающего строгую государственность, национальных культурных ценностей и эстетизма²²⁵: «Желать для своего отечества существования только мирного, только морально-полезного, только среднеутилитарного — значит желать сперва отвратительной прозы, а потом *ослабления* “света”, духа, поэзии и — наконец — *раз-*

²²¹ Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.576.

²²² Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.449.

²²³ См.: Убирия (Столярова) И.Ф. Российская государственность и «византизм» в политической концепции К.Н. Леонтьева // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С.233-234.

²²⁴ См.: Волкогонова О.Д. Константин Леонтьев. М., 2013. С.224.

²²⁵ См.: Убирия (Столярова) И.Ф. Российская государственность и «византизм» в политической концепции К.Н. Леонтьева // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С.235.

рушения... Желать для него поэзии, искать идеала — эстетического — хотя бы с большими неизбежными пороками, страданиями, даже волей-неволей и с грехами — значит желать не только более высокого и *более прочного* (чем идеал утилитарно-моральный), но и даже более *душеспасительного*. — Ибо, раз прилагая это общее правило в частности например к России, мы должны признать, что для приблизительного достижения такого культурно-эстетического идеала, — необходимо значительное усиление *мистических* чувств, — *естественно-исторически присущих* нашему культурному типу — то есть *усиление Православия*»²²⁶.

По мнению современных исследователей, органическая теория общественного развития возникла у Леонтьева как реакция на рационалистические обоснования недопустимых духовных и социальных процессов, таких как стремление человечества к утилитарному счастью, а осмысление им общества и государства как сложных и целостных организмов, позволило показать жизнь в ее сложности и противоречивости, выходящей за рамки эвдемонических представлений²²⁷. Об эстетической наполненности творчества Леонтьева Бердяев писал: «Мы видим изумительное явление Константина Леонтьева, по природе своей человека Возрождения XVI века, заброшенного в Россию XIX века, в столь чуждую и противоположную Возрождению, изживающего в ней печальную и страдательную судьбу»²²⁸. Весь возрожденческий эстетизм Леонтьева — это протест против современности. На наш взгляд, Н.А.Бердяев очень точно охарактеризовал органическую теорию Леонтьева, отметив, что она «есть разновидность органической теории общества и вместе с тем исторический фатализм»²²⁹, а Леонтьев «подобно позитивистам» не признает линейного прогресса, «а только развитие, эволюцию»²³⁰.

²²⁶ Леонтьев — Фуделю. 6 июля 1888 г. Оптина Пустынь // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Приложение. Кн.1. СПб., 2012. С.81.

²²⁷ См.: *Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.31.

²²⁸ *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского // *Бердяев Н.А.* О русских классиках. М., 1993. С.117.

²²⁹ *Бердяев Н.А.* К. Леонтьев — философ реакционной романтики // *Бердяев Н.А.* Собрание сочинений. Т.3. Типы религиозной мысли в России. Paris. 1989. С.156.

²³⁰ Там же.

§2. «Эгалитарно-либеральный» прогресс и его последствия для государства и общества²³¹

Ключевым моментом «творческого консерватизма» Константина Леонтьева стало его непримиримое отношение к охватившему Запад прогрессу, который он называет «эгалитарно-либеральный процесс»²³². В силу своей творческой интуиции Леонтьев предчувствовал, что «космополитический» прогресс, обеспечивая распространение стандартизированных ценностей западной цивилизации, понижает интеллектуальные и духовные потребности человека, приводит к усреднению качеств человеческой природы, нивелированию различий наций и государств, однообразию обществ, упрощению и смешению разнообразных культурных, духовных, бытовых элементов. Леонтьев понимал, что либеральный прогресс, растворяя народы в безликой массе «однородного, серого рабочего, только рабочего и безбожно-бесстрастного всечеловечества»²³³, представляет опасность для «цветущей сложности» и разнообразия жизни и в конечном итоге приведет к разложению и гибели государственно-культурного организма.

Необходимо отметить, что критика Леонтьева «эгалитарно-либерального процесса», распространяющего ценности западной цивилизации и европейской буржуазии, сложилась под влиянием работ А. И. Герцена, о котором Леонтьев писал: «Он был специалист, так сказать, по части жизненной, реальной эстетики, эксперт по части изящества и выразительности самой жизни»²³⁴. Несмотря на то,

²³¹ При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Горохов А.А., Убирия (Столярова) И.Ф.* «Эстетика жизни» и проблема эгалитарного прогресса в творчестве К.Н. Леонтьева // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 4. (Электронная ссылка: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/715>). С.1-10; *Убирия (Столярова) И.Ф.* Российская государственность и «византизм» в политической концепции К.Н. Леонтьева // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С.229-236; *Столярова И.Ф.* «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Социально-политическая мысль. 2020. С.81-106.

²³² *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн. 1. СПб., 2007. С.440.

²³³ *Леонтьев К.Н.* Плоды национальных движений на православном Востоке // *Там же.* Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.615.

²³⁴ *Леонтьев К.Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.182.

что Герцен в целом являлся его политическим оппонентом, Леонтьев впоследствии признавал, что «со стороны же исторической и вообще жизненной эстетики, — я чувствовал себя несравненно ближе к Герцену, чем к настоящим Славянофилам. — Разумеется, я говорю не о Герцене “Колокола”; этого Герцена я в начале 60-х годов ненавидел и даже не уважал; — но о том Герцене, который издевался над *буржуазностью* и прозой новейшей Европы. Читая только Хомякова, Аксакова (даже скажу и Каткова отчасти), — в голову бы не пришло ненавидеть всесветную буржуазию (в которую, в сущности, стремится перейти и *работник Западный*); — Герцен же издевался *прямо над этим* общим и подавляющим *типом* человеческого развития. — И следуя за ним по сродству “природы”, я придумал позднее и выражение “средний человек, средний европеец” и т. д.»²³⁵. Под влиянием работ Герцена Леонтьев стал противником европеизации и демократии, причем разочарование в Европе компенсировалось у него, как и у Герцена, верой в Россию²³⁶. Самого Герцена, по его собственному признанию, вера в Россию в конце 40-х гг. XIX в. «спасла на краю нравственной гибели»²³⁷. Герцен стал рассматривать русскую общину как «животворящий принцип русского народа», полагая, что она делает Россию самобытной²³⁸. Вслед за ним русскую общину полюбил и Леонтьев, который также не мог допустить размывания буржуазным либерализмом национальных особенностей русского народа, изменения его самосознания и восприятия чуждых ему либеральных ценностей. Леонтьеву, выступающему в поддержку аристократии и сословного неравенства, были близки идеи Герцена о том, что существование обществ с неравноправными группами населения является исторической необходимостью²³⁹. По мнению Герцена, исключительные качества аристократии недоступны массам: «Краса какой-нибудь арабской лошади, воспитанной двадцатью поколениями, нисколько не дает право

²³⁵ Леонтьев К.Н. Кто правее? // *Там же*. Т.8. Кн.2. СПб., 2009. С.155.

²³⁶ Хатунцев С.В. Константин Леонтьев. Интеллектуальная биография. 1850–1874. СПб., 2007. С.95.

²³⁷ Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. Предисловие к изданию 1858 г. // *Герцен А.И. Собрание сочинений*. В 8 т. Т.3. М., 1975. С.8.

²³⁸ *Там же*. С.12.

²³⁹ См.: Герцен А.И. С того берега // *Герцен А.И. Собрание сочинений*. В 8 т. Т.3. М., 1975. С.269-270.

ждать от лошадей вообще тех же статей», более того, в массе «стирается жалкая самобытность отдельных личностей»²⁴⁰.

На формирование взглядов Леонтьева также оказали влияние идеи Дж. Ст. Милля, которого Леонтьев считал его одним из самых значительных английских мыслителей. Леонтьев вдохновился идеей Милля о том, что главной действующей силой в западных странах является масса: «Европа, несомненно, приближается к китайскому идеалу уравнивания людей под одну общую мерку»²⁴¹. Эту мысль Леонтьев развивает в своей работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (1888): Европа «*решительно стремится к китайскому идеалу — сделать всех одинаковыми*»²⁴². Леонтьев также отмечает сходство взглядов Герцена и Милля: «Герцен хотел *поэзии* и силы в человеческих характерах. — Того же хочет Дж. Ст. Милль»²⁴³.

Для Леонтьева угроза «цветущей сложности» воплотилась в распространении «эгалитарно-либерального» прогресса, ведущего человечество к массовой низкопробной культуре и к упрощенным духовным идеалам, что, в его представлении, было деградацией как культуры общества, так и самой личности. При этом Леонтьев вовсе не является противником всякого развития вообще. По его мысли, люди заблуждаются, полагая, что развитие и «эгалитарно-либеральный» прогресс — это одно и то же. Леонтьев разделяет эти понятия в зависимости от конечного результата. Так, по его мнению, развитие — это усложнение структуры организма и его связей, проявляющееся как индивидуальность, разнообразие и увеличение составных частей, осознание своей особенности и оригинальности, а также обособление. Прогресс же отражает изменения противоположного порядка: это «разлитие», упрощение, стремление к однообразию, стирание контуров, усреднение индивидуальностей, размывание форм, в итоге приводящая к гибели всей органической системы²⁴⁴.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Милль Дж. Ст. О свободе. 2-изд. СПб, 1906. С.130-131.

²⁴² Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.186.

²⁴³ Там же. С.183.

²⁴⁴ См. подр.: Горохов А.А., Убирица (Столярова) И.Ф. «Эстетика жизни» и проблема эгалитарного прогресса в творчестве К.Н. Леонтьева // Вестник Московского государственного

Развитие ведет к стойкости и жизнеспособности государственно-культурного организма, к единству составляющих его многообразных и сложных элементов, деспотически организованных внутренней идеей, господствующей в любом мощном и влиятельном государстве. Прогресс, борющийся против любого проявления деспотизма, нивелирует различия, смешивая составные части в однообразную массу, и в итоге приводит к ослаблению внутренней идеи, разрушению единства государственно-культурного организма и его последующей гибели²⁴⁵. Иными словами, «эгалитарно-либеральный» прогресс уничтожает проявления эстетики в государстве и обществе, а развитие, наоборот, создает и приумножает «эстетику жизни», благодаря которой государство и общество проживает стадию «цветущей сложности». Таким образом, по мнению Леонтьева, «эгалитарно-либеральный» прогресс есть «*антитеза процессу развития*»²⁴⁶. Настоящим развитием можно считать только «все созидающее, все сохраняющее, то, что раз создано историей народа, имеет характер более или менее обособляющий, отличительный, противопологающий одну нацию другим»²⁴⁷. Либеральный прогресс таковым не является, поскольку «все либеральное бесцветно, общеразрушительно, бессодержательно в том смысле, что оно одинаково возможно везде»²⁴⁸. Обращаясь к «триединому процессу» развития, Леонтьев указывает, что лишь движение от стадии «первичной простоты» к стадии «цветущей сложности» является развитием для государства. Последующее движение к стадии «вторичного упрощения» не имеет ничего общего с подлинным развитием, это — деградация, беспорядочное смешение элементов, упрощение сложности государственно-культурных образований, и их последующее разрушение²⁴⁹.

областного университета (электронный журнал). 2015. № 4. (Электронная ссылка: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/715>). С.3-4.

²⁴⁵ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.32-33.

²⁴⁶ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2007. С.384.

²⁴⁷ Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 г. // Там же. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.7.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ См. подр.: Убиря (Столярова) И.Ф. Российская государственность и «византизм» в политической концепции К.Н. Леонтьева // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С.231.

Происходящая вокруг стандартизация и унификация по европейским образцам вызывала у Леонтьева разочарование: «Везде одни и те же, более или менее демократизированные конституции. Везде германский рационализм, псевдобританская свобода, французское равенство, итальянская распущенность или испанский фанатизм, обращенный на службу той же распущенности. Везде гражданский брак, преследования католиков, везде презрение к аскетизму, ненависть к сословности и власти (не к своей власти, а к власти других), везде *надежды слепые на земное счастье и земное полное равенство*»²⁵⁰. Леонтьев понимал, что ставшие популярными буржуазные ценности приводят к умиранию национального своеобразия, ярких культурных особенностей и оригинального быта народов, понижению их культурных и духовных устремлений. Однако, несмотря на отрицательное отношение Леонтьева к ценностям западной буржуазии, мыслитель не является ненавистником Европы как таковой. Более того, он противопоставляет современную ему Европу, погрязшую в мещанстве, массовой культуре и утилитаризме, и христианскую Европу прошлого, имевшую консервативные ценности: «Апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах *для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушеествовал бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинах всего этого прошлого величия?.. Стыдно было бы за человечество, если бы этот подлый идеал всеобщей пользы, мелочного труда и позорной прозы восторжествовал бы навеки!*»²⁵¹.

Размышляя о причинах, вызвавших усреднение потребностей европейского общества, распространение массовой культуры, падение нравов и духовных ценностей, Леонтьев заключает, что либеральная вседозволенность и отсутствие деспотически-организующего начала превратили человечество в однообразно-посредственную массу, не имеющую ни нравственных, ни духовных ориентиров. Мыслитель утверждает, что только общественные несправедливости, такие как деспотическая власть, сословное неравенство или война, могут обеспечить появление героических личностей и пробуждение национального твор-

²⁵⁰ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.410.

²⁵¹ Леонтьев К.Н. Письма о Восточных делах // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.90.

чества: «для развития великих и сильных характеров необходимы великие общественные несправедливости, то есть сословное давление, деспотизм, опасности, сильное чувство страсти, предрассудки, суеверия, фанатизм и т.д., одним словом все то, против чего борется XIX век»²⁵².

В социально-политической концепции Леонтьева важное значение приобретает понятие деспотизма. Присутствие деспотически организующего начала обуславливает могущество, стабильность и процветание государства, незыблемость его традиционных основ. Несмотря на то, что современники раскритиковали Леонтьева за «проповедь тирании», подлинный смысл идеи «деспотизма» очень глубок. Мыслитель подходил диалектически к проблеме «свобода — деспотизм», и в его социально-политической программе эти начала взаимосвязаны. По мнению Леонтьева, неограниченная свобода, к достижению которой стремятся сторонники либерализма, разрушительна в своей вседозволенности и в конечном итоге приведет к установлению анархии, атеизма и хаоса. Деспотизм же, способный уравновесить свободу и созидательно организовать ее, будет способствовать процветанию общества и укреплению мощи государства²⁵³. Иными словами, без деспотизма как организующего порядка, по Леонтьеву, ни в государстве, ни в обществе развитие немислимо²⁵⁴. При этом для государства губительна не только неограниченная свобода, но и абсолютный деспотизм, поэтому для достижения наилучшего эффекта, свобода и деспотизм должны уравнивать друг друга: «Всякое начало, доведенное односторонней последовательностью до каких-нибудь крайних выводов, не только может стать убийственным, но даже и самоубийственным... если бы идею личной свободы довести до всех крайних выводов, то она могла бы, через посредство крайней анархии, довести до крайне деспотического коммунизма, до юридического постоянного насилия всех над каждым или, с другой стороны, до личного рабства. Дайте право людям везде продавать или отдавать себя в вечный пожиз-

²⁵² См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняну А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.30-31.

²⁵³ См.: Убирия (Столярова) И.Ф. Российская государственность и «византизм» в политической концепции К.Н. Леонтьева // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С.234.

²⁵⁴ См.: Шириняну А.А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011. С.245-246.

ненный наем из-за спокойствия, пропитания, за долги и т.п., и вы увидите, сколько и в наше время нашлось бы крепостных рабов или полурабов, по воле»²⁵⁵. Идейный сторонник Леонтьева В. В. Розанов²⁵⁶ развивает его мысль: «все менее и менее сдерживает кого-либо религия, семья, любовь к отечеству, — и именно потому, что они все-таки еще сдерживают, на них более всего обращаются ненависть и проклятия современного человечества. Они падут — и человек станет абсолютно и впервые «свободен». Свободен как атом трупа, который стал прахом»²⁵⁷. Таким образом, говоря о деспотизме как о необходимом для государства организующем начале, Леонтьев исходил не из полного отрицания свободы, а из ее разумного ограничения.

Леонтьев вновь отмечает, что «эгалитарно-либеральный процесс», распространившийся в Европе, приводит к разложению общества: «равенство лиц, равенство сословий, равенство (т.е. однообразие) провинций, *равенство наций* — это все один и тот же процесс; в сущности, все то же всеобщее равенство, всеобщая свобода, всеобщая приятная польза, всеобщее благо, всеобщая анархия, либо всеобщая мирная скука»²⁵⁸. По мнению Леонтьева, всеобщее равенство, пропагандируемое либеральными учениями, бросает вызов природным и общественным законам, ведь если природа развивается иерархично, основываясь на взаимозависимости и соподчиненности своих структурных элементов, почему люди должны отказываться от этого? Мыслитель убежден, что «не имеют правдоподобия — ни психологически, ни исторически, ни социально, ни органически, ни космически — всеобщая равномерная правда, всеобщее равенство, всеобщая любовь, всеобщая справедливость, всеобщее благоденствие. — Эти всеобщие *блага* не имеют даже и нравственного, морального правдоподобия: ибо высшая нрав-

²⁵⁵ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.316-314.

²⁵⁶ См.: Сорокопудова О.Е. Политическая мысль В.В. Розанова: специфика и проблемы исследования: дисс... канд. полит. наук. М., 2012. С.185.

²⁵⁷ Розанов В.В. Эстетическое понимание истории // Розанов В.В. Собрание сочинений в 28 т. Т.28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.). Сумерки просвещения. М., СПб., 2009. С.87.

²⁵⁸ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.333.

ственность познается только в лишениях, в борьбе и опасностях»²⁵⁹. По мысли Леонтьева, равенство является противоестественным состоянием для любой органической системы и в конечном итоге приведет к ее гибели. В подтверждение своим убеждениям мыслитель приводит примеры из мировой истории: «Древний Египет, Эллада и Рим гибли тоже от *уравнительного смешения*: от демократизации, от плутократии, от материализма, от усиления, если не везде легального, то, по крайней мере, фактического равенства прав и свободы положений»²⁶⁰.

По Леонтьеву, главная опасность установления всеобщего равенства заключается в нравственной деградации общества: если люди будут иметь равные права и блага, то у них пропадет стремление за что-то бороться, а лишая людей «возможности высокой личной нравственной борьбы — вы лишаете *все человечество* морали, лишаете его нравственного элемента жизни»²⁶¹. Следствием отсутствия внутренней борьбы и устремлений в обществе неизбежно станет падение духовных потребностей в угоду материальным, а также преобладание упрощённого взгляда на мир, на взаимоотношения людей, на смысл жизни. Когда развалятся созданные прежде нравственные и культурные устои, люди снова вступят в жестокую борьбу за уравнительные права, потеряв представления о духовности, о сложных чувствах и эмоциях, и превратившись в подобие животных²⁶². Леонтьев полагает, что это «возвращает человечество к его исходной точке — к зоологической борьбе за равное право победить другого, преобладать, участвовать во всеобщей конкурентной борьбе»²⁶³. Эти мысли Леонтьева разделяет Розанов, который в этой связи отмечает: «Насколько все эти идеи (и подобные) просты, как мало они требуют умственного напряжения

²⁵⁹ Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // *Там же*. Т.8. Кн.1. 2007. С.222-223.

²⁶⁰ Леонтьев К.Н. Письма о Восточных делах // *Там же*. С.104.

²⁶¹ Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // *Там же*. С.222-223.

²⁶² См.: Горохов А.А., Убирия (Столярова) И.Ф. «Эстетика жизни» и проблема эгалитарного прогресса в творчестве К.Н. Леонтьева // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 4. (Электронная ссылка: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/715>). С.4.

²⁶³ См.: Корольков А.А. Константин Леонтьев и его эстетическая картина эгалитарного прогресса // *Философские науки*. М. 1991. № 11. С.124.

для понимания, это можно видеть из легкости, с которой они усваиваются среди народов самых первобытных и даже совсем диких»²⁶⁴.

С проблемой всеобщего равенства Леонтьев связывает господство в европейском обществе «среднего человека», появление которого обусловлено смешением социальных групп, исчезновением высоких культурных и нравственных идеалов и усредненностью во всех формах общественной жизни. Для Леонтьева «средний человек» не является идеалом человеческого духа. Это — мелкий буржуа, посредственный материалист, не ставящий себе высоких целей, пришедший на смену пассионарным героям и историческим личностям. В обществе, состоящем из «средних» людей, популярны демократические утилитаристские идеалы, ведущие людей к утверждению принципа всеобщей пользы, к упрощению Бога и приспособлению идеи Бога к человеческим нуждам и интересам. Утилитаристская идея всеобщего блага, незамысловатая и приемлемая для «человека толпы», становится новой религией в демократической рабоче-мещанской федерации. Отношение Леонтьева к обществу, состоящему из «средних» людей, крайне негативное: «я вправе презирать такое бледное и недостойное человечество, — без пороков, правда, но и без добродетелей, — и не хочу ни шагу сделать для подобного прогресса!.. И даже больше: если у меня нет власти, я буду страстно мечтать о поругании идеала всеобщего равенства и всеобщего безумного движения; я буду разрушать такой порядок, если власть имею, ибо я слишком люблю человечество, чтобы желать ему такую спокойную, быть может, но пошлую и унижительную будущность!»²⁶⁵

Леонтьев подчеркивает, что общество забыло о том, что избавиться от страданий и достичь счастья на земле невозможно, потому что «зло так же присуще нравственной природе человека, как боль и страдания его телу»²⁶⁶. Люди, лишённые страданий, становятся черствыми, безжалостными и глухими к несчастьям

²⁶⁴ Розанов В.В. Эстетическое понимание истории // Розанов В.В. Собрание сочинений в 28 т. Т.28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889—1897 гг.). Сумерки просвещения. М., СПб., 2009. С.95.

²⁶⁵ Леонтьев К.Н. Два представителя индустрии // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.140-141.

²⁶⁶ Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 г. // Там же. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.12.

других, в то время тяжелые времена делают людей духовно богаче²⁶⁷. По убеждению Леонтьева, стремление к абсолютному счастью заглушает в человеке его доброту, нравственность и человечность²⁶⁸. Кроме того, даже при полном материальном достатке человеку свойственно испытывать неудовлетворенность и хотеть большего, такова человеческая природа. Мыслитель отмечает, что общество *«тогда только поймет вполне весь безвыходный ужас своего положения, когда прогресс принесет уже все доступные ему плоды; ибо... тогда станет ясно, что корень страданий не вовне, а в нас самих»*²⁶⁹. Поэтому, по мнению Леонтьева, всеобщее благо на земле недостижимо, а утилитаристские эвдемонические идеалы заведомо ложны и разрушительны для человеческого духа.

На наш взгляд, резкая критика Леонтьева утилитаристских идеалов основывалась на консервативно-религиозной концепции греховности человека и толковании христианства как религии глубокого пессимизма и невозможности достижения земного счастья²⁷⁰. Леонтьев не разделял гуманистические представления о человеке и вступал в активную полемику с приверженцами этих идеалов. Так, в сочинении «Наши новые христиане» (1882) он критикует гуманистическое христианство Толстого и Достоевского с его идеалами всечеловеческого братства и христианской любви, называя его «христианством «сентиментальным» или «розовым»»²⁷¹. В представлении Леонтьева воплощение в жизнь идеалов «сентиментального» христианства невозможно, поскольку оно упускает из виду трагизм человеческой истории и природу людей, которые никогда не станут жить в любви и братстве. По Леонтьеву, истинное христианство должно быть сурово: «Настоящее церковное православие» основано на страхе перед Богом и строгой монашеской дисциплине не имеет ничего общего с замешанным на любви «розовым» христианством как, впрочем, и подлинный христианский гуманизм пессимистичен в отличие от либерального оптимистического гуманизма. Истинная христианская лю-

²⁶⁷ См.: Горохов А.А. Убирия (Столярова) И.Ф. Православие в социально-политическом творчестве русских консерваторов XIX в. // Вестник Российской нации. 2016. № 6. С.118.

²⁶⁸ См.: Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991. С.47.

²⁶⁹ Леонтьев К.Н. Письмо К.А. Губастову от 5—7 июня 1889 г., Оптина Пустынь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.12. Кн.2. СПб., 2020. С.292.

²⁷⁰ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.34-35.

²⁷¹ См. Волкогонова О.Д. Константин Леонтьев. М., 2013. С.364.

бовь к ближнему, по мысли Леонтьева, отмечена «храброй покорностью» жизненным несправедливостям: «Все положительные религии, создавшие своим влиянием, прямым или косвенным, главнейшие культуры земного шара, — были учениями *пессимизма*, узаконившими страдания, обиду и неправду земной жизни»²⁷². Кроме того, пессимистические учения мирят человека с неизбежным злом и не возвращают в нем бунтарства против окружающей реальности и революционности: «Хорошо и умно, что пессимизм говорит: «сколько ни старайся устроить общество по демократ<ическому> плану — *благоденствия* не будет; ибо *страдания* в нас, а не во внешних условиях; *тоска* будет расти по мере возрастания жизнен<ных> удобств! — Это, согласитесь, гораздо умнее, чем воображать, что стоит только всех сделать «средними людьми», — и все будут счастливы и веселы»²⁷³.

Еще одним последствием либерального прогресса, беспокоящим Леонтьева, стало бурное развитие техники и рост промышленности. Мыслитель полагает, что технические изобретения, такие как машины и электричество, выгодны только среднему классу (буржуазии, фабрикантам), и «дальнейшее распространение их приведет неминуемо к насильственным и кровавым переворотам; — вероятно, даже и к непредвиденным *физическим катастрофам*»²⁷⁴. По его мнению, технический прогресс разрушает традиционное общество и его религиозно-нравственные устои, ухудшает положение крестьян и рабочих и ослабляет дворянство. Народ становится безнациональным и безрелигиозным, превращаясь в обездушенные винтики, в рабочую массу²⁷⁵. Розанов разделяет опасения Леонтьева, отмечая, что буржуазный прогресс неминуемо приведет к катастрофе, после которой не будет «ни религии и ее выражения — церкви, ни «бесполезных искусств», ни философских созерцаний. Только «машины» свои они перетащат туда,

²⁷² Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом? // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.166.

²⁷³ Леонтьев К.Н. Письмо К.А.Губастову от 10 декабря 1890 г., Оптина Пустынь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.12. Кн.2. СПб., 2020. С.559.

²⁷⁴ Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.168.

²⁷⁵ См. подр.: Горохов А.А., Убирия (Столярова) И.Ф. «Эстетика жизни» и проблема эгалитарного прогресса в творчестве К.Н. Леонтьева // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 4. (Электронная ссылка: <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/715>). С.6.

около которых трудятся, которые их обездушили, — как раб уносит в могилу цепи, вросшие в его тело»²⁷⁶. По Леонтьеву, возгордившийся своим разумом человек неминуемо уничтожит природу, от которой он все больше отдаляется. Леонтьев напоминает, что гордыня для христианина — большой грех, и опасается того, что за гордыню и индивидуализм человечество может получить наказание в виде возможной будущей экологической катастрофы, хотя в то время причин для подобных опасений было не так много: «...от неосторожного и смелого обращения с химией и физикой — люди, увлеченные оргией изобретений и открытий, сделают наконец такую исполинскую физическую ошибку, что и «воздух, как свиток, сохнет» и «сами они начнут гибнуть тысячами»»²⁷⁷. Можно сказать, что Леонтьев стал одним из первых русских мыслителей, отметивших важность природы и экологии для развития общества. По этому поводу А. В. Репников пишет, что именно консерваторы «озаботились проблемами нравственного и физического здоровья нации, и даже проблемами экологии. Доведенный до логического конца консервативно-религиозный взгляд на мир связывает экологические проблемы, которые появляются в процессе развития науки и техники, с нравственными вопросами развития человечества»²⁷⁸.

Леонтьев отвергает и научно-технический прогресс: «В *прогресс* верить надо, но не как в *улучшение* непременно, а только как в новое перерождение тягостей жизни, в новые виды страданий и стеснения человеческих. *Правильная вера в прогресс* должна быть *пессимистическая*, а не благодушная, все ожидающая какой-то *весны*»²⁷⁹. Прогресс для Леонтьева — это результат возгордившегося разума человека, возмнившего себя независимым от Бога: «Своеобразие ныне почти везде гибнет преимущественно от политической свободы. *Индивидуализм* губит

²⁷⁶ Розанов В.В. Эстетическое понимание истории // Розанов В.В. Собрание сочинений в 28 т. Т.28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889—1897 гг.). Сумерки просвещения. М., СПб., 2009. С.91.

²⁷⁷ Леонтьев К.Н. Письмо к К.А. Губастову от 15 марта 1889 г. // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.12. Кн.2. СПб., 2020. С.231.

²⁷⁸ Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С.129.

²⁷⁹ Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.133-134.

индивидуальность людей, областей, наций»²⁸⁰. Похожие выводы в XX в. сделали Н.А. Бердяев, В. Шубарт, Р. Генон, К. Ясперс, С.Л. Франк, А. Тойнби²⁸¹.

Леонтьев подчеркивает, что последствия «эгалитарно-либерального процесса» разрушительны для государств и обществ: во-первых, они не отвечают идеалам «эстетики жизни» (красота, разнообразие и противоборство), приводя к противоположным явлениям (серость, уравнивание, смешение и разложение); во-вторых, они противоречат религиозным учениям и нравственным ценностям, поскольку утилитаристские идеалы всеобщего счастья не имеют ничего общего с христианскими. Он утверждает, что, приняв либеральные ценности «западные государства испортили конституцией свой древний и прочный государственный строй, и шаг за шагом идут к республиканской федерации, к утрате действительной самобытности»²⁸². Больше всего мыслителя волновали последствия будущего федеративного объединения западных государств для России, и в этой связи он намечает для своего Отечества два возможных пути: «Я полагаю, наш долг беспрестанно думать о возможности, по крайней мере, попыток к подобному слиянию, к подобному падению частных западных Государств. И при этой мысли относительно России представляются немедленно два исхода: или 1) она должна *и в этом прогрессе* подчиниться Европе, или 2) она должна устоять в своей отдельности»²⁸³. В таком случае, продолжал Леонтьев, у Запада есть два пути: «Запад или 1) устроится надолго в этой новой республиканской форме, которая будет все-таки не что иное, как падение всех частных европейских Государств, или 2) он будет изнывать в общей анархии, перед которой ничтожными покажутся анархии Террора или 48 года, или анархия Парижа в 71 году. Так или иначе, для России нужна внутренняя сила, нужна крепость организации, крепость духа дисциплины»²⁸⁴. Иными словами, Россия должна не только держаться в стороне от пораженного «эгалитарно-либеральной» заразой Запада, но и твердо охранять свое

²⁸⁰ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.333.

²⁸¹ См.: Зубов С.В. Парадоксы Константина Леонтьева. Саратов, 2007. С.47.

²⁸² Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.454-455.

²⁸³ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.435-436.

²⁸⁴ Там же. С.436.

национальное своеобразие от влияния либерализма.

Исходя из изложенного, мы можем представить «творческий консерватизм» как совокупность теоретических основ (концептов «эстетики жизни», «триединого процесса», византизма и их антипода – «эгалитарно-либерального процесса») и практических замыслов Леонтьева. По нашему мнению, указанные теоретические концепты являются идейным стержнем «творческого консерватизма» и пронизывают все социально-политическое творчество Леонтьева. На фундаменте из названных концептов Леонтьев создает свои внутри- и внешнеполитические замыслы. Как будет показано ниже, все практические предложения «творческого консерватизма» преследуют своей целью сохранение в России «эстетики жизни», укрепление византизма перед натиском «эгалитарно-либерального» прогресса, торможение фатального процесса разложения и возвращение России на стадию «цветущей сложности» в рамках «триединого процесса» развития.

На наш взгляд, практические замыслы Леонтьева можно объединить в три группы: во-первых, направленные на укрепление традиционных основ российского государства, во-вторых — на усиление обособленности России от Западной Европы, в том числе через восприятие культурных черт азиатских народов; в-третьих — на торможение распространения в России либеральных идей посредством «реакции». Как считал Леонтьев, в первую очередь, необходимо охранять и укреплять традиционные основы российского государства: православие, самодержавие и общинный быт. Развивая свою мысль, Леонтьев противопоставляет византийские ценности буржуазным: «Православие византийское, как известно, имеет в себе между прочим две стороны — для государственной общественной, и для семейной жизни — оно есть религия *дисциплины*. Для внутренней жизни нашего сердца — она есть религия *разочарования*, религия безнадежности на что бы то ни было земное... Православие, или, другими словами, культура византийской дисциплины и земного аскетизма есть единственный противовес теории всеобщего, мелкого удовольствия»²⁸⁵. Леонтьев не сомнева-

²⁸⁵ Леонтьев К.Н. Отшельничество, монастырь и мир, их сущность и взаимная связь (четыре письма с Афона) // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.174.

ется в спасительной для России роли византизма: «Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество. Византийский образ Спаса осенял на Великокняжеском знамени верующие войска Дмитрия на том бранном поле, где мы впервые показали татарам, что Русь Московская уже не прежняя раздробленная, растерзанная Русь! Византизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией. Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы, если бы она, разрушивши у себя все благородное, осмелилась когда-нибудь и нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости»²⁸⁶. Лишь развивая и укрепляя византизм, который и есть *«хронический деспотизм ... постоянная и привычная принудительность всего строя жизни»*²⁸⁷, Россия сможет не только противостоять европеизации, но и укрепить свое могущество.

Кроме того, необходимо усилить обособленность России от Западной Европы с помощью присоединения к ней восточных стран с их азиатскими «нецивилизованными» началами и частичного восприятия русской культурой мотивов восточных культур: для «достижения своей цивилизации русским выгоднее проникаться турецкими, индийскими, китайскими началами»²⁸⁸, сохранившими принцип послушания в семье, обществе, государстве, и «охранять крепко все греко-византийское, чем любезничать с Ригерами, Наперстками, Смолками. Фитами и т.д.»²⁸⁹. Именно смешение славянских и азиатских черт, в представлении Леонтьева, придает устойчивость России перед натиском «эгалитарно-либерального» прогресса и защищает ее от «всеразлагающего европеизма».

Третьим блоком идей консервативной программы Леонтьева были меры, направленные на предупреждение распространения либерализма в России. По Леонтьеву, «прогресс, то есть последующая ступень истории, ее завтрашний, так

²⁸⁶ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.323.

²⁸⁷ Леонтьев К.Н. Письма о Восточных делах // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.56.

²⁸⁸ Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.6. Кн.1. СПб., 2003. С.106.

²⁸⁹ Там же.

сказать, день не всегда носит характер более эмансипационный, чем была ступень предыдущая, чем период истекающий или истекший»²⁹⁰, поэтому прогрессом могут стать «всякие *реакционные меры*, и временные, и законодательные — раз только меры, освобождающие личность человеческую, достигнут так называемой *точки насыщения*»²⁹¹. По мысли Леонтьева, прежде всего необходимо «подморозить хоть немного Россию, чтобы она не «гнила»²⁹², то есть, не допустить распространения в России гибельных для нее идей либералов и революционеров, а также ограничить западное влияние на российское общество. Леонтьев убежден в том, что «настало время *реакционного* движения, *если не для всех, то, по крайней мере, для некоторых сторон жизни*»²⁹³. В этой связи стремление Леонтьева «подморозить Россию» следует рассматривать как его желание удержать в России период «цветущей сложности» и сохранить процессы, способствующие развитию и укреплению могущества государства. По мнению мыслителя, в определенный период истории необходимо быть «парусом», а иногда и «якорем» в зависимости от того, на какой стадии «триединого процесса» развития находится общество и государство: «*До дня цветения* лучше быть парусом или паровым котлом; после этого *невозвратного дня* достойнее быть якорем или тормозом для народов, стремящихся вниз под крутую гору»²⁹⁴.

Именно в развитии благодаря сдерживанию состоит смысл реакционных мер, предлагаемых Леонтьевым. Ему принадлежит и само понятие «охранительных реформ», впервые использованное им в статье «Панславизм и греки» (1873)²⁹⁵. Можно согласиться с тем, что «реакционный» прогресс Леонтьева «стал ответом на утверждения его либеральных противников о том, что движение вперед возможно только в одной форме — западной «эгалитарно-космополитической», яв-

²⁹⁰ Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 г. // Там же. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.74-75.

²⁹¹ Там же. С.75

²⁹² Там же. С.73.

²⁹³ Там же. С.61.

²⁹⁴ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.393-394.

²⁹⁵ Каменев В.М. Русская консервативная мысль XIX — начала XX века. Опыт типологии. СПб., 2012. С.36.

ляющейся единой для всех стран и народов»²⁹⁶, вне зависимости от исторических предпосылок, национального менталитета и традиционных основ. Леонтьев, веря в великую миссию России по спасению стран Запада от разложения, полагает, что русским «надо совершенно сорваться с европейских рельсов и, выбрав совсем новый путь, стать, наконец, во главе умственной и социальной жизни всечеловечества»²⁹⁷. Только следуя своим традиционным историческим началам Российское государство сможет не только предотвратить свое разрушение, но и стать источником духовного возрождения для Запада.

Таким образом, можно утверждать, что консерватизм Леонтьева представляет собой не просто социально-политическую идеологию, а целостный комплекс консервативного осмысления мира, в котором эстетизм выполняет важные хранительные функции. В «творческом консерватизме» проявление видимой эстетики во всех элементах народной жизни является признаком внутренней творческой силы и могущества государства. Национальное творчество, понимаемое Леонтьевым как обладание нацией независимостью в мышлении, вкусе и вытекающая из этого способность к созданию оригинальных идей, определяет развитость, жизнеспособность и силу как самой нации, так и государства в целом. Именно простой народ является творцом и хранителем национального своеобразия в обществе и государстве. Исходя из этого «творческий консерватизм» Леонтьева можно определить как оригинальную социально-политическую программу, в основу которой положена задача пробуждения, сохранения и приумножения творческого потенциала русского народа, создающего и развивающего эстетику во всех сферах своей деятельности. В «творческом консерватизме» высшими ценностями являются не столько традиционные институты или традиции сами по себе, сколько то, в какой степени эти институты способствуют укреплению и сохранению способности народа к творчеству и созданию «эстетики жизни» в духовной, культурной, бытовой, политической и других сферах.

²⁹⁶ См.: *Шириняну А.А.* Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011. С.250.

²⁹⁷ *Леонтьев К.Н.* Письма о Восточных делах // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.104.

Несмотря на оригинальность консервативных воззрений Леонтьева, прослеживается их неразрывная связь с русской социально-политической мыслью XIX в. Представляется, что «творческий консерватизм» Леонтьева близок к «православно-хранительному» направлению русского консервативного течения, для которого главным условием существования самобытной культуры являлась религия. В русле этого подхода Леонтьев наделяет государство особым мистическим смыслом, обусловленным богоизбранностью царской власти. При этом Леонтьев выступает не только и не столько за сохранение, сколько за творческое развитие и усовершенствование традиционных основ Российского государства, что делает его своеобразным мыслителем даже в кругу приверженцев консерватизма.

Закономерности развития культур, обществ и государств Леонтьев рассматривает через призму «триединого процесса развития» по аналогии с живыми организмами. По Леонтьеву, все государства и общества проходят этапы рождения, развития и умирания. В «творческом консерватизме» эволюция государств и обществ зависит от появления в обществе «эстетики жизни» и обособления внутренней идеи, скрепляющей воедино составные элементы государственно-культурного организма. Такой внутренней идеей в Российском государстве является византизм, понимаемый мыслителем как укоренившиеся в России монархическая власть, православие и крестьянская община. По Леонтьеву, именно византизм обеспечил силу, мощь и процветание Российскому государству, и Россия, изменив своей византийской сущности, обречена на гибель. В сохранении и укреплении византизма, являющегося ценностным ядром русской государственности и идентичности русской культуры, состоит задача укрепления и процветания России. Только следуя своим византийским началам, Россия сможет не только предотвратить угрожающую ей гибель, но и стать источником духовного возрождения для Запада.

Значительное влияние на формирование органической теории развития Леонтьева оказали идеи Н. Я. Данилевского, а само появление этой теории стало ответом Леонтьева на представления «прогрессистов» о линейном эволюционизме с верой во всесильность «эгалитарно-либерального» прогресса, ставшего предметом острой критики Леонтьева. Леонтьев убежден, что буржуазный про-

гресс представляет значительную опасность для «эстетики жизни», грозит обществу потерей своей национальной и культурной идентичности и конечным распадом государства. Мыслитель обосновывает этот тезис, опираясь на свое органическое понимание устройства общественной и государственной систем. В «творческом консерватизме», во-первых, «эгалитарно-либеральный» прогресс противопоставляется естественному процессу органического развития. Во-вторых, либеральные ценности, к господству которых приводит буржуазный прогресс, представляются Леонтьеву противоестественными и губительными для любой органической системы, в том числе такой как общество или государство. Так, либеральная свобода разрушительна в своей вседозволенности и постепенно приводит к анархии. Это означает, что развитие в обществе немислимо без организующего порядка, которым, по Леонтьеву, служит деспотизм. В «творческом консерватизме» свобода и деспотизм не исключают, а уравнивают друг друга.

В результате анализа «творческого консерватизма» выявлены три блока социально-политических идей, применение которых помогло бы сохранить культурную и национальную идентичность русского народа и предотвратить цивилизационную гибель России от под натиском «эгалитарно-либерального» прогресса»: во-первых, всяческое укрепление и обособление внутренней идеи Российской империи — византизма — от западноевропейского влияния посредством обращения к своим историческим корням; во-вторых, усиление обособленности России от Западной Европы, в том числе через восприятие культурных черт азиатских народов, для которых свойственно ревностное охранение своих традиций, устоев, религии и быта от влияния извне; в-третьих, торможение распространения в России либеральных и радикальных идей с помощью «реакционных» мер.

В «творческом консерватизме» деспотизм и «реакция» имеют крайне важное значение для сохранения в России периода «цветущей сложности», наполненного «эстетикой жизни». По мнению Леонтьева, торможение буржуазного прогресса и последующего разложения государства в большей степени является прогрессом для общества, чем процессы, ускоряющие ассимиляцию и ведущие к распаду государственно-культурного организма. Можно утверждать, что так называемый «реакционный прогресс» был ответом Леонтьева на аргументы его либеральных

противников о том, что движение вперед для всех обществ и государств возможно только в одной форме — западной, «эгалитарно-космополитической». По Леонтьеву, остановиться на краю пропасти, осмыслить свое национальное «Я» и историческое предназначение гораздо важнее для народа, чем стремление как можно скорее ассимилироваться с Западом.

Осознав истинные последствия либерально-прогрессистского слияния с обуржуазившейся Европой, Леонтьев одним из первых русских мыслителей обращается лицом к консервативному Востоку в поисках твердого охранения патриархальных начал, авторитарной власти, железной дисциплины, а вместе с тем пышного и красочного «цветения» жизни, немыслимого без героизма, кипения страстей, господства духовного над земным.

«Творческий консерватизм» Леонтьева, включающий как теоретические основы, так и практические замыслы, наполнен концептами, которые не просто определяют его суть, но проходят лейтмотивом через все социально-политическое творчество Леонтьева. На фундаменте этих концептов Леонтьев создает свои внутри- и внешнеполитические проекты. Среди них важное место занимает концепт «истинно национальной» политики.

Глава II. Россия и мир: концепт «истинно национальной» политики

§ 1. Критика панславизма²⁹⁸

Панславизм как идея исторического единства славянских народов на основе родства языков, древней литературы и общности судеб возник вне России в Западной Европе, а точнее в Чехии и Словакии, в начале XIX в. В это время благодаря произведениям Я. Коллара, Ф. Палацкого и других деятелей «славянского возрождения» славяне осознают свою национальную идентичность и этноязыковое родство²⁹⁹. Как общественное движение панславизм был связан с национальным возрождением западных и южных славян, выступавших за славянское единение в освободительной борьбе от гнета Австрии и Турции. Сам термин «панславизм» возник в 1830 — 1840-х гг. в статьях германских и австрийских публицистов и отождествлялся ими с угрозой имперской экспансии России на славянские земли Австрийской империи, а также их «русификаторство». Подобные представления о панславизме как о «шовинистско-русификаторской теории» существуют на Западе до сих пор³⁰⁰.

В отечественной социально-политической мысли понятие панславизма включает в себя «сложную амальгаму политических идей, общественных течений и практических действий, целью которых являлось достижение в той или иной форме сла-

²⁹⁸ При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Убирия (Столярова) И.Ф.* К.Н.Леонтьев о национальной политике и панславизме // SCHOLA-2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М.: Издательство Московского ун-та, 2014. С.108–111; *Столярова И.Ф.* К.Н. Леонтьев о славянском вопросе // Сборник материалов VII Международной конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени». 2017. С.487–489; *Столярова И.Ф.* «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Социально-политическая мысль. 2020.С.107-131.

²⁹⁹ См.: *Ширинянец А.А., Мырикова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С.12-17; *Ширинянец А.А., Мырикова А.В.* Русофобский миф на «панславизма» // Политически исследования. Българска асоциация за политически наук. София. Брой 1–2. 2010. С.85-110.

³⁰⁰ См.: *Прокудин Б.А.* Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития: дисс... канд. полит. наук. М., 2007. С.17.

вянского политического единства»³⁰¹. В России интерес к славянскому миру появился, по сути, как протест интеллигенции против широкого распространения западных настроений среди представителей власти и дворян. Изначально русские варианты теории славянской взаимности возникли в творческом союзе славянофилов и ученых-славистов в 1840 — 1850-е гг. Первые выводили необходимость славянского единства из представлений о необратимом противостоянии между романо-германским и греко-славянским «мирами», вторые — на основе изучения культуры, языков и фольклора славянских народов³⁰². Постепенно идея необходимости сближения славянских народов стала очень популярной у интеллигенции и во властных кругах. В 1867 г. в Москве состоялся Славянский съезд, который стал значимым этапом в осознании российским обществом необходимости славянского единства. В 1869 г. в работе «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский впервые в развернутой форме изложил основные тезисы политической программы панславизма³⁰³.

Основные постулаты русского панславизма, выраженные в теории Данилевского, звучали следующим образом: «сущностная вражда, ненависть Европы к России и славянам; неизбежный и естественный характер антагонизма России и Европы; отрицание того, что европейская цивилизация есть синоним общечеловеческой цивилизации, или, по-другому, отрицание европоцентризма; обвинение русских западников в попытке деформировать, извратить «основы русско-славянского организма»; необходимость, неизбежность борьбы России против Европы и понимание этой борьбы как единственного средства решения «восточного вопроса» (т.е. проблемы Константинополя и проливов, которая идентифицировалась Данилевским со «славянской проблемой» в целом); историческая закономерность создания Всеславянского союза во главе с Россией и отношение к данному союзу как к единственному средству выживания славянства и обеспечения его богоугодной победы над Западом»³⁰⁴. Необходимо отметить, что панславизм «всегда выступал идеологическим

³⁰¹ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянец А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н.Леонтьев. М., 2000. С.41.

³⁰² Прокудин Б.А., Болдин В.А. Концепции славянского единства конца XIX — начала XX вв. // Вестник Российской нации. 2017. № 3. С.125-137.

³⁰³ Там же. С.48.

³⁰⁴ См.: Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011. С.239-240.

оформлением имперской экспансии России»³⁰⁵. И в этом отношении концепция Данилевского также не стала исключением. Популярны в пореформенной России панславистские проекты обусловили развитие идей политического национализма и выдвижение российскими мыслителями разнообразных концепций национальной политики³⁰⁶. Во второй половине XIX в. для русского общества «было привычным превознесение принципа национальностей, привычны были и торжественные заявления о служении национальному делу со стороны общественных и государственных деятелей, изданий самой разной идейной ориентации»³⁰⁷.

Создателем одной из самых ярких концепций национальной политики стал Леонтьев. Ее оригинальность была обусловлена последовательной критикой мыслителем идей политического национализма и панславизма, шедшей вразрез с господствовавшими в то время в России мнениями. Свои убеждения Леонтьев изложил в значительном количестве работ, среди которых: «Грамотность и народность» (1868), «Панславизм и греки» (1873), «Еще о греко-болгарской распре» (1875), «Византизм и славянство» (1875), «Письма о Восточных делах» (1882), «Дополнение к двум статьям о Панславизме (1884)», «Плоды национальных движений на православном Востоке» (1888), «Национальная политика как орудие всемирной революции» (1888), «Культурный идеал и племенная политика» (1890) и др.

Формирование взглядов Леонтьева на политический национализм и панславизм происходило на рубеже 60 — 70-х гг. XIX в., когда, будучи на дипломатической службе, он наблюдал процесс распространения националистических идей среди восточнославянских народов. Уезжая на Восток в конце 1863 г., Леонтьев верил в южных славян, размышлял о «патриархально освежающих югославянских родниках», которые научат русских «как лучше бороться против европеизма»³⁰⁸. В тот период Леонтьев был убежден, что после изгнания турок с Балкан местная культура расцветет пышным цветом: «Милльоны славян говорят почти тем же языком, которым писана наша Библия; в глухих, диких деревнях с восторгом произносят наше имя!..

³⁰⁵ Там же. С.240.

³⁰⁶ Там же. С.253.

³⁰⁷ См. Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.41.

³⁰⁸ Леонтьев К.Н. Письма отшельника // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.546.

первобытные народы, которых даже западные путешественники ставят сердцем выше греков, а умом выше турок; монастыри в горах, где молятся за наше государство; монахи там настоящие монахи — знают близко смерть и нужду; древние забавы, песни народные и эпическое время не прошло еще для них... Благодушны, гостеприимны, чисты нравами; за «честный крест»... каждый мужик готов кровь отдать без приказания. Если южная пылкость у них слабее, чем в Италии, зато мудрой стойкости больше»³⁰⁹. Также мыслитель считает, что России необходимо поддерживать дружеские отношения с Грецией, контролирующей значительную часть Эгейского моря, что помогло бы не только усилить влияние России в Балканском регионе, но и решить Восточный вопрос в свою пользу³¹⁰. В частности, он мечтает о том, чтобы «составились две большие православные земли — сухопутная Россия и морская, большая Греция, которая бы вытеснила английский флаг из Средиземного моря»³¹¹ и стала союзницей России.

Однако уже в 1864–1865 гг. Леонтьев замечает, что европейское влияние просачивается и в этот обособленный южнославянский мир, разрушая древние традиции и устои христианских народов. Беспрепятственное восприятие греками и славянскими народами западноевропейских ценностей позволило ему прийти к выводу, что они не способны самостоятельно сохранить свое культурное и национальное своеобразие от влияния Запада. Одной из причин, по мнению Леонтьева, являлось то, что у греков и у балканских славян в то время почти не было умственной гуманитарно или эстетически образованной аристократии, и это проявлялось в «отсутствии всякого духовного творчества, в невежестве и апатии духовенства, в предпочтении торговли всему остальному, в отсутствии искусств и т.д.»³¹², иными словами в отсутствии национальной самостоятельности и пошлом стремлении к подражанию Европе. Леонтьев разочарованно отмечает, что южные славяне «падки на чужое», и советует вести среди них «особую пропаганду для утверждения само-

³⁰⁹ Леонтьев К.Н. В своем краю // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.2. СПб., 2000. С.269.

³¹⁰ См.: Леонтьев К.Н. С Дуная // Там же. Т.7. Кн. 1. СПб., 2005. С.72.

³¹¹ Леонтьев К.Н. Исповедь мужа // Там же. Т.2. СПб., 2000. С.368.

³¹² Леонтьев К.Н. Записка о необходимости литературного влияния во Фракии // Там же. Т.10. Кн. 1. СПб., 2017. С.353.

бытных вкусов»³¹³. Кроме того, по мнению Леонтьева, «и греки и болгары по духу домашней жизни своей одинаково *буржуа*, одинаково расположены к тому, что сами же немцы обозвали филистерством»³¹⁴, и это способствует их беспрепятственному восприятию западноевропейских ценностей. Осознав это, Леонтьев окончательно разуверился в способности зарубежных славян к самостоятельному культурному творчеству и созданию какой-либо оригинальной культуры: «все славяне, южные и западные, именно в этом, столь дорогом для меня *культурно-оригинальном смысле*, суть для нас, русских, не что иное, как *неизбежное политическое зло*, ибо народы эти до сих пор в лице «интеллигенции» своей ничего кроме самой пошлой и обыкновенной *современной буржуазии*, Миру не дают»³¹⁵.

Леонтьев с нескрываемым разочарованием писал о православно-греческой и южно-славянской интеллигенции: «стоит греку и болгарину обучиться немножко побольше в школе, а тем более побывать по делам в Европе (т.е.в Тиесте, Марсели, Молдо-Валахии или даже Кишиневе и Таганроге), как сейчас у него *заболевают печень* и он не может выносить поста, хотя родной брат его, может быть, еще продолжает пасти стадо своих родителей и сами родители эти кушают где-нибудь в Ходжа-Балкане или Эпирских ущельях по дедовскому порядку руками, и *«соки кушанья текут по бороде их на грудь»*³¹⁶. Сравнивая национальный характер балканских славян с характером русских, Леонтьев отмечает, что греки и болгары «суше, холоднее нас в частной своей жизни; у них меньше идеализма сердечного, семейного, религиозного; все грубее, меньше тонкости, но зато больше здоровья, больше здравого смысла, трезвости, умеренности. Меньше рыцарских чувств, меньше сознательного добродушия, меньше щедрости; но больше выдержки, больше домашнего и внутреннего порядка, меньше развращенности, распущенности. У них меньше, чем у нас, оригинальных характеров, редких типов; гораздо меньше поэзии; но зато у них и помину нет о девушках-нигилистках, — о сестрах, просящих братьев убить их, потому что им скучно, — о мужьях, вешающих мо-

³¹³ См.: Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.114.

³¹⁴ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.125.

³¹⁵ Леонтьев К.Н. Дополнение к двум статьям о Панславизме (1884 года) // Там же. С.269.

³¹⁶ Леонтьев К.Н. Записка об Афонской Горе и об отношении ее к России // Там же. Т.10. Кн. 1. СПб., 2017. С.398.

лодых жен, потому что дела пошли худо, — о юношах, почти отроках, убивающих кучера, чтоб учиться революции, и т. д.»³¹⁷. В образованном сословии балканских христиан отсутствует идеализм, обращенный к религии, философии или поэзии, а развить его в этих народах могут лишь русские, и то только лишь после того, как у них самих пройдет «утилитарное одурение»³¹⁸, т.е. стремление ассимилироваться с Западом.

Балканское простонародье, по наблюдению Леонтьева, в большей степени сохранило в себе культурно-национальное своеобразие и приверженность восточным христианским церквям, — все то, чем «православные, считающие себя образованными представителями своей нации... не дорожат», нарекая простой народ «варварами»³¹⁹, и поэтому оно не лишено будущего. Леонтьев подчеркивал, что «на Востоке бедное и низшее сословие во всех отношениях — в религиозном, политическом, нравственном (и даже ... в эстетическом) выше своих обученных архонтов, одевшихся в европейский сюртук»³²⁰.

По мнению Леонтьева, восточнославянским единоверцам нравилось могущество Российской империи, ее военные и дипломатические способности, впечатляющий политический вес, дальновидная глубина политики, а также и «свободолюбие», и серьезность правительственных реформ³²¹. Однако, по словам Леонтьева, «единоплеменники и единоверцы наши ценят нас настолько, насколько мы европейцы: им и в голову не приходит ценить в нас *то*, что в нас собственно русское»³²², в то время как он хотел, чтобы восточные славяне видели в России не только «большую единоверную политическую силу, но сверх того: и своеобразный государственно-национальный организм, и своеобразное общество, и еще более своеобразный простой народ, и своеобразную литературу, единственную по свежести теперь во всем

³¹⁷ Леонтьев К.Н. Русские, греки и юго-славяне // Там же. Т.7. Кн. 1. СПб., 2005. С.457.

³¹⁸ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Там же. С.129.

³¹⁹ Леонтьев К.Н. Записка о необходимости литературного влияния во Фракии // Там же. Т.10. Кн. 1. СПб., 2017. С.355.

³²⁰ [Петру Николаевичу Стремоухову от 15 января 1871 г., Янина] // Леонтьев К.Н. Записки и донесения. Сост. К.М. Долгов; М., 2013. С.307.

³²¹ См.: Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.95.

³²² Там же.

мире, и особую историческую науку, более и более развиваемую»³²³. Леонтьев приходит к выводу, что «...люди на Востоке (особенно Христиане) гораздо однообразнее наших, сходнее между собою и потому вообще тупее и беднее духом, чем наши... простота патриархальной, безграмотной религиозности здесь, при крайней демократизации общества, чрезвычайно легко превращается в простоту буржуазно-прогрессивного индифферентизма»³²⁴. Все это наталкивает на вывод о слабом творческом начале славянских народов, не способных к созданию и развитию «эстетики жизни». Таким образом, несмотря на то что славянский мир в настоящее время «богат формами», Леонтьев признавал, что национальное своеобразие славянского мира непрочно и «легко может уйти у славян в XIX веке»³²⁵.

По мнению Леонтьева, истинно православное и славянское пока еще держится на Востоке вовсе не благодаря балканским христианам, а благодаря туркам: «Под турецким владычеством многие стеснения еще отдаляют их от Европы и от бесплодных дешевых подражаний. — Раз освободившись, каким-нибудь стечением обстоятельств, от политической зависимости, что противопоставят они подавляющей культуре Запада? — Стоит взглянуть только на независимых греков, чтобы видеть, как мало в них самобытного. — Кроме уважения по привычке к древнегреческому языку и (на словах) к великим авторам древности, (у которых они не учатся ни политической мудрости, ни вкусу в общественной жизни) — они влачатся во всех понятиях за французской буржуазией ... европеизированные греки турецких провинций стоят еще ниже их. Болгары и того не имеют, что имеют греки...»³²⁶. Леонтьев отмечает, что несмотря на то, что турецкое «завоевание есть зло, и турки — варвары, бесспорно», но «благодаря их кровавому игу, воздух критской жизни полон высшего лиризма»³²⁷.

В самом деле, османская власть на Балканах имела консервативный характер, являлась значительной преградой для возникновения и распространения в реги-

³²³ Леонтьев К.Н. Записка о необходимости литературного влияния во Фракии // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.10. Кн. 1. СПб., 2017. С.354.

³²⁴ Леонтьев К.Н. Записка об Афонской Горе и об отношении ее к России // Там же. Т.10. Кн.1. СПб., 2017. С.402-403.

³²⁵ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.122.

³²⁶ Леонтьев К.Н. Записка о необходимости литературного влияния во Фракии // Там же. Т.10. Кн. 1. СПб., 2017. С.353.

³²⁷ Леонтьев К.Н. Хризо // Там же. Т.3. СПб., 2001. С.43.

оне буржуазии и капитализма, способствуя тем самым сохранению традиционных, феодальных черт, наличие которых в жизни и культуре южнославянских народов Леонтьев всячески приветствовал. Таким образом, убеждение мыслителя о полезной роли турецкого ига в деле сохранения культурного и национального своеобразия южных славян возникло из его непосредственных наблюдений за жизнью населяющих Балканы народов.

На окончательное формирование взглядов Леонтьева по национальному вопросу повлиял греко-болгарский конфликт, ставший особенно острым в конце XIX в., суть которого заключалась в борьбе между Константинопольской патриархией и болгарской национальной церковью³²⁸. Для Леонтьева этот конфликт стал чрезвычайно важным, поскольку он пронизательно усмотрел в нем угрозу православной церкви и славянскому миру. По свидетельству С. Н. Дурылина, «частный вопрос текущей политики заставил Леонтьева задуматься над основами исторического процесса, поскольку он выявляется в судьбах греко-славянского мира во главе с Россией, а затем и во всем просторе всемирной истории»³²⁹. Постепенно разрастающаяся «греко-болгарская распря» привела мыслителя к выводам о том, что истинной причиной неутихающего конфликта были «вовсе не церковные и не богомольные цели тех самых болгар»³³⁰, а их национальная эмансипация. С. В. Хатунцев пишет, что суть греко-болгарского конфликта была национально-политической, в то время как церковной оставалась лишь форма, и осознание этого привело Леонтьева на твердые позиции критического отношения к панславизму и политическому национализму³³¹.

В представлении Леонтьева, объединяющим началом для народов должны стать не их племенные особенности, как предлагали панславистские учения, а общие культурные традиции: «в Славянофильстве не столько *сами славяне* важны, сколько то, что в них есть особенного славянского, отделяющего нас от Запада... И что Славянофил истинный не славян во что бы то ни стало и *во всех формах* должен любить,

³²⁸ См.: Косик В.И., Кремнев Г.Б. Греко-болгарский вопрос // Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891). М., 1996. С.793-794.

³²⁹ Дурылин С.Н. Примечания // Литературное наследство. М., 1935. Т.22—24. С.472.

³³⁰ Леонтьев К.Н. Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене русского монастыря Св.Пантелеймона на Горе Афонской // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений в 12 т. Т.6. Кн.1.СПб., 2003. С.772.

³³¹ См.: Хатунцев С.В. Константин Леонтьев. Интеллектуальная биография. 1850—1874. СПб., 2007. С.182.

а именно это *особое* культурно славянское... Если только оно найдется или вырабатывается... Вот в чем задача... А что же толку в Славянстве для Славянства. Политическая сила и больше ничего... И то еще вопрос — будет ли сильно это Всеславянство, если оно не будет оригинально, если у него не будет своих, особых от Европы принципов... *Дело в своей культуре, а вовсе не в славянах*³³². Критикуя панславистские доктрины, Леонтьев указывает на то, что исключительно кровное (племенное) родство, лишенное религиозных и культурных основ, не могут быть объединяющими народ государственными началами: «Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? За что его любить? За кровь? Но кровь ведь, с одной стороны, ни у кого не чиста, и Бог знает, какую кровь иногда любишь, полагая, что любишь свою, близкую. И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! Все великие нации очень смешанной крови. Язык? Но язык что такое? Язык дорог особенно как выражение родственных и дорогих нам идей и чувств. *Анти-европейские* блестящие выходки Герцена, читаемые *на французском языке*, производят более *русское* впечатление, чем по-русски написанные статьи «Голоса» и т.п. Любить племя за племя — натяжка и ложь. Другое дело, если племя родственное хоть в чем-нибудь согласно с нашими особыми идеями, с нашими коренными чувствами»³³³.

Однако зарубежные славяне, единые по своему происхождению, но разные по культурно-духовным традициям, так и не смогли создать всеобщей культуры: «Мы видим только общие стремления, отчасти общие племенные интересы и действия, но не видим общих своеобразных идей, стоящих выше племенного чувства, порожденных им, но после вознесшихся над племенем, для вящего всенародного, ясного руководства и себе и чужим (человечеству). Славянство есть, и оно численностью очень сильно; славизма нет, или он еще очень слаб и неясен»³³⁴.

Между тем, для российского общества второй половины XIX в. были привычными заявления различных общественных и государственных деятелей о важности для России освобождения славянских народов от османского и австрийского гнета и обретения ими независимости и государственного суверенитета. Леонтьеву эти

³³² Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба (1874—1875 года) // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений в 12 т. Т.6. Кн.1. СПб., 2001. С.94-95.

³³³ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.333.

³³⁴ Там же. С.355.

взгляды представлялись опасным заблуждением, поскольку за стремлением к независимости у славян он не усматривал никакого глубокого и осмысленного содержания. С одной стороны, зарубежные славяне стремятся к государству, с другой — вряд ли они способны построить собственную государственность. Кроме того, поскольку все славяне «демократы и конституционалисты», то ничего оригинального они создать не смогут, а будут подражать всему западному. Славянский национализм, предупреждает Леонтьев, неизбежно приведет к распространению в новых государствах буржуазных идеалов равенства и сытого благополучия³³⁵. При этом мыслитель подчеркивает, что национальные государства на пути к федеративной республике столкнутся с кровопролитной борьбой и страданиями: «На розовой воде и сахаре не готовятся такие коренные перевороты: они предлагаются человечеству всегда путем железа, огня, крови и рыданий!»³³⁶.

В силу отсутствия у зарубежных славян способности к самостоятельному культурному творчеству объединение с ними (как того требовали апологеты панславизма) станет новой угрозой культурной и государственной самобытности России: славянские народы уже больны европейской заразой и неминуемо распространят эту заразу на российский народ: «Опасен не чужеземный враг, на которого мы всегда глядим пристально исподлобья...Страшнее всех... брат близкий, брат младший и как будто бы беззащитный, *если он заражен* чем-либо таким, что, по неосторожности, может быть и для нас смертоносным. Нечаянная, ненамеренная зараза от близкого и бессильного, которого мы согреваем на груди нашей, опаснее явной вражды отважного соперника»³³⁷. Более того, по мнению Леонтьева, сводить русскую цивилизацию исключительно к славянским народам значит обеднять ее, нивелируя все те особенности, которые приобрела страна от своих азиатских владений: «Образование *одного сплошного и всеславянского государства* было бы началом падения Царства русского. Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России. «Русское

³³⁵ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.50.

³³⁶ Леонтьев К.Н. Византизм и Славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.434.

³³⁷ Там же. С.442-443.

море» иссякло бы от слияния в нем «славянских ручьев»... Россия чисто славянской Державой никогда не была... ее западные и восточные владения, расширяя и обогащая ее культурный дух и ее государственную жизнь, стесняли ее Славизм разными путями... Чисто славянское содержание слишком бедно для ее всемирного духа»³³⁸.

Леонтьев убежден, что поддаться идеям панславизма для России значит изменить своей византийской сущности, то есть не только погибнуть самой, но и привести к гибели всего Славянства: «Тот, кто воюет против Византизма, воюет, сам не зная того, косвенно и противу всего Славянства; ибо что такое племенное Славянство без отвлеченного Славизма? Неорганическая масса, легко расторгаемая вдребезги, легко сливающаяся с республиканской Всеевропой! А Славизм отвлеченный, так или иначе, но с Византизмом должен сопрячься. Другого крепкого дисциплинирующего начала у славян разбросанных мы не видим. Нравится ли нам это или нет, худо ли это Византийское начало или хорошо оно, но оно единственный надежный якорь нашего не только русского, но и всеславянского охранения»³³⁹. Мыслитель заявляет о необходимости создания культурного славизма как «органической системы своеобразных идей, стоящих вне частных, местных и личных интересов и над ними, но глубоко, тысячами корней, связанных с этими интересами»³⁴⁰. Только общность культуры, под которой Леонтьев понимает «не какую попало цивилизацию, грамотность, индустриальную зрелость и т.п., а лишь цивилизацию свою по источнику, мировую по преемственности и влиянию»³⁴¹, может объединить народы. И только самобытная культура может стать мировой: «Для того, чтобы нация приобрела хотя бы и преходящее (как все на свете), но все-таки истинное и прочное мировое значение, ей надо творить свое и для себя. Только созданное для себя и по своему может послужить и другим»³⁴². В понимании Леонтьева «своеобразная

³³⁸ Леонтьев К.Н. Панславизм и греки // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.184-185.

³³⁹ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Там же. С.351.

³⁴⁰ Там же. С.355.

³⁴¹ Леонтьев К.Н. Письма о Восточных делах // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.50.

³⁴² Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 г. // Там же. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.44-47.

мировая культура» означает «целую свою собственную систему отвлеченных идей религиозных, политических, юридических, философских, бытовых, художественных и экономических»³⁴³.

Таким образом, национальный вопрос в «творческом консерватизме» Леонтьева приобретает не только политическое, но и культурное значение, и становится вопросом сохранения своеобразия русской культуры перед натиском либеральной ассимиляции: «Служа принципу *чисто племенной национальности*, мы способствуем, сами того не желая и не сознавая, — космополитизму. Уравнивая права и степень свободы всех наций, мы способствуем слиянию их быта, сначала в верхних слоях общества, а потом и в низших... Национально-политический принцип, проведенный в жизнь, где оружием, а где переработкою учреждений — является на деле лишь новым и могучим средством космополитической, то есть *анти-национальной*, демократизации Европы... Все равны, все сходны, все родственны... Одни успехи и одни неудобства; схожие уставы — одинаковый быт; сходные вкусы — сходное искусство; сходная философия жизни — одни и те же требования, одни и те же качества и пороки, однородные наслаждения и однородные страдания»³⁴⁴. В связи с этим, панславистские идеи были неприемлемы для Леонтьева как проявление принципа национальности, ведущего к космополитизму³⁴⁵. Леонтьев убежден, что национализм, основанный на племенном признаке, — это идея «космополитическая, антигосударственная, противурелигиозная, имеющая в себе много разрушительной силы и ничего созидającego»³⁴⁶. Утверждение о признании приоритета нации, на котором основан этот национализм, — лишь видоизменение западноевропейского демократизма, ложно возведенного в универсальный политический принцип, извращающего или вовсе отрицающего существующие в обществе объективные идеи (церковь, государство, культура).

³⁴³ Леонтьев К.Н. Письма о Восточных делах // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.50.

³⁴⁴ Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 г. // Там же. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.44-45.

³⁴⁵ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.49.

³⁴⁶ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.333.

С. Н. Трубецкой в работе «Разочарованный славянофил» (1892) признает взгляды Леонтьева на национализм справедливыми и убедительными, отмечая, что демократизм, «...возведенный в универсальный политический принцип, ... сталкивается с другими началами сверхнародного характера, с «объективными идеями церкви и государства», извращая или отрицая их вовсе. Ясно, что такой национализм носит антирелигиозный характер, сея расколы, подчиняя интересы вселенского христианства *языческой* племенной политике;... он носит характер антикультурный, ставя национальное выше общечеловеческого... Наконец, национализм носит антигосударственный характер, поскольку основные правовые и политические принципы искажаются им в самом корне, подчиняясь совершенно чуждому началу. В великом государстве со смешанным населением и разнообразием его быта, со сложными культурными и политическими задачами подобный национализм становится особенно опасным»³⁴⁷. По мнению Трубецкого, Леонтьев справедливо указывает на то, что «...русская идея, которую он понимает, как «православие и самодержавие», противоречит узкому национализму; «вера в Христа не требует непременно веры в Россию»; церковь имеет универсальный, вселенский характер. Самодержавная власть, которую наш народ чтит религиозно, самоотверженно, бескорыстно, также имеет в его собственных глазах сверхнародный характер и призвание. Лишь в служении «объективным идеалам» всеобщей правды, в своем ли народе или вместе с ним во всем человечестве, она утверждает это свое высшее значение и право ... Наши узкие националисты, наши ложные консерваторы подкапывают и компрометируют эту великую идею универсальной власти более, чем открытые враги ее»³⁴⁸. Трубецкой также подчеркивает, что эти мысли Леонтьева резко отличают его от Каткова и славянофилов, делая его единственным из русских консерваторов, кто восстал против национализма во имя охранения³⁴⁹.

³⁴⁷ Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // Константин Леонтьев: Pro et contra: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. в 2-х кн. Кн.1. СПб., 1995. С.144.

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ См.: там же. С.143-144.

Необходимо отметить, что Леонтьев не отвергает национализм вовсе, а разделяет его на две формы в зависимости от целей, которым он служит: «когда национализм имел в виду не столько *сам себя*, сколько интересы религии, аристократии, Монархии и т.п., тогда он сам себя-то и производил *невольно*. — И целые нации, и отдельные люди в то время становились все разнообразнее, сильнее и самобытнее. Теперь, когда национализм *ищет освободиться, сложиться, сгруппировать людей* не во имя *разнородных*, но связанных внутренне интересов религии, Монархии и привилегированных сословий, а во имя единства и свободы *самого племени*, результат выходит везде более или менее *одно-родно-демократический*. — Все нации и все люди становятся все сходнее и сходнее и вследствие этого все беднее и беднее духом»³⁵⁰. Первый вариант национализма Леонтьев одобряет, полагая, что он укрепляет нации, второй же отвергает, полагая, что он приводит к разрушению культурного своеобразия, духовности, национальной самобытности и ускоряет «*всеобщую ассимиляцию нравов*»³⁵¹. Подчеркивая повсеместное распространение именно второй формы национализма, Леонтьев отмечает, что интересы крови и племени зачастую противоречат интересам сохранения культурного и национального своеобразия: «Национализм *политический, государственный* становится в наше время губителем национализма *культурного, бытового*»³⁵².

Леонтьева очень беспокоило изменение во второй половине XIX в. курса внешней политики Российской империи, ее пассивность и либеральность, выразившиеся, в частности, в том, что Россия «принуждена была в большинстве случаев идти более вослед за христианами Турции, чем сама направлять их»³⁵³. Леонтьев подчеркивал, что характер внешнеполитического курса стал «более племенной, чем вероисповедный, — более эмансипационный, чем национально-государственный»³⁵⁴, и отмечал, что прежнее правительство императора Николая I «славянской эмансипации и славянскому объединению не потворствовало» и «в

³⁵⁰ Леонтьев К.Н. Плоды национальных достижений на Православном Востоке // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.558.

³⁵¹ Там же. С.552.

³⁵² Там же. С.552.

³⁵³ Там же. С.599.

³⁵⁴ Там же. С.603.

30 и 40 годах политика наша на *Востоке имела гораздо более вероисповедный характер, чем племенной*»³⁵⁵, в результате чего турки признавали приоритет русских консулов над православными подданными Османской империи. В то время опорой России на Востоке выступало православное духовенство Греции, имеющее огромное влияние среди христиан в этом регионе: «*Наши права, права Государя; права России* имелись тогда в виду гораздо более, чем права *самых крещенных подданных Султана*. Политика того времени имела характер более религиозный и государственный, чем эмансипационный и племенной. Это была политика *православного Руссизма*, так сказать, политика справедливо недоверчивая ко всем *чисто племенным* движениям»³⁵⁶. После поражения в Крымской войне и подписания Парижского мирного договора 18 (30) марта 1856 г. Турция и Россия «усумнились в пригодности своих прежних порядков и приступили, так или иначе, вольно или принудительно у себя дома к эмансипационным реформам новоевропейского стиля. *Либерализм и тут восторжествовал над охранением силой европейского оружия*»³⁵⁷. В этой связи мыслитель предлагает государственной власти отделить всеславянский вопрос от Восточного: «Если люди *власти и влияния* дойдут у нас до этого глубокого различия, если они приложат все силы свои на служение *делу Православно-Восточному* и с величайшим недоверием станут впредь смотреть на *дело всеславянское*, если они... будут последнее, *чисто племенное, дело* считать *обыкновенным и весьма опасным делом в общеевропейском вкусе*, — тогда наша культурно-государственная будущность спасена даже и при Панславизме»³⁵⁸.

Леонтьев рассматривает три вида национальной политики: «1) Политика независимая и патриотичная, отстаивающая собственные национальные интересы, в конечном итоге способствующая увеличению государственного могущества. 2) Политика, исходящая из религиозных приоритетов, направленная на «поддержку тех главных (религиозных) основ, на которых утверждена национальная жизнь», выходящая при необходимости за рамки собственно государственных границ. Для России такой политикой являлась бы поддержка всюду православия. 3) По-

³⁵⁵ Там же. С.585.

³⁵⁶ Там же. С.587-588.

³⁵⁷ Там же. С.590.

³⁵⁸ Там же. С.552.

литика чисто племенная, которая «имеет в виду по преимуществу язык и племя». Она направлена на достижение национального освобождения и объединения нации»³⁵⁹. «Истинно национальная» политика для Леонтьева — это политика культурно-обособляющая, благоприятствующая «сохранению и укреплению стародавних культурных особенностей данной нации и даже *возникновению новых* отличительных признаков»³⁶⁰, способствующих ее национальному творчеству и созданию «эстетики жизни». Такую политику Леонтьев противопоставляет «племенной», приоритетом которой является кровное родство и схожесть языка. И если, согласно Леонтьеву, истинно национальная политика носит характер хранительный, то «племенная» — космополитический или революционный³⁶¹. «Государственно-патриотическая» политика (первый тип из приведенной классификации), в понимании Леонтьева, также не являлась «национальной политикой», поскольку под ней мыслитель понимал отстаивание сословных интересов самодержавия. Только второй тип из приведенной классификации попадает под его определение «истинно национальной» политики³⁶².

Своеобразным манифестом взглядов Леонтьева по вопросам политического национализма стало изданное в 1888 г. сочинение «Национальная политика как орудие всемирной революции»³⁶³. Вразрез с господствовавшим в России общественным мнением Леонтьев утверждает, что европейский национализм является вовсе не благом, а «орудием всемирной революции», за которой последует установление среднеевропейского типа общества, господство среднего человека и слияние национальных государств во «всеевропейскую республиканскую федерацию»³⁶⁴. Леонтьев усматривает в этом объединении будущую гибель европейских

³⁵⁹ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.44.

³⁶⁰ Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.2. СПб., 2009. С.27

³⁶¹ См.: Шириняц А.А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011. С.253–255.

³⁶² См.: там же. С.254.

³⁶³ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.41-42.

³⁶⁴ См.: Леонтьев К.Н. Национальная политика как орудие всемирной революции. Письма к О.И. Фуделю // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2008. С.516.

государств и их культур. Иначе говоря, национализм на деле служит не нации, а «эгалитарно-либеральному» прогрессу. В подтверждение своих слов Леонтьев приводит примеры из истории Западной Европы (греческое восстание в 1821 г., революции 1848–1849 гг., объединение Италии, Германии) и заключает: *«все эти нации, все эти государства, все эти общества сделали за эти 30 лет огромные шаги на пути эгалитарного либерализма, демократизации равноправности; на пути внутреннего смешения классов, властей, провинций, обычаев, законов и т. д. И в то же время они все много «преуспели» на пути большого схождения с другими государствами и другими обществами. Все общества Запада за эти 30 лет больше стали похожи друг на друга, чем были прежде»*³⁶⁵. Поэтому, по мнению Леонтьева, России, чтобы сохранить свою самобытность, необходимо сторониться не только «эгалитарно-либерального прогресса», но и политического национализма.

Основываясь на культурном критерии, мыслитель разделяет понятия «нация» и «национальность». Если «нация» (или «племя») имеет для него исключительно этнографический и лингвистический смысл, то «национальность» — это идея нации, множество отличительных признаков, которые нация приобрела в течение исторического развития³⁶⁶. Иными словами, в «творческом консерватизме» Леонтьева «национальность» совмещает в себе понятия «племя» и «культура», причем «культура», в представлении Леонтьева, «совокупность религиозных, государственных и бытовых особенностей», а «племя» — «совокупность физиологических и лингвистических особенностей»³⁶⁷. По мысли Леонтьева, «национальный идеал — это совокупность еще не приобретенных национальных признаков; представление той же нации в будущем, ближайшем или отдаленном»³⁶⁸. Понятие «национальное начало» является наиболее широким и его «можно приложить ко всему, касающемуся до нации»³⁶⁹.

Леонтьев отмечает, что люди, желающие построить государство по национальному принципу, не понимают, что это не решит всех проблем, а породит

³⁶⁵ Там же. С.507.

³⁶⁶ См.: Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика (фрагменты ранней редакции) // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.2. СПб., 2009. С.242.

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика // Там же. С.24.

³⁶⁹ Там же. С.26.

новые: «...рассортировки всех государств — по племенам и физиологическим национальностям — желают все демагоги, еще не вполне насыщенные демократичностью современной жизни... они надеются, что... покончив раз и навсегда с этими племенными вопросами, европейские общества примутся за окончательное решение вопроса чисто *экономического*»³⁷⁰. Леонтьев не подвергает сомнению значимость и приоритет национального, но призывает воздержаться от сближения России с западными и восточными славянами по национальному признаку: «Я люблю национальный идеал наш и боюсь, как бы неосторожное и преждевременное сближение (а потом и слияние) наше с либеральными и католическими славянами не повредило бы этому национальному идеалу, — не погубило бы наших национальных особенностей, не утопило бы их в страшном море европейского демократизма»³⁷¹.

Только государство, построенное на общности религии и культуры, а не на племенных началах, имеет более твердый фундамент для своего дальнейшего развития, поэтому «для России было бы очень полезно иметь много в своих государственных<ных> недрах: Православных *немцев*..., Православ<ных> *поляков*, Православ<ных> *татар* и даже Православ<ных> евреев, даже и не знающих по-русски. — и очень вредно иметь в числе своих *равноправных* граждан много *русских* Протестантов, *русских* Католиков, *русских* Мусульман, *русских* Израелитов... В первом случае — результат был бы непременно зиждитель<ный>; во втором... будущность весьма и весьма сомнительна»³⁷². Поэтому, согласно Леонтьеву, Русское государство необходимо строить и расширять исключительно на близких каждому жителю России культурно-религиозных началах: «Православие есть для большинства русских граждан главная связующая их воедино духовная сила; воедино — от Царя и знати до нищих и даже каторжников»³⁷³.

По нашему мнению, критика Леонтьевым панславизма и национально-политической эмансипации славянских народов основывалась на положениях

³⁷⁰ Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика (фрагменты ранней редакции) // Там же. С.233.

³⁷¹ Леонтьев К.Н. Кто правее? (Письма к В.С.Соловьеву) // Там же. С.66.

³⁷² Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика (фрагменты ранней редакции) // Там же. С.236.

³⁷³ Там же. С.232.

его концепции о «триедином процессе» и «гипотезы вторичного упрощения и смешения», по которым переход от стадии «цветущей сложности» к заключительной стадии существования государства наступает, когда в обществе под воздействием «эгалитарно-либерального» прогресса исчезает «эстетика жизни», вся красочная палитра быта и культуры сводится к состоянию серости и однообразия, после чего следует разложение и гибель государства и его культуры. Мыслитель был убежден, что торжество «племенного начала» в политике Европы XIX в. представляло собой лишь одну из сторон «эгалитарно-либерального» прогресса. Причем политический национализм и последующее объединение эмансипированных народов по национальному признаку, вне зависимости от первоначальных целей, неизбежно приведет эти государства к космополитическому уравниванию, разложению и гибели.

Леонтьев первым из русских мыслителей обращает внимание на угрожающие тенденции разрушения прежних государственных идеалов, национальных устоев и культур во имя национального объединения, которые захватили страны Западной Европы и Балканского полуострова, указывая на необходимость сохранения народами своего национального своеобразия: «Охраняя и защищая национальности и национальные идеалы в их обособленности, опасаясь все большего и большего разлития космополитизма, указываю на *племенные объединения и освобождения*, — как на игру весьма обманчивую и опасную для яркости и обособления национально-культурных физиономий и национально-культурных идеалов»³⁷⁴. Однако предупреждение мыслителя о неоднозначности последствий национальных движений для России и всего мира было неверно истолковано современниками и воспринималось как нападение на понятие «национальность», что обусловило тот факт, что глубокие и своевременные идеи Леонтьева по вопросу политического национализма не были восприняты должным образом государственной властью и обществом.

³⁷⁴ Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.2. СПб., 2009. С.27.

§ 2. Восточный вопрос и проект Славяно-Азиатской цивилизации³⁷⁵

В отечественной социально-политической мысли под Восточным вопросом понимается совокупность международных противоречий, вызванных ослаблением и распадом Османской империи, усилением национально-освободительных движений балканских народов и борьбой европейских держав за приоритет в данном регионе в XVIII — начале XX вв. В широком смысле Восточный вопрос понимается как исторически сложившееся геополитическое противостояние Европы и Азии, а в узком смысле его можно ассоциировать с борьбой за контроль над черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы³⁷⁶.

Восточный вопрос также зачастую рассматривается в аспекте цивилизационного противостояния России, православия, славянства и Запада, католицизма, романо-германства. Укрепление позиций России на Ближнем Востоке в результате четырех победоносных войн с Турцией в 1768–1774 гг., 1787 – 1791 гг., 1806 – 1812 гг. и 1828 – 1829 гг. побудило Запад направить свои усилия на ограничение распространения русского влияния на Балканах. Можно предположить, что настороженное отношение Запада к России обусловлено осознанием того, что Россия, обладающая огромными человеческими и природными ресурсами, способна оказывать отпор всей Европе, а духовные традиции и культура русского народа не поддаются ассимиляции в романо-германской культуре. Таким образом, борьбу за Константинополь и проливы Босфор и Дарданеллы в широком смысле следует понимать, как противостояние двух цивилизаций и их геополитических интересов. Решение Во-

³⁷⁵ При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Столярова И.Ф.* К.Н. Леонтьев о славянском вопросе // Сборник материалов VII Международной конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО. Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени». 2017. С.487–489; *Столярова И.Ф.* Проект создания «Славяно-Азиатской цивилизации» К.Н.Леонтьева // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей. М., 2017. С. 95–100; *Столярова И.Ф.* «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Социально-политическая мысль. 2020.С.132-160.

³⁷⁶ См.: *Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянец А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000.С.48.

сточного вопроса было одной из ключевых задач внешней политики Российской империи во второй половине XIX в.³⁷⁷.

Для Леонтьева Восточный вопрос был делом общенациональным, стоящим «выше всяких выгод частных лиц и отдельных компаний»³⁷⁸. М. А. Маслин отмечает, что Леонтьев-дипломат всецело способствовал осуществлению политики министра иностранных дел князя А. М. Горчакова, целью которой укрепление мирного влияния России на Востоке. На дипломатической службе Леонтьев приходит к выводу о том, что Россия на Востоке должна выступать не разъединяющей, а соединяющей силой, что предполагает отказ от убеждений, что православные являются единственными союзниками России, а мусульманский Восток — «другим» миром³⁷⁹.

В первую очередь, Леонтьев размышляет об укреплении духовного и культурного влияния русской цивилизации на православном Востоке, справедливо опасаясь распространения в этом регионе приверженцев буржуазных и либеральных ценностей: «Европеизм проникает в глубину душ с каждым годом более и более»³⁸⁰. Леонтьев отмечал, что европейское образование стало проводником либеральных идей на Балканах, которые изливались в «самобытную народную массу» и губили «ростки самостоятельного будущего развития турецких славян»³⁸¹. Поэтому для укрепления позиций Российской империи он предлагал усилить влияние русского языка и культуры, учредив в балканском регионе гимназии и распространив изданные в России книги: «Учреждение за наш счет гимназий в одном или двух городах Турции... имело бы огромный вес, возбуждая новую благодарность в единоверцах наших. Покровительствуя не только правам и религии, но и первой степени светского просвещения их, мы приобрели бы еще одно право на их признательность»³⁸². Несмотря на то, что в данный период на Балканах уже

³⁷⁷ См.: там же. С.48.

³⁷⁸ Леонтьев К.Н. С Дуная // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн. 1. СПб., 2005. С.49.

³⁷⁹ См.: Маслин М.А. Константин Леонтьев — дипломат и философ // Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. СПб., 2017. С.221.

³⁸⁰ Леонтьев К.Н. Записка о необходимости литературного влияния во Фракии // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.10. Кн. 1. СПб., 2017. С.354.

³⁸¹ См.: Хатунцев С.В. Константин Леонтьев. Интеллектуальная биография. 1850—1874. СПб., 2007. С.164.

³⁸² Там же. С.210-212.

имелись учебные заведения, получающие поддержку со стороны российского государства³⁸³, Леонтьев выдвигает гораздо более широкую программу воздействия на умы южнославянских народов, отмечая, что Россия борется с Западом силой только политического и религиозного влияния, Запад же сверх этого использует «европеизм», книги, моды, вкусы и т.д.³⁸⁴, то, что в XXI в. называют «мягкой силой». По убеждению Леонтьева, Россия может противопоставить западному влиянию историю, искусство, литературу, иконопись, некоторые обычаи.

В 1867 г. Леонтьев, работая на дипломатическом поприще, распространил «циркуляр среди болгар, призывая их посылать своих детей в Россию» для подготовки к занятию ответственных постов в будущем³⁸⁵. Болгарские студенты в большей степени, чем другие учащиеся из южнославянских стран, стремились к получению образования в России: за период от Крымской кампании до Освобождения в России получили образование 267 болгар, которые впоследствии стали ядром болгарской интеллигенции³⁸⁶. Более того, «4/5 болгарских учителей были подготовлены в России. И эти учителя превосходили ожидания своих благодетелей, обучая детей в русском духе через религию, катехизис и православные принципы»³⁸⁷. При этом Леонтьев отмечал, что Российскому государству лучше самостоятельно распространять свое культурное влияние на Балканах, чем обучать балканскую молодежь в России, потому что здесь балканские студенты могут сблизиться с нигилистами, влияние которых «для болгар, сербов или греков гораздо вреднее, чем для нас при могуществе наших консервативных начал в Государственной и домашней жизни»³⁸⁸. По мнению Леонтьева, находясь у себя на родине и не попадая под интеллектуальное влияние русских нигилистов, балканская молодежь скорее проникнется симпатией к России, читая русские книги, невзирая на изображенные порой в них недостатки общественного устройства нашего государства³⁸⁹.

³⁸³ См.: *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С.56.

³⁸⁴ *Леонтьев К.Н.* Записка о необходимости литературного влияния во Фракии // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.10. Кн. 1. СПб., 2017. С.354.

³⁸⁵ См.: *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. София, 1979. С.231.

³⁸⁶ См.: *там же*.

³⁸⁷ *Там же*. С.240.

³⁸⁸ *Леонтьев К.Н.* Записка о необходимости литературного влияния во Фракии // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.10. Кн. 1. СПб., 2017. С.359.

³⁸⁹ *Там же*. С.358-359.

Прежде всего, Леонтьев предлагал открыть русские училища во Фракии³⁹⁰. У него даже была разработана программа обучения балканской молодежи. В первый год занятий в русских училищах Леонтьев предлагал изучать произведения А. С. Пушкина, А. С. Хомякова, журнал «Русская Беседа», сочинения «История России» С. М. Соловьева, «Северорусское народоправство во времена народно-вечевого уклада» Н. И. Костомарова, «История славянских литератур» А. Н. Пыпина, «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» А. Ф. Гильфердинга, а также «Обзор современных конституций» А. В. Лохвицкого 1862 г., составленный, как писал Леонтьев, в «умеренно-либеральном» духе. Из иностранных книг он наметил к изучению сочинения «История цивилизации в Европе и во Франции» Ф. Гизо, «О свободе» Дж. Ст. Милля, «Опыт определения границы влияния государства» В. Гумбольдта, работы А. Токвиля и др. На втором году обучения он предлагал изучать славянофильскую газету «День» за все годы ее издания (с 1861 до октября 1865), сочинения «История государства российского» Н. М. Карамзина, «Стенька Разин» и «Богдан Хмельницкий» Н. И. Костомарова, «Русский народный эпос» Ф. И. Буслаева, «Быт русских царей» И. Е. Забелина, журнал «Ясная поляна» Л. Н. Толстого, сборник «ПроPILEИ» П. М. Леонтьева, сочинения В. Г. Белинского, Ф. Р. де Шатобриана, «Land und Leute» В. Рила и др. На третьем году обучения Леонтьев предлагал штудировать сочинения митрополита Филарета, работы по истории русского раскола о. Макария, «La Guerre et la Paix» П. Прудона и т.д.³⁹¹ Как видно из списка, помимо консерваторов и славянофилов Леонтьев рекомендовал изучать авторов либерального, демократического и даже революционного направлений, выбирая из их сочинений то, что соответствовало его взглядам. Так, необходимость изучения трактата Милля «О свободе» Леонтьев обосновывал стремлением «напомнить о необходимости разнообразного развития личности, — чего совершенно нет у Православной буржуазии на Востоке»³⁹². В работах Токвиля его привлекали высказывания против «излишеств» де-

³⁹⁰ Там же. С.356.

³⁹¹ См.: там же. С.360-363.

³⁹² Там же. С.360.

мократии во Франции и Америке³⁹³. В сочинении Прудона Леонтьев нашел «доброе слово о России» и считал, что данное сочинение даже «проникнуто религиозным чувством»³⁹⁴. В издании Рилля мыслителя привлекла крайняя преданность автора «сельскому охранительному началу и национальной физиогномии»³⁹⁵.

Леонтьев высоко оценивал расположение Османской империи к России, отмечая, что русские в Турции «начальством вообще любимы и уважаемы»³⁹⁶, в том числе за то, что они любят и уважают власть, руководящую ими, и оттого являются прекрасными гражданами, в отличие от либеральных греков и болгар, которые «только и думают, что о конституциях, об обезьянстве Европы и ничего умнее придумать не могут»³⁹⁷. Леонтьев считал, что подобное расположение турецких властей к русским переселенцам полезно для России, потому что турки с удовольствием будут встречать в них мирный, хранительный элемент, нерасположенный принимать участие в местных смутах и предпочитающий свои религиозные чувства интересам политическим. Также мыслитель отмечал веротерпимость традиционного ислама к христианству, вследствие чего «...у набожных, знающих закон свой турок всегда уживалось весьма своеобразное уважение ко Христу (Пророк Исса), Божией Матери (Пророчица Мариам) и некоторым другим христианским и еврейским святыням»³⁹⁸. По наблюдению Леонтьева, турки-мусульмане также рассматривают православных христиан как духовно близкую общность, разделяющую единую культурно-цивилизационную традицию: «Мусульмане опасаются России, но они ее уважают как государство. Царь для них понятнее и уважительнее всяких парламентов»³⁹⁹. По мнению Леонтьева, взаимное расположение и духовно-культурная близость двух миров — православного и мусульманского — объяснялись тем, что традиция византизма была унаследована в равной степени как православными, так и мусульманскими народами Османской империи: «Византии, как

³⁹³ См.: *там же*. С.361.

³⁹⁴ *Там же*. С. 363.

³⁹⁵ *Там же*. С.362.

³⁹⁶ *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С.65.

³⁹⁷ *Там же*.

³⁹⁸ *Леонтьев К.Н.* Русские, греки и юго-славяне // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн. 1. СПб., 2005. С.464.

³⁹⁹ *Леонтьев К.Н.* Мои воспоминания о Фракии // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.6. Кн. 1. СПб., 2003. С.215.

Государства, нет давно, а некоторые византийские уставы, понятия, вкусы и обычаи даже под турецким владычеством отстаивают себя до сих пор от натиска космополитического Европеизма. В семейной жизни, в разговорах, в литературе, в постройках, в одеждах, во взглядах на приличия на Востоке еще много византийского. Уважение к званию, к должности, к положению здесь гораздо заметнее, чем уважение к роду, и у турок, и у греков, и у славян, и у армян, почти одинаково»⁴⁰⁰. По этому поводу А. В. Логинов отмечает, что «турки-мусульмане часто оказывались более последовательными приверженцами культурной традиции византизма. Данное обстоятельство предопределяет их гораздо большую близость к русским, нежели к этнически родственным им южным славянам... У турок-мусульман и православных русских нет взаимной непреодолимой враждебности друг к другу, а исламский мир в наибольшей мере демонстрирует те достоинства, какие Леонтьев хотел бы видеть и в мире российском»⁴⁰¹. В связи с этим основным направлением внешней политики Российской империи Леонтьев считал «*постепенное, осторожное* развитие греков и югославян под владычеством султана; сохранение добрых отношений и с турками, и более или менее со всеми восточными христианами, прежде всего на случай какой-нибудь западной грозы»⁴⁰². Вместо разжигания славянского национализма в Турции России следовало «*защитить гражданские права христиан и, вместе с тем, умерять их пыл политических стремлений*»⁴⁰³, а Турция при этом сама сможет «успокоить и удовлетворить своих христианских подданных, и Россия будет ей самый верный друг»⁴⁰⁴. Иными словами, России следовало не поддаваться на уловки западных держав и придерживаться взвешенной

⁴⁰⁰ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.395.

⁴⁰¹ Логинов А.В. Будущее российской цивилизации и историко-культурологические воззрения К.Н. Леонтьева. К 175-летию со дня рождения мыслителя // Национальные интересы. М., 2006. № 3. С.7.

⁴⁰² Леонтьев К.Н. Панславизм и греки // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.204.

⁴⁰³ Там же. С.195.

⁴⁰⁴ Там же. С.189.

политики по вопросам политического национализма балканских славян, избегая их прямой поддержки, и сохранять добрые отношения с Турцией⁴⁰⁵.

Однако после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Леонтьев все больше убеждается в том, что Турция уже слишком слаба, чтобы противодействовать экспансии западных держав, и опасается того, что и мусульманской цивилизации грозит гибель в смешении с буржуазным прогрессом. Леонтьев подчеркивает, что в этом случае южные славяне будут не способны отстоять свою идентичность перед натиском западной цивилизации, поскольку «без турецкого презервативного колпака разрушительное действие либерального европеизма станет сильнее»⁴⁰⁶, и даже Россия скорее всего не сумеет своевременно заменить «давление Мусульманства другой, более высокой дисциплиной — дисциплиной *духа*, заменить тяжесть жестокого ига суровым внутренним идеалом; унижительный и невольный страх агарянский *свободным страхом Божьим*»⁴⁰⁷. Чтобы противодействовать такому развитию событий, Леонтьев рассматривает возможность военного вмешательства России в турецкие дела, завоевание Константинополя и черноморских проливов⁴⁰⁸.

⁴⁰⁵ А.В. Логинов отмечает, что в течение XIX в. российско-турецкие отношения носили крайне противоречивый характер. Интуиции Леонтьева о том, что европейские державы, выставя себя союзниками Османской империи, одновременно стремились спровоцировать военные столкновения России с ней под предлогом защиты балканских христиан, были развиты Исмаилом Гаспринским. В своих работах он пришел к выводу о том, что в основе всех русско-турецких войн XVIII—XIX вв. лежала не враждебность между христианами и мусульманами, а антироссийская политика европейских держав, и высказал идею «русско-восточного соглашения», подразумевающего геополитическое единство православных и мусульманских государств в противостоянии экспансии западных европейских держав (См.: *Логинов А.В.* Евразия и ислам. Евразийский вектор: мусульманская религиозная и общественно-политическая мысль о цивилизационном единстве России-Евразии. М., 2017. С. 82; *Логинов А.В.* Российская философия XIX века о православно-мусульманском цивилизационном взаимодействии // *Россия в современном диалоге цивилизаций.* М., 2008. С.55-58).

⁴⁰⁶ *Леонтьев К.Н.* Письма отшельника // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.546.

⁴⁰⁷ *Там же.*

⁴⁰⁸ Судьба Константинополя и черноморских проливов имела особое значение для решения Восточного вопроса, потому что, во-первых, на Константинополь падала основная идеологическая нагрузка Восточного вопроса, во-вторых, город имел экономическое значение, поскольку через проливы шла вся черноморская торговля России. Кроме того, Константинополь и проливы имели военно-стратегическое значение, так как с ними была связана оборона южного побережья России» (См.: *Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н.Леонтьев. М., 2000. С.50)

В отечественной социально-политической мысли существует три подхода к вопросам судьбы Константинополя и проливов Босфор и Дарданеллы: государственно-прагматический, национально-панславистский и православно-византийский⁴⁰⁹. Представители государственно-прагматического подхода выражали интересы государственного аппарата, помещиков и буржуазии, для которых вопрос о Константинополе и проливах находился, прежде всего, в практической плоскости, а идеологический смысл владения указанным регионом имел второстепенное значение или не имел вовсе. Сторонники национально-панславистского подхода предлагали славяно-российский путь решения проблемы, в соответствии с которым Константинополь должен стать столицей будущего Всеславянского союза под руководством России. Указанная панславистская программа была подробно разработана в сочинении Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Приверженцы православно-византийской точки зрения, среди которых был и Леонтьев, рассматривали вопрос о судьбе Константинополя с учетом интересов православия, главной угрозой для которого стало распространение идей политического национализма⁴¹⁰.

При этом у Леонтьева был свой вариант решения Восточного вопроса, в котором он намечает более широкую цель, чем славянофилы и государственники. В «творческом консерватизме» Леонтьева лучшим и наиболее благополучным разрешением Восточного вопроса является присоединение Царьграда к «русской короне» и создание нового государственного объединения, основанного на принципах общности культуры и религии, развивающегося вдали от Западной цивилизации из своих источников и способного противостоять Западу. Создание такого объединения для Леонтьева было важнее, чем формальное владение Россией Босфорским проливом и Константинополем. Мыслитель подчеркивает, что в этом вопросе важнее всего церковное единство, поскольку именно оно станет тем фундаментом, на котором будет создан будущий Союз: «Не восстановление храмов ве-

⁴⁰⁹ Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н.Леонтьев. М., 2000. С.50.

⁴¹⁰ См.: там же. С.51.

шественных важно: утверждение духовной Церкви»⁴¹¹. Решение Восточного вопроса для Леонтьева заключается в перенесении центра тяжести «нашей религиозно-культурной жизни с *европейского Севера на полуазиатский Юг*»⁴¹², что, на его взгляд, является необходимым условием глубокого обособления России от Запада. Разочарованный в результатах либеральных реформ Леонтьев считал, что только на берегах Босфора «нам возможно будет, наконец, содрать с себя ту европейскую маску, которую намазала на лицо наше железная рука Петра I-го, дабы мы могли неузнанными или полуузнанными пройти шаг за шагом... до заветной точки нашего культурного возрождения»⁴¹³.

В 1878 г. Леонтьев писал графу Н. П. Игнатьеву: «Славянский или, лучше сказать, Восточный великий союз Государств с Царьградом во главе сложился сам собою, и никакие Плевны или Берлинские Трактаты потока не задержат надолго... Торизм, Мусульманство, Папство — силы отходящие — и хотя Славизм не выразил еще ясно принципов своих и не выработал еще никаких своеобразных форм, достойных изучения и даже подражания, одним словом, форм *исторических*, но тем не менее, даже и не будучи русским... я предсказал бы торжество Славянству — уже по тому одному, что только оно одно — загадочно»⁴¹⁴. Поэтому, освободив славян, необходимо как можно скорее «приступить к действиям *созидающим, устрояющим, т.е. ограничивающим* (не власть, конечно, а свободу!), — одним словом к *организации, которая есть не что иное, как хронический деспотизм*»⁴¹⁵.

В целом, Леонтьев был невысокого мнения о славянских народах, отмечая, что «наши западные и южные единоплеменники гораздо больше нас похожи своими добродетелями и пороками на европейских буржуа самого *среднего* пошиба. В этом смысле, т.е. в смысле психического, бытового и умственного своеобразия, славяне гораздо менее культурны, чем мы»⁴¹⁶. Русские же в большей степени азиаты, нежели другие европейцы, «в самом характере русского народа есть очень важ-

⁴¹¹ Леонтьев К.Н. Храм и церковь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.517.

⁴¹² Леонтьев К.Н. Записки отшельника // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.265.

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Леонтьев К.Н. Письмо Графу Н.П.Игнатьеву от 29 октября 1878 г., Кудиново // Там же. Т.11. Кн.2. СПб., 2019. С.248-249.

⁴¹⁵ Леонтьев К.Н. Письма о Восточных делах // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.56.

⁴¹⁶ Там же. С.50.

ные и сильные черты, которые гораздо больше напоминают турок, татар и др.<угих> Азиатцев или даже вовсе никого, чем южных и западных славян. В нас больше лени, больше фатализма, гораздо больше покорности властям, больше распущенности, добродушия, безумной отваги, непостоянства, *несравненно больше* склонности к религиозному мистицизму (даже к творчеству религиозному, к разным еретическим выдумкам), чем у сербов, болгар, чехов, хорватов... Они все расположены более или менее к *умеренному либерализму*, который, к счастью нашему, в России так не глубок и *так легко может быть дотла раздавлен между двумя весьма не либеральными силами*: между иступленным нигилистическим порывом и твердой бестрепетной защитой наших исторических начал»⁴¹⁷. По мнению В. В. Розанова, Леонтьев в русском народе находит «в противоположность этим пустопорожним народностям... гораздо более глубины, более пламенное и нежное чувство, проявление склонностей и порывов, очень мало объяснимых рационально. Все говорит в нем о племени неизмеримо более творческом и оригинальном — говорит в простом народе и в высших слоях, в древности, как и теперь»⁴¹⁸.

Россию Леонтьев определяет как «самую не славянскую» страну в славянском мире из-за исторически сложившегося сильного воздействия на нее со стороны Азии: «Азиатские, подвластные Короне русской провинции, обширны, многозначительны по местоположению и весьма характерны по идеям своим, и при каждом политическом движении своем Россия должна неизбежно брать в расчет настроения и выгоды этих драгоценных своих окраин»⁴¹⁹. Однако, несмотря на воздействие на Россию азиатской культуры, она оставалась «самой славянской страной» по своему призванию. Только Россия в силу своей уникальной ментальности способна встать во главе всего славянского мира⁴²⁰. Леонтьев подчеркивает, что «только из более восточной, из наиболее... азиатской — туранской, нации в

⁴¹⁷ Леонтьев К.Н. Письма о Восточных делах // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.49-50.

⁴¹⁸ Розанов В.В. Эстетическое понимание истории // Розанов В.В. Собрание сочинений в 28 т. Т.28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889—1897 гг.). Сумерки просвещения. М., СПб., 2009. С.107-108.

⁴¹⁹ Леонтьев К.Н. Письма о Восточных делах // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.49.

⁴²⁰ См. подр.: Столярова И.Ф. Проект создания «Славяно-Азиатской цивилизации» К.Н.Леонтьева // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей. М., 2017. С. 97–98.

среде славянских наций может выйти нечто от Европы *духовно независимое*»⁴²¹, иными словами, главная цель России с ее азиатскими владениями заключается в создании «собственной, оригинальной Славяно-Азиатской цивилизации», отличной от Европейской (или Романо-Германской)⁴²² и установлении «западно-азиатской» культурной столицы в Константинополе, которому он предрекал приобретение статуса культурного центра будущего союза⁴²³. Мыслитель надеялся, что создание новой цивилизации даст России *«тот выход из... нравственного и экономического расстройства, который мы напрасно будем искать в одних внутренних переменах. Раз вековой сословно-корпоративный строй жизни разрушен эмансипационным процессом, — новая прочная организация на старой почве и из одних старых элементов становится невозможной. Нужен крутой поворот, нужна новая почва, новые перспективы и совершенно непривычные сочетания»*⁴²⁴.

Леонтьев убежден, что *«взятие Царьграда и заложение там основ новому культурно-государственному зданию»*⁴²⁵ сможет продлить период «цветущей сложности» Российского государства, определив «дальнейший тип или стиль культурного развития»⁴²⁶. В проекте Леонтьева Царьград «должен *лично* принадлежать Государю Императору, т.е. вся эта цареградская или византийская область должна под каким-нибудь приличным названием состоять в так называемом «union personnelle» с русской короной (наподобие Финляндии или прежней Польши или наподобие Норвегии, в которой король шведский есть нечто вроде наследственного президента). Там *само собою*, при подобном условии, начнутся *те новые порядки*, которые могут служить высшим объединяющим культурно-государственным примером, как для 1 000-летней, несомненно уже устаревшей и с 61-го года заболевшей эмансипацией России, так и для испорченных европейскими влияниями афинских греков и юго-славян. Поставленный, с одной стороны, Россией только в *личное*, а не в *реальное* соединение; призванный, с другой — стать не административной только

⁴²¹ Леонтьев К.Н. Письма о Восточных делах // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.51.

⁴²² См.: там же. С.83.

⁴²³ См.: там же. С.85.

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Там же. С.84.

столицей одного государства, а культурным центром целого Греко-Славянского Союза или Нового Восточного *мира*, Царьград не легко подвергнется опасности, что в него целиком перенесутся устаревшие привычки демократизированного за последнее время Петербурга, а напротив того, сам этот, столь вредный, цивилизованный, но *не культурный* (не культурный, значит, по-моему, *несвоеобразный*) Петербург начнет быстро падать и терять значение, и в самой России административная столица почти невольно перенесется южнее, — вероятно не в Москву, а в Киев. Итак, будут тогда *две России*, неразрывно-сплоченные в лице государя: *Россия — Империя* с новой административной столицей (в Киеве) и *Россия — Глава Великого Восточного Союза* с новой культурной столицей на Босфоре»⁴²⁷. При этом Царьград не должен был войти в состав Российской империи, а остаться независимым центром объединения восточных народов с Россией.

Ядром этого государственно-культурного объединения должны стать общие религиозные верования и культура, а не этнографическое родство: «Идея Православно-культурного руссизма действительно оригинальна, высока, строга и государственна. Панславизм же во что бы то ни стало — это подражание и больше ничего. Это идеал современно-европейский, унитарно-либеральный, это — стремление быть как все. Это все та же общеевропейская революция»⁴²⁸. В связи с этим, Леонтьев предлагает отделить решение Восточного вопроса от всеславянского. Так, в одном из писем к В. С. Соловьеву Леонтьев писал: «Я же нахожу желательным (и даже спасительным для России) скорейшее окончание вопроса *только Восточного*, но *не всеславянского*. Всякий может легко понять, что это большая разница! Окончание *Восточного* вопроса значит: 1. Присоединение Царьграда к России с подходящим округом в Малой Азии и во Фракии. 2. Образование на развалинах Турции *православной* (а не *чисто славянской*) конфедерации из четырех разноплеменных православных государств: Греции, Сербии (единой), Румынии и Болгарии и 3. (если возможно) — то и присоединение остатков Турции и всей Персии к этой конфедерации. (Англичан из Египта, разумеется, желательно было бы удалить и отдать Египет султану, как нашему подручнику, в непосредственную власть). Что

⁴²⁷ Там же. С.85-86.

⁴²⁸ Леонтьев К.Н. Кто правее? (письма к В.С.Соловьеву) // Там же. Т.8. Кн.2. СПб., 2009. С.72.

же касается австрийских славян, то они могут и *подождать* до тех пор, пока мы найдем их достойными и безвредными... из Боснии и Герцеговины, *конечно*, надо австрийцев изгнать с позором, чтобы они знали свое место)»⁴²⁹. В представленной схеме Леонтьев пытается соблюсти баланс сил и интересов в пользу России: либеральные единоверцы — Греция, Сербия, Румыния и Болгария — уравниваются присутствием двух крупных иноверных, но строго самодержавных государств — Турции и Персии, а при благоприятном стечении обстоятельств — и Египта. Однако мыслитель предвидел опасность включения в новый союз западных славян (чехов, хорватов, словаков) из-за их европейского менталитета, несмотря на близкое этнографическое происхождение⁴³⁰. Его проект предполагал создание не просто конфедерации славянских государств, а именно образование новой культурной цивилизации как совокупности своеобразных религиозных, политических, философских, художественных и бытовых идей. Проект Леонтьева самобытной, развивающейся из своих источников славяно-восточной цивилизации являлся наднациональным. Созданная цивилизация должна формироваться в стороне от западноевропейской цивилизации, находящейся в упадке, и в нужный момент принять эстафету мировой истории. Задачей этого образования должно стать воплощение на практике леонтьевского государственно-общественного идеала византизма.⁴³¹

Культура в Славяно-Азиатской цивилизации будет иметь семь оснований или отвлеченных идей, поэтому вероятнее всего в 1882—1883 гг. концепция была названа Леонтьевым «гептастилизм» (от греческого «heptastylos» — «семь столбов») ⁴³². Гепта- или эптастилизм мыслился Леонтьевым как учение о семи столбах «нового созидания» будущей славяно-восточной культуры ⁴³³ и должен был охватить все без исключения сферы общественной жизни: от бытовой до религи-

⁴²⁹ Там же. С.131.

⁴³⁰ См. подр.: *Столярова И.Ф.* Проект создания «Славяно-Азиатской цивилизации» К.Н. Леонтьева // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей. М., 2017. С. 97.

⁴³¹ *Гоголев Р.А.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. М., 2007. С.109.

⁴³² Существует и другое авторское определение этого явления: «анатолизм», т.е. восточничество (См.: *Замараев Г.И.* Памяти К.Н.Леонтьева // Константин Леонтьев: pro et contra. Кн.1. СПб., 1995. С.207).

⁴³³ *Фетисенко О.Л.* Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб., 2012. С.82.

озной. По убеждению Леонтьева, если этот проект воплотится в жизнь, то будет возможно отсрочить наступление разложения российского государственно-культурного организма и «надеяться на целый нормальный государственный период, т.е. на 1000 или 1200 лет. — Больше нельзя: — и то, вероятно, много. — Дело не в вечности, — а в *великом следе*»⁴³⁴. Семь оснований или «отвлеченных идей», составляющих наивысшую и идеальную культуру в созданной славяно-восточной конфедерации, по мысли Леонтьева, были: 1. Религиозные идеи (восстановление союза с Восточными церквями, централизация церковного управления, утверждение святоотеческого христианства и отпор его подменам, прежде всего, «сентиментальному» христианству, сильное духовенство, независимая и властная иерархия, большое влияние на все сферы жизни монастырей, укрепление «личной веры», неприятие национализма и организации Церкви по национальному признаку, церковное воспитание); 2. Политические идеи (незыблемость самодержавия, сохранение местных особенностей, самобытности и своеобразия законов, новое закрепощение человеческих обществ, сохранение сословности и неравноправия с возможностью перехода в высшее сословие, особая роль дворянства, зависимость от государства и общин, прикрепленность к земле); 3. Юридические идеи неразрывно связываются с политическими идеями (прикрепленность к земле, новые права общин и корпораций, привилегии, «юридические ограды»); 4. Философские идеи (отказ от мечты о земном благоденствии и искания идеала нравственной правды в недрах самого человечества, разочарование в западном прогрессе, отказ от излишнего обоготворения науки). Леонтьев также выступает против поспешной и обязательной грамотности и считает нужным сократить число начальных школ; 5. Бытовые идеи (развитие и обновление остатков национального быта, отказ от «европейничанья», сохранение в народе покорности, жертвенности и готовности на всякие принуждения, сохранение барских преданий, дворянских привычек и рыцарских вкусов, ограничение использования машин и прикладных изобретений); 6. Художественные идеи (очищение языка, литературного стиля, возрождение византийского стиля, изящества, пышности); 7. Экономические идеи (примирение труда и капитала, решение аграрно-рабочего

⁴³⁴ Там же. С.134.

вопроса, протекционизм для национальной промышленности, неотчуждаемость собственности, ограничение свободы торговли)⁴³⁵.

Леонтьев подчеркивает, что самодержавие в новом культурном строе является «*conditio sine qua non* — это *ось* всего движения, рычаг, — *срединный столп*; — оно-то — и называется ... той Премудростью, научно-сознательной или практическ<ой> полу-сознательной, — которая должна постепенным ходом дел — создать себе тот *дом*, тот *культурный храм*, который будет утвержден на этих 7 столпах»⁴³⁶. Религиозные же идеи: «*сосредоточенное в Царьграде Православие*» и «*возвеличивание Вселенского Патриарха, избираемого всеми национальными церквами*»⁴³⁷ выступают первым столпом. Леонтьев считал, что «религия в общественной жизни подобна сердцу в организме животном»⁴³⁸, поэтому начало новому созиданию должна положить церковная реформа, вопрос лишь в поиске наиболее приемлемой формы церковного устройства: «Быть может усиление Церкви не в папоцезаризме, а в каком-нибудь тоже весьма вообразимом, прочном и небывалом еще соборно-патриаршеском устройстве. Это будущее устройство и с духом нашей Церкви сообразнее, и в нем могло быть и нечто всеобще-реальное, органическое, так сказать, вот почему: на Западе (во всецелости взятом) централизация единоличная была только в Церкви; государственное начало было всегда и есть до сих пор многолично и многовластно. Не естественно ли по всеобщему закону полярности, что на Востоке Царь будет один над всеми, даже и над мелкими царями; а развившаяся дальше Церковь станет многолична и многовластна, даже и при некоторой соборно-аристократической централизации на Босфоре?»⁴³⁹. Соборно-патриаршеская централизация на Босфоре должна была послужить импульсом к культурному творчеству во всех областях создания нового государственного организма.

⁴³⁵ См. об этом: *Фетисенко О.Л.* Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб., 2012. С.84-89.

⁴³⁶ Там же. С.133.

⁴³⁷ Там же. С.84-89.

⁴³⁸ *Гоголев Р.А.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н.Леонтьева: опыт реконструкции. М., 2007. С.116.

⁴³⁹ *Гоголев Р.А.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н.Леонтьева: опыт реконструкции. М., 2007. С.116.

В «творческом консерватизме» Леонтьева именно православное самодержавие является самобытной культурной формой России, отличающей ее от других государств и наций и обеспечивающей ей «эстетику жизни», творческую наполненность, силу, мощь и процветание. Леонтьев отмечает, что православие может быть без самодержавия (как у греков), самодержавие или монархия могут быть без православия, но сочетание того и другого присутствовало лишь в современной ему России. В новом государственно-культурном строе соединение православия и самодержавия также придаст ему крепкую основу и возможность для дальнейшего развития. Существует мнение, что на проект создания самобытной славяно-восточной цивилизации оказали влияние воззрения Ф. И. Тютчева и Н. Я. Данилевского, однако он также содержал и собственные интуиции Леонтьева. В отличие от Тютчева и Данилевского, создание новой цивилизации с Россией во главе не являлось для Леонтьева самоцелью, но было необходимым условием для того, чтобы новое культурно-государственное объединение получило ресурсы для дальнейшего развития и противостояния с Западной цивилизацией, после чего последует не конец истории, а начало нового акта⁴⁴⁰.

Однако Леонтьев опасался, что русские окажутся поверженными «либеральной заразой» и не смогут встать во главе Восточного союза. В 1889 г. в письме К. А. Губастову он делился своей тревогой: «Я чаще прежнего сомневаюсь в религиозно-культурной будущности России... Иногда я боюсь разрешения Восточного вопроса; боюсь, чтобы неизбежная физическая даже близость ко всем этим «единоверцам» нашим, неисцелимо, кажется либеральным, — не погубила бы в конец те реакционные всходы, которые начали только снова зеленеть у нас при новом Государе»⁴⁴¹. Он понимает, что южные славяне уже приняли европейские ценности в качестве своих собственных и в этом несут угрозу для России: «У всех остальных славян... «психический строй» совсем не схож с нашим и гораздо больше походит на ... западно-буржуазный строй»⁴⁴², и полагает, что для панславистских объединений русских с зарубежными славянами время еще не пришло. Русский народ сперва должен провести национальное самопознание (так называемый «национальный гно-

⁴⁴⁰ См. Там же.

⁴⁴¹ Леонтьев К.Н. Письмо к К.А.Губастову от 17 августа 1889 г., Оптина Пустынь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.12. Кн.2. СПб., 2020. С.319-320.

⁴⁴² Леонтьев К.Н. Кто правее? (письма к В.С.Соловьеву) // Там же. Т.8. Кн.2. СПб., 2009. С.141.

зис»), осознать свое национальное «Я», чтобы оно было устойчиво перед «европейской заразой»: «Когда наш русский психический строй еще гораздо больше нынешнего выяснится, окрепнет и освободится от европейского прогрессивного «пленения»; — когда наше «национальное самосознание» выразится с гораздо большей силой, чем теперь, и в несравненно более резких «формах» национальных особенностей», только тогда Панславизм станет для России не разрушительным, а производительным»⁴⁴³. Только возведение русским самосознанием своих национальных особенностей в принцип сможет гарантировать новому объединению «не разложение в отрицательной однородности»⁴⁴⁴, а развитие. По мнению Леонтьева, в эпоху Александра II Россия еще не была готова к культурному обновлению. Уверенность в скором разрешении Восточного вопроса появилась у Леонтьева лишь с началом царствования Александра III, но также у него росли пессимистические настроения и сомнения в возможности осуществления своего проекта⁴⁴⁵.

Идея православно-мусульманского единства как основы новой Славяно-Азиатской цивилизации имела два взаимосвязанных аспекта: один из которых означал единство православных и мусульманских народов в новом союзе, а другой предполагал сплоченность православной России с ее мусульманскими и другими иноверческими окраинами на основе признания за последними права на самобытную религиозно-культурную жизнь⁴⁴⁶. По убеждению Леонтьева, у иноверческих окраин традиционные начала крепче, чем у России, именно потому, что они были присоединены, поэтому «когда у России будет все или хоть очень многое *свое*, хотя бы и вовсе не демократическое, *но свое*, тогда русификация будет победоносна, *плодоносна* и естественна. А теперь, что это такое?.. Бледная и нивелирующая европеизация — и больше ничего»⁴⁴⁷. Именно иноверческие окраины, не поддаваясь западноевропейской ассимиляции, обеспечивали сохранение

⁴⁴³ Там же. С.142-143.

⁴⁴⁴ Там же. С.143.

⁴⁴⁵ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.53-54.

⁴⁴⁶ Логинов А.В. Будущее российской цивилизации и историко-культурологические воззрения К.Н. Леонтьева. К 175-летию со дня рождения мыслителя // Национальные интересы. М., 2006. № 3. С. 9.

⁴⁴⁷ Леонтьев К.Н. Наши окраины // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.39.

Россией ее неповторимого духовно-культурного облика и «эстетики жизни». В этой связи Леонтьев утверждал, что «для нашего, *слава Богу, еще нестрого* государства полезны своеобразные окраины, полезно упрямое иноверчество; слава Богу, что *нынешней русификации* дается отпор»⁴⁴⁸. Мыслитель подчеркивал, что либерализм явился в Россию из западных христианских стран, «а не из гор Кавказа или Мекки. К мусульманским народам либерализм прививается трудно»⁴⁴⁹. Таким образом, по мнению Леонтьева, «*русификация окраин есть не что иное, как демократическая европеизация их*»⁴⁵⁰. Именно поэтому мыслитель выступал против христианизации и русификации иноверческих окраин⁴⁵¹.

По словам М.М. Мчедловой, исторический опыт взаимодействия православия и ислама в России свидетельствует о единстве исторической судьбы и общей идентичности этих народов, а «среди всего многообразия общего культурно-исторического творчества русского народа и «русского мусульманства» можно выделить два определяющих, которые тесно между собой связаны, — государственное имперское строительство и защита Родины от внешнего врага»⁴⁵². Таким образом, в отличие от достаточно «узкой» идеи племенного славянского объединения, которое подразумевал панславизм, Леонтьев вынашивал идею создания новой цивилизации, построенной на общем религиозно-культурном фундаменте славянского и азиатского миров, в которой Россия делалась центром притяжения многочисленных самобытных народов и их разнообразных красоч-

⁴⁴⁸ Долгов К.М. Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 2008. С.325-327.

⁴⁴⁹ Леонтьев К.Н. Наши окраины // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.33.

⁴⁵⁰ Там же. С.32.

⁴⁵¹ История показала верность этих убеждений Леонтьева: процесс русификации приносил России вред — экономический, политический, культурный, идеологический. Пока окраины оставались такими, какими они были до присоединения к России или к Советскому Союзу, они действительно «подталкивали» и Россию и СССР к интенсивному развитию — само «отчужденное» отношение окраин к России заставляло ее быть на уровне, быть «с веком наравне». Что касается влияния Запада на «окраины», то это влияние было почти «нулевым», более того, восточные традиции — религиозные, культурные, бытовые — выполняли хранительные функции как на самих окраинах, так и в стране (См.: Долгов К.М. Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 2008. С.325-328).

⁴⁵² Мчедлова М.М. Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2015. Т.11. № 1. С.97.

ных культур. По мнению А.В. Логинова, пристрастное отношение Леонтьева к мусульманству и Азии в целом, равно как к азиатским чертам русского характера и отечественных традиций, стало принципиально новым явлением в отечественной мысли и выходило за рамки как славянофильской, так и западной систем. Леонтьевым было выявлено гораздо больше общего у русского православного народа и мусульманских народов, которым в равной степени присущ византизм, чем у русских с другими славянами, уже проникнутыми либерально-буржуазными ценностями, что обусловило выбор мыслителем духовно-культурной связи в качестве основы для создания Славяно-Азиатской цивилизации⁴⁵³. В этой связи М.М. Мчедлова отмечает, что «...именно в русле традиционного российского ислама была наиболее полно сформулирована идея понимания России как общей родины православных и мусульманских народов и, соответственно, «русско-восточного соглашения» — геополитического и культурно-цивилизационного союза, понимаемого как в широком смысле — как союз православной России с мусульманскими странами, так и в узком — как союз русского народа с мусульманскими народами России, идентифицировавшими себя как особую общность — «русское мусульманство»⁴⁵⁴.

На наш взгляд наиболее верное понимание грандиозного проекта Леонтьева дал Л. А. Тихомиров, отметивший, что идеал Леонтьева, в отличие от известной трактовки концепции «Москва — Третий Рим», подразумевал не просто обновление русским самодержавием второго Рима — византийского Царьграда, а восстановление византийских основ самой России⁴⁵⁵. В. К. Кантор отметил, что «Леонтьеву стоило родиться в Екатерининской блистательной России, ведь сама его идея новой славяно-восточной цивилизации вполне соотносится с византийским

⁴⁵³ См.: *Логинов А.В.* Российская философия XIX века о православно-мусульманском цивилизационном взаимодействии // *Россия в современном диалоге цивилизаций.* М., 2008. С.63-64.

⁴⁵⁴ *Мчедлова М.М.* Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты.* 2015. Т.11. № 1. С.97.

⁴⁵⁵ См.: *Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.52.

проектом Екатерины»⁴⁵⁶, сравнив его с героем повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» Петром Гриневым: «Гринев — это идеальный подданный России, каким мог быть в те времена Леонтьев. Судьба уготовила ему другой путь. Но верность имперскому пафосу он пронес через всю жизнь»⁴⁵⁷.

Проект Славяно-Азиатской цивилизации, как и другие идеи Леонтьева о союзе России и Востока против Запада, нашел отражение в дальнейших разработках проблемы исторического пути России. В частности, творчество Леонтьева может считаться одним из предтеч евразийцев, чье учение возникло в 20—30-е гг. XX в. в среде русской постреволюционной эмиграции⁴⁵⁸. Суть евразийства заключалась в дальнейшем проповедовании русской мессианской идеи, имеющей космическое значение для судеб человечества, разделенного на Восток и Запад⁴⁵⁹. Так, в евразийском сборнике «На путях» (1922) П. Н. Савицкий указывает на прямое «преемство» евразийского мирозерцания и воззрений Леонтьева⁴⁶⁰. А.В. Логинов отмечает, что значительное влияние на вызревание евразийских идей оказали мысли Леонтьева «о византизме, особом пути России и высказанный им скепсис в отношении самостоятельности исторической роли славянства, которое будет способно к оригинальному цивилизационному творчеству лишь будучи уравновешенным мощным ориентальным компонентом»⁴⁶¹. М.А. Маслин подчеркивает, что «евразийцы вслед за Леонтьевым высказывались против растворения русской культуры в «отвлеченном и романтическом панславизме», причем особенностью евразийской критики панславизма было указание на европейское (первоначально протестантское) происхождение панславистской идеологии, зародившейся не на русской, но на австрийской западно-славянской

⁴⁵⁶ См.: Кантор В.К. Константин Леонтьев: христианство без надежды или Трагическое чувство бытия // Кантор В.К. «Крушение кумиров» или одоление соблазнов. М., 2011. С.111.

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1926. С.160.

⁴⁵⁹ Косик В.И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С.124.

⁴⁶⁰ Савицкий П.Н. Два мира // На путях. Утверждение евразийцев. Москва, Берлин, 1922. С.12.

⁴⁶¹ Логинов А.В. Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. М., 2013. С. 37.

почве, в Словакии и Чехии»⁴⁶². По мнению М.А. Маслина, «противопоставляя Россию европейскому (романо-германскому) миру, Леонтьев считал, что это противопоставление сохранится на длительную историческую перспективу. Классическое евразийство 1920—1930-х гг. также явилось продуктом «ориентализации» сознания с той лишь разницей, что для русской мысли «ориентализация» не имела той негативной коннотации, которую подразумевал аналитик этого процесса Эдвард Саид (1935–2003)»⁴⁶³.

Тема создания «нового культурного русизма» на Босфоре является главной, но не единственной в социально-политическом проекте будущего России Леонтьева. Его также волновали наиболее острые вопросы внутренней политики России, в частности, социально-экономический вопрос, решение которого будет иметь всемирное значение, поскольку снимет все более очевидный кризис отношений между трудом и капиталом⁴⁶⁴.

Таким образом, весь спектр социально-политических идей и предложений К. Н. Леонтьева по вопросам внешней политики Российской империи второй половины XIX в. включает: обоснованную критику панславизма и политического национализма, базирующуюся на положениях концепций «эстетики жизни» и «триединого процесса»; концепт «истинно-национальной» политики, обосновывающий необходимость сближения народов на основании сходства культурно-религиозных традиций, а не по языку и крови; предложения по укреплению культурного и духовного влияния России на Востоке, предполагающие осторожное развитие восточных славян в духе византизма под владычеством Турции вместо разжигания в них политического национализма; идею православно-мусульманского единства и создания на Востоке Славяно-Азиатской цивилизации, ядром которой должны стать общие верования православных и мусульманских наследников Византии и созданная ими наивысшая идеальная культура («гептастилизм»).

Можно утверждать, что, критика Леонтьевым панславизма и политического национализма основывалась на положениях его концепции о «триедином

⁴⁶² См.: Маслин М.А. Константин Леонтьев и евразийство. Уроки русского консерватизма // Тетради по консерватизму. № 3. М., 2014. С.47.

⁴⁶³ Там же. С.43.

⁴⁶⁴ Там же. С.110.

процессе», по которой переход от стадии «цветущей сложности» к последней стадии существования государства наступает, когда в обществе под воздействием «эгалитарно-либерального» прогресса исчезает «эстетика жизни», происходит сглаживание всех различий, сведение «цветущей сложности» религии, быта и культуры к состоянию серости и однообразия, исчезновение ярких и выдающихся личностей, установление господства «среднего» человека, снижение духовных потребностей в угоду материальным. После этого следует разрушение и гибель государственно-культурного организма. Леонтьев замечает, что политический национализм балканских славян приводит к потере ими национального своеобразия и ускоренной ассимиляции с Западом, а значит они не обладают способностью к национальному творчеству и не смогут создать никакой самобытной культуры. В связи с этим, их освобождение для России не имеет смысла, более того, чрезмерное сближение с ними приведет к распространению в России «европейской заразы» и уничтожению ее национальных особенностей. Леонтьев выступает против идей славянского единства по принципу сродства языка и крови и политического национализма, что стало его своеобразным вызовом тенденциям второй половины XIX в. В «творческом консерватизме» Леонтьева объединяющим началом для народов должна стать не «национально-племенная», а «культурно-религиозная» общность, объединяющая народы по принципу сродства культуры и религии. Леонтьев противопоставляет византизм панславизму и призывает русских сближаться с мусульманскими народами, сохранившими в своей культуре византийские черты. Сближение с мусульманами, чьи государства основаны на началах иерархии, жесткой дисциплины и религиозности, было бы гораздо полезнее для укрепления византийской сущности самой России, чем слияние с балканскими славянами, распространяющими ложные демократические ценности. В типологии Леонтьева национальных политик важное место занимает концепт «истинно-национальной» политики, обособляющей культурно-бытовые отличия народов и способствующей национальному творчеству. Такую политику Леонтьев противопоставляет «племенной», объединяющей народы на основе родства крови и языка, и усиливающей космополитические течения. Леонтьев будто старается

обратить внимание русского правительства на необходимость отойти от прославянского курса во внешней политике и в большей степени придерживаться сохранения культурно-национального своеобразия России. В «творческом консерватизме» представлена широкая палитра идей, связанных с укреплением культурного и духовного влияния России среди болгар и турок. Эти меры предполагали осторожное возвращение византизма и русофильских настроений в этом регионе, не оспаривая при этом владычество Турции и не поощряя политический национализм балканских славян. Леонтьев предлагает собственный оригинальный вариант решения Восточного вопроса — создание на Востоке Славяно-Азиатской цивилизации, нового культурно-государственного объединения славянских и азиатских народов со столицей в Константинополе. Фундаментом, на котором будет воздвигнута будущая цивилизация, должно стать православное самодержавие, обеспечившее полноту цветения и мощь Российского государства, а также созданная народами наивысшая идеальная культура. Славяно-Азиатской цивилизации необходимо развиваться из собственных источников вдали от западноевропейской цивилизации, противостоять ее ценностям и «эгалитарно-либеральному» прогрессу и стать воплощением на практике государственно-общественного идеала Леонтьева, основанного на идеях византизма. К этому можно добавить, что проект Славяно-Азиатской цивилизации, как и другие идеи Леонтьева о союзе России и Востока против Запада, нашли отражение в дальнейших разработках проблемы исторического пути России, в частности, социально-политическое творчество Леонтьева считается одним из предтеч евразийского учения, возникшего в 20–30-е гг. XX в. в среде русской постреволюционной эмиграции.

Глава III. Русский народ и идеал российского общества

§1. Национальный «гнозис». Критика реформ Александра II⁴⁶⁵

К. Н. Леонтьев значительное внимание в своих сочинениях уделял внутренней политике Российской империи и, в частности, проводимым реформам. Прежде всего его волновали назревшие проблемы в области самоуправления, образования, устройства крестьянского быта. В силу своего консервативного мировоззрения Леонтьев был убежден, что реформирование политико-правовых институтов должно проводиться в соответствии с национальным менталитетом и традициями, что позволит обеспечить соответствие государственных преобразований, духовно-культурным и бытовым особенностям русского народа.

В «творческом консерватизме» Леонтьева именно национальное своеобразие является необходимым духовно-культурным содержанием всякой нации, без которого «можно быть большим огромным государством, но нельзя быть великой нацией»⁴⁶⁶, и которое «легко может уйти у славян в XIX веке»⁴⁶⁷. В связи с этим ценностным ядром, творцом и хранителем «эстетики жизни» русского государства и русской самобытной культуры является простой народ, еще не испорченный в силу своей необразованности буржуазными ценностями. Леонтьев называет простой народ «великорусским великим и чудным океаном»⁴⁶⁸ и верит в его необъятный творческий потенциал, потому что русский народ «разноха-

⁴⁶⁵ При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Убирия (Столярова) И.Ф.* К вопросу о самосознании русского народа в политической теории К.Н. Леонтьева // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ—2016»*. М., 2016. С.1–3; *Столярова И.Ф.* Историческое предназначение русского народа в социально-политической концепции К.Н. Леонтьева // *Социально-гуманитарные знания*. 2018. № 1. С.275-280; *Столярова И.Ф.* «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Социально-политическая мысль. 2020. С.161-182.

⁴⁶⁶ *Леонтьев К.Н.* Грамотность и народность // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.122.

⁴⁶⁷ *Леонтьев К.Н.* Грамотность и народность // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.122.

⁴⁶⁸ *Там же*. С.126.

рактен в самых недрах своих и во всецелости наиболее на других непохож»⁴⁶⁹. В силу этих причин русские имеют «духовный перевес над другими»⁴⁷⁰, и именно они способны приготовить «богатую жатву для всемирной истории»⁴⁷¹. О русском народе Леонтьев писал, что «великоросс может все, что может другой славянин, но, сверх того, способен на многое, на что ни другой славянин, ни грек или француз или другие европейцы не способны!»⁴⁷², а также отмечал, что «не говоря даже о будущем, настоящее России уже полнее и богаче содержанием, чем настоящее трех путеводных наций Запада; — своеобразными характерами мы и теперь богаты; — славные лица старого времени, подобные Генералу Муравьеву, еще живы и приобретают исторические имена; — а молодое растет на почве, богатой самыми противоположными началами»⁴⁷³.

Подобное местами восторженное отношение мыслителя к русскому народу дало повод С. Н. Трубецкому обвинить Леонтьева в «национализме, доведенном до высших крайних пределов, договорившемся до совершенного абсурда»⁴⁷⁴. Однако при всей своей любви к простому народу Леонтьев вовсе его не идеализировал, сохраняя трезвый взгляд и на темные стороны русской природы. В этой связи он отмечал, что русский мужик несмотря на то, что не образован, «очень развит, особенно в некоторых губерниях»⁴⁷⁵. Его моральные качества, по мнению Леонтьева, не слишком высоки: «...народ наш нравами не строг»⁴⁷⁶, кроме того, «Великоросса отличает пламенная религиозность, и женолюбие, и склонность к кутежу»⁴⁷⁷. Причем данные наклонности не привнесены в Россию с Запада, а свой-

⁴⁶⁹ Там же.

⁴⁷⁰ Там же. С.117-118.

⁴⁷¹ Леонтьев К.Н. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап.Григорьеве // Там же. Т.6. Кн.1. СПб., 2003. С.25.

⁴⁷² Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.128.

⁴⁷³ Леонтьев К.Н. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап.Григорьеве // Там же. Т.6. Кн.1. СПб., 2003. С.25.

⁴⁷⁴ Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // Константин Леонтьев. Pro et contra: Личность и творчество К.Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891—1917 гг. в 2-х кн. Кн.1. СПб., 1995. С.146.

⁴⁷⁵ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.129.

⁴⁷⁶ Леонтьев К.Н. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап.Григорьеве // Там же. Т.6. Кн.1. СПб., 2003. С.10.

⁴⁷⁷ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.123.

ственны самой русской натуре, в том числе казачеству и даже раскольникам⁴⁷⁸. И в целом, русские — это «нация, в которой варварство самое темное и чреватое будущим живет рядом с усталой утонченностью, с глубокими познаниями, в которой этнографические и климатические условия так разнохарактерны и в которой разьединение сословий оставило надолго следы своеобразных путей развития»⁴⁷⁹. Вероятнее всего, под этим Леонтьев подразумевал, что чем меньше в современных ему русских европейского лоска и образованности, и больше «варварства»⁴⁸⁰, тем лучше для самих русских. Дело в том, что несмотря на принятые отрицательные трактовки «варварства» и «дикости», Леонтьев усматривал в них положительные черты, поскольку в его понимании «варварство» — это именно то, что выходит за рамки западных буржуазных норм, правил и предписаний, а именно яркость, оригинальность, самобытность, противоречивое своеобразие «эстетики жизни» и порождаемых ею явлений. В понимании Леонтьева «варварами» были «Суворов, Потемкин и другие «екатерининские орлы», какими суть наши крестьяне, иные герои Островского и казаки Толстого. — Нация больше выигрывает от подобных варваров, чем от многих наших европейцев и писателей»⁴⁸¹. Подобные высказывания Леонтьева побудили С.Н. Трубецкого обвинить его в «проповеди варварства»⁴⁸². Справедливости ради нужно отметить, что у Леонтьева были и единомышленники, например, А. А. Григорьев называл русских «грубо-первобытным народом»⁴⁸³.

Леонтьев подчеркивал, что «в характере русского простолюдина есть нечто до сих пор для нас самих неуловимое и необъяснимое, нечто крайне сложное» и

⁴⁷⁸ Леонтьев К.Н. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап.Григорьеве // *Там же*. Т.6. Кн.1. СПб., 2003. С.22.

⁴⁷⁹ *Там же*. С.25.

⁴⁸⁰ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // *Там же*. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.98-99.

⁴⁸¹ См.: Леонтьев К.Н. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап.Григорьеве // *Там же*. Т.6. Кн.1. 2003. С.18.

⁴⁸² См.: Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // Константин Леонтьев. Pro et contra: Личность и творчество К.Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891—1917 гг. в 2-х кн. Кн.1. СПб., 1995. С.146.

⁴⁸³ См.: Хатунцев С.В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850—1874 гг. СПб., 2007. С.152.

непознанное для образованных слоев российского общества⁴⁸⁴. В то время как в Европе высшее сословие и простой народ представляли собой общий национальный тип, в России — именно простонародье несло на себе «еще долго неизгладимую русскую печать», в то время как знать была «робкими лакеями европейских успехов», менее народными чем простолюдины⁴⁸⁵. Иными словами, Леонтьев убежден, что «в нашем простом народе отчасти скрыт, отчасти уже ясен наш национальный характер»⁴⁸⁶. Данное убеждение, как, впрочем, и идея о большей «национальности» простого народа по сравнению с российской знатью, сближала Леонтьева со славянофилами и почвенниками, последовательно развивавшими в своих работах мысль о порожденным реформами Петра культурном разрыве между образованными слоями российского общества и низшими сословиями. Так, например, рассматривая допетровскую Россию, Леонтьев отмечает, что ей не хватало «общей сознательности»⁴⁸⁷. Эта мысль Леонтьева перекликается со славянофилом А. С. Хомяковым, который, в свою очередь, также полагал, что на Руси «разуму недоставало сознания»⁴⁸⁸, поэтому «свое, высокое и прекрасное, было неясно сознано»⁴⁸⁹. Однако, в отличие от славянофилов, Леонтьев приветствовал культурный разрыв между сословиями, возникший в Петровскую эпоху, полагая, что культурное разделение сословий не только поспособствует увеличению разнообразия культурных и бытовых форм, но и уменьшит влияние проникнутого европейскими идеями высшего сословия на простой народ, сберегая его «в большей неприкосновенности» от влияния европейских идей⁴⁹⁰. Сохранение самобытности патриархального народа крайне важно для Леонтьева, поскольку без «народной физиономии», без ее индивидуальности в России «не может создаться

⁴⁸⁴ См.: Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.123.

⁴⁸⁵ См.: Леонтьев К.Н. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап.Григорьеве // Там же. С.22.

⁴⁸⁶ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.129.

⁴⁸⁷ См.: там же. С.118.

⁴⁸⁸ Хомяков А.С. По поводу статьи И.В.Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений в 4 т. Т.1 М., 1878. С.248.

⁴⁸⁹ Там же. С.254.

⁴⁹⁰ См.: Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.117.

своеобразная цивилизация» и не может быть культурного и духовного перевеса над другими народами⁴⁹¹. И, с этой точки зрения, безграмотный простой народ в большей степени, чем европеизированная русская интеллигенция, сохранил в себе «то полносочие, которым мы можем удивить весь мир, если сумеем им воспользоваться»⁴⁹². Для этого, по мнению мыслителя, русской нации необходимо принять «все то, что обстоятельства вынуждают нас принять разумно»⁴⁹³, а также осознать свою всемирную роль, свое историческое предназначение, то есть произвести своего рода народное самопознание или «национальный гнозис»⁴⁹⁴. Только тогда русские смогут не только сохранить свой национальный облик, но и довести его до «той степени самобытности и блеска, в которой стояли поочередно, в разные эпохи, все великие нации прошедшего»⁴⁹⁵. Именно поэтому, как заключал Леонтьев, «надо дорожить этим своеобразием и не обращаться с ним торопливо, дабы не погубить своей исторической физиономии, не утратить исторических прав на жизнь и духовный перевес над другими»⁴⁹⁶.

Леонтьев полагал, что обуржуазившаяся Европа служит мещанской почвой для развития «мелкого знания», далекого от высшего творчества духа, и негодовал из-за того, что при этом Западная Европа позволяет себе смотреть свысока на Россию, в том числе из-за безграмотности русского народа⁴⁹⁷. По мнению Леонтьева, именно необразованности простолюдинов Россия обязана тем, что все попытки европеизировать наш народ приводили к непредсказуемым результатам, побуждая не заимствовать чужеродные и не всегда подходящие идеи, а «обратиться внутрь себя», к своим историческим основам: «Замечательно, что в последнее десятилетие всякий шаг, который мы делали по пути *европеизма*, более и более приближал нас к нашему народному сознанию. Бесцветная и безвкусная, но видимо полезная (за неимением другого) вода всеоб-

⁴⁹¹ См.: *там же*. С.98.

⁴⁹² *Там же*. С.117.

⁴⁹³ *Там же*. С.99

⁴⁹⁴ См. подр.: *Столярова И.Ф.* Историческое предназначение русского народа в социально-политической концепции К.Н. Леонтьева // *Социально-гуманитарные знания*. 2018. № 1. С.275.

⁴⁹⁵ *Леонтьев К.Н.* Грамотность и народность // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.99.

⁴⁹⁶ *Там же*. С.130.

⁴⁹⁷ См.: *Волгогонова О.Д.* Константин Леонтьев. М., 2013. С.105.

шего просвещения только подняла и укрепила русские всходы, поливая наши, нам самим незнакомые поля»⁴⁹⁸. Так, распространение западного по своему происхождению нигилизма укрепило славянофильство, крайности западничества пробудили панславизм, а эмансипация крестьян в России привела к образованию общины, которая только усилила наше своеобразие⁴⁹⁹. Рассуждая таким образом, Леонтьев приходит к мысли, что «усердствовать с просвещением а l'européenne вовсе нет нужды», потому что оно может навредить культурно-историческим устоям патриархального народа⁵⁰⁰. Также Леонтьев полагал, что неравномерное просвещение различных слоев общества вносит «в нашу слишком простую и несложную славяно-русскую жизнь ту сложность и то своеобразие, без которых невозможно *цивилизованное, т.е. развитое своеобразие*»⁵⁰¹. Таким образом, не возражая против грамотности в целом, Леонтьев выступает против обучения простого народа по западноевропейским образцам, поскольку это неминуемо приведет к утрате ее национального своеобразия. Кроме того, русская интеллигенция еще сама не готова стать просветителем низших классов. Поручать воспитывать «святыню народного духа» недостаточно зрелой и готовой к этой роли интеллигенции он не желал⁵⁰², опасаясь результатов подобного образования, способных не только погубить историческое лицо России, нивелируя все ее отличия от стран Европы, но и усилить распространение революционных идей в широких массах. Только когда высшее общество переболеет космополитизмом и поймет ценность национального своеобразия, когда «люди *англо-французского* воспитания сделаются *все* еще гораздо более славянофилами, нежели они сделались под влиянием нигилизма, польского мятежа и европейской злобы»⁵⁰³, можно будет говорить об их готовности учить простой народ. Пока же это должно подождать.

Также Леонтьев опасался того, что простой народ, будучи не устойчивым к

⁴⁹⁸ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.99.

⁴⁹⁹ См.: там же. С.183-184.

⁵⁰⁰ См.: там же. С.130.

⁵⁰¹ Там же. С.95.

⁵⁰² См.: там же. С.121.

⁵⁰³ Там же. С.119.

новым веяниям, может увлечься западными идеями и последовать за либеральной интеллигенцией по ложному пути навстречу «эгалитарно-либеральному» прогрессу и появлению «среднего человека»⁵⁰⁴. Леонтьев понимает, что общественное сознание — это грозное оружие в руках тех, кто умеет его применять, и отмечает: «*грамотность* уже сама себе целью никак не может быть... Всякий согласится, что она есть лишь средство. Все сторонники грамотности смотрят на нее с этой точки зрения. Одни надеются укрепить в народе чувство религиозное и нравственное; надеются сделать народ более мягким в домашних нравах его, более благочинным и добропорядочным; другие, напротив, под разными благовидными предложениями, имеют в виду рано или поздно всучить простолюдину... революционные книги. Но никто не довольствуется той мыслью, что народ будет уметь читать и писать, и знать четыре правила арифметики»⁵⁰⁵. По мнению Леонтьева, упрощение знания является серьезной опасностью для государства, поскольку дает возможность манипулировать общественным мнением, ибо «есть в обществе благодаря известному складу школьного обучения... привычка, недолго думая, чувствовать симпатию к иным историческим явлениям и почти отвращение к другим»⁵⁰⁶. Так, в первую очередь, значительные и глубокие предметы преподносятся обществу в однозначной трактовке, а потом эти вопросы выносятся на общественный суд посредством референдума. К подобным же выводам пришел французский социолог Г. Лебон, полагающий, что «...распространение полуобразования (настоящее образование ведь очень немногим доступно!) создает в массах претензии, которых они однако не в состоянии удовлетворить. А эта неудовлетворенность порождает то глубокое недовольство, на почве которого играет современная социал-демократия. Резкое же сознание неудовлетворенности создает в полуобразованных, пропитанных либеральным духом, массах зависть, злобу и все разрушительные инстинкты»⁵⁰⁷.

Леонтьев убежден, что «ни либералы, ни демократы, ни тем более русская интеллигенция, «отправившаяся в народ», совершенно не понимают, куда идет

⁵⁰⁴См.: Сивак А.Ф. Константин Леонтьев. Л., 1991. С.51.

⁵⁰⁵ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.122.

⁵⁰⁶ Леонтьев К. Византизм и Славянство // Там же. С.309.

⁵⁰⁷ См.: Королев А.В. Культурно-исторические воззрения К.Н.Леонтьева // Памяти Леонтьева. 1891 г. С-Петербург, 1911. С.360-361.

дело, и не хотят верить, что нам, русским, надо совершенно сорваться с европейских рельсов и, выбрав совсем новый путь, стать наконец, во главе умственной жизни всего человечества»⁵⁰⁸. Русская интеллигенция так и вовсе «стала слишком либеральная, т.е. пуста, отрицательна, беспринципна. Сверх того, она мало национальна именно там, где следует быть национальной. Творчества у нее нет ни в чем; она только все учится спокон веку у всех, и никого ничему своему научить не может, ибо у нее нет своей мысли, своего стиля, своего быта и окраски»⁵⁰⁹.

Леонтьев полагал, что материалистическое и атеистическое образование служит почвой революционности в России. Он проводит аналогию с французской реформой образования с атеистическим уклоном, и отмечает, что республика «хочет учить детей только *чистой гражданской этике и законам природы, не подозревая, что атеистическое государство также противно законам социальной природы, как жизнь позвоночного животного без остова, без легких или жабр*»⁵¹⁰. Нужно отметить, что Леонтьев был не одинок в своем мнении. Например, М. Н. Катков также считал, что причина всех антирелигиозных и революционных идей заключается в «реалистическом направлении современной науки и образованности»⁵¹¹. Это мнение также разделяли министры народного просвещения граф Д. А. Толстой и И. Д. Делянов⁵¹², проводившие реформы образования уже при императоре Александре III⁵¹³.

После 1861 г. русские консерваторы начали искать решения проблем, появившихся в государстве в результате либеральных преобразований. В частности, их беспокоило появление диспропорции между аграрным и индустриаль-

⁵⁰⁸ Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.9-10.

⁵⁰⁹ Леонтьев К.Н. Наши окраины // Там же. С.32.

⁵¹⁰ Леонтьев К.Н. Национальная политика как орудие всемирной революции // Там же. С.532.

⁵¹¹ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т.2. Ч.2. М., 1994. С.313-314.

⁵¹² 18 июня 1887 г. вступил в действие знаменитый циркуляр «О кухаркиных детях», автором которого был И.В.Делянов. В циркуляре говорилось, что министр просвещения нашел необходимым закрыть доступ в гимназии для «детей кучеров, лакеев, поваров, мелких лавочников». Этот циркуляр ограничил среднее образование низших сословий. В этот исторический период Леонтьев был выразителем мнения определенной категории консервативно мыслящих соотечественников, которые, как окажется впоследствии, были не так уж и наивны (См.: Зубов С.В. Парадоксы Константина Леонтьева. Саратов, 2007. С.59).

⁵¹³ См.: Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т.2. Ч.2. М., 1994. С.316-317.

ным секторами экономики, усиление влияния иностранного капитала и отечественной буржуазии, а также укрепление и рост численности рабочего класса⁵¹⁴.

Взгляды Леонтьева на либеральные преобразования, начатые правительством в 60-х гг. XIX в., эволюционировали по мере появления первых результатов этих реформ. Так, изначально Леонтьев положительно оценивал перспективы либеральных преобразований, полагая, что освободительные процессы в России — это «совсем не то», что западные, что они приведут к иным результатам, и даже русский либерализм на русской же почве «принесет непременно *особые, хорошие, национальные* плоды»⁵¹⁵. Крестьянскую общину Леонтьев считал одним из наиболее значимых и самобытных социальных явлений, отличающих Россию от Запада: «Рука бы моя не дрогнула на того, кто святотатственно посягнул бы на земскую общину нашу, посягнул бы от подлого страха, что быт Европы основан на личной собственности, как будто бы рядом с этим нет у нас личной собственности»⁵¹⁶. Леонтьев, как и большинство консерваторов, полагал, что в силу традиций коллективизма «*поземельная и обязательная форма общины связана с самодержавной формой правления. А индивидуализм рано или поздно неизбежно и даже неприметно ведет к конституции, то есть к полнейшему господству капиталистов, банкиров и адвокатов*»⁵¹⁷. В поземельной общине мыслитель усматривал хранительное, грозное соединение «самодержавия с коммунизмом, который на Западе есть кровавая революция, а у нас монархия и вера отцов»⁵¹⁸. Он считал благом то, что, освободившись от власти помещиков, крестьяне оставались зависимыми от общины, разложение которой привело бы к расслоению крестьянства и повлияло бы на прочность самодержавия⁵¹⁹. Сохранение в России в период крестьянской реформы 1861 г. общины предупредило,

⁵¹⁴ См.: Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С.355.

⁵¹⁵ Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.598.

⁵¹⁶ Леонтьев К.Н. В своем краю // Там же. Т.2. СПб., 2000. С.157.

⁵¹⁷ Леонтьев К.Н. А.И.Кошелев и община в московском журнале «Русская мысль» // Там же. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.155

⁵¹⁸ См.: Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.100.

⁵¹⁹ См.: Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С.355.

по его мнению, «развитие буйного пролетариата»⁵²⁰, поскольку именно «общинное владение землею предупреждает пролетариат»⁵²¹.

Леонтьев также поддерживал реформу земского самоуправления, которое было введено 1 января 1864 г., полагая, что в земских учреждениях одинаково равно отсутствуют и «деспотизм богатства» (диктат плутократии), и «деспотизм многолюдства» (крайности демократии), что отличает их от западных буржуазных институтов⁵²². Несмотря на то, что идея земского самоуправления также была привнесена с Запада, Леонтьев отмечал, что с национально-культурной точки зрения оно было довольно своеобразным явлением⁵²³. По мнению мыслителя, основным достоинством земского самоуправления являлось то, что оно сближало просвещенное сословие России с простонародьем, поэтому дворянство «волей-неволей, встречаясь с крестьянами в собраниях, ... должно стать более русским не только по государственному патриотизму (в чем не было у нас никогда недостатка), но и вообще по духу, и, Бог даст, по бытовым формам»⁵²⁴. Однако несмотря на то, что в этом вопросе Леонтьев принимал схожую позицию с почвенниками и славянофилами, полного слияния сословий, в отличие от них, он не хотел. Сближение (но не слияние) знати с простым народом для него означало установление тесной связи образованной интеллигенции с «своеобразным психологическим и этнографическим обликом русской народной стихии»⁵²⁵, постепенную замену европеизированной культуры, свойственной просвещенному слою российского общества, национальной культурой, сохранившейся в простом народе: «Спасение наше *не в практическом, а в идеальном* сближении с простолюдином нашим; то есть ... *в подражании мужику, в развитом восстановлении* его идеалов, верных и самобытных, но *загрубелых* и потому не всегда ясных даже и ему самому. *Вовсе не надо быть непременно равным* во всем мужику, нет

⁵²⁰ См.: Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.121.

⁵²¹ Леонтьев К.Н. Экстракт донесений № 29 (?) и 25, февраль 1868 г. Тульча // Там же. Т.10. Кн.1. СПб., 2017. С.344.

⁵²² См.: Леонтьев К.Н. С Дуная // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.60.

⁵²³ См.: Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Там же. С.103.

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С.140.

даже особенной нужды *быть всегда любимым* им и *силиться всегда* самому любить его *дружественно*: надо любить его *национально, эстетически*, надо любить его *стиль*. *Нужно быть с ним сходим в основах*. Например, простолюдин любит царя не за то только, что он *сделал* для него вот *то-то и то-то*, а за *то именно, что Он — Царь!*»⁵²⁶.

В отличие от земских учреждений, пореформенные суды, по убеждению Леонтьева, своеобразием не отличались и были целиком заимствованы Россией у Западной Европы. Судебная реформа 1864 г., носящая явно либерально-демократический характер, вызвала негативный отклик у Леонтьева: «гласные суды стали, благодаря духу интеллигенции нашей, одним из орудий медленно-го и по приемам — легального разрушения старого»⁵²⁷. Кроме того, его волновало возрастание либеральных антимонархических тенденций, оказывающих влияние на правосудие: «правительство, установляя новую форму судов, более свободную, доверялось, так сказать, обществу»⁵²⁸. Леонтьев приводил в качестве примера судебное разбирательство дела Веры Засулич, стрелявшей из пистолета в петербургского градоначальника Трепова, и оправданной судом присяжных. Этим оправдательным приговором либерально настроенное общество как бы легализовало террористические действия Засулич. Данное решение суда позволило Леонтьеву заключить: «В наше время все роды преступлений наказываются строго, кроме антигосударственных преступлений»⁵²⁹. Леонтьев утверждает: «Положим даже, что до сих пор человечество никакой формы судов *выше и развитее* этой англо-саксонской формы не выдумало. Но не всегда именно высшая форма той или другой отрасли человеческих учреждений пригоднее для всякой страны»⁵³⁰. По его мнению, заимствованная у Запада судебная система не только не отражает реалий российской действительности и не созвучна менталитету русского народа, но и стремится к уничтожению полити-

⁵²⁶ См.: Долгов К.М. Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 2008. С.323.

⁵²⁷ Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений в 12 т. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.135.

⁵²⁸ Там же. С.142.

⁵²⁹ Там же. С.139.

⁵³⁰ Там же.

ческих и правовых традиций России ради верховенства западного либерального права. В связи с этим Леонтьев предлагает обдумать «проект иных судов, и может быть, без присяжных, без публики и с меньшим простором для риторических упражнений»⁵³¹. Таким образом, результаты судебной реформы подтвердили предположения Леонтьева: российское общество не смогло разумно воспользоваться предоставленными монархией правами и свободами, подменив закон политической конъюнктурой.

Уже в конце 60-х гг. XIX в. Леонтьев пересматривает свои взгляды на итоги реформ Александра II. Во время пребывания в России с ноября 1868 по февраль 1869 гг. к Леонтьеву пришло осознание того, что реформы неизбежно ведут Россию по буржуазному капиталистическому пути развития. После пятилетнего отсутствия на Родине мыслитель своими глазами увидел изменения, которые принесли с собой либеральные преобразования: бурное развитие фабрично-заводской промышленности, стремительный рост железнодорожной сети, разорение «помещичьих гнезд», знаменовавшее собой «дворянское оскудение»⁵³². Леонтьев отмечает, что в России все «широко и рассыпчато, но все бледно и не выработано», кроме государственной силы, а она сама по себе — «вещь великая, но холодная!»⁵³³, и высказывает опасение, что Россия не даст новой мировой культуры, а перейдет «прямо из безмолвия в шумное и безличное царство масс... В безличность не эпическую, не в царство массы бытовой — русской, а в безличность и царство массы европейской, петербургской, в безличность торгашескую, физико-химическую и чиновничью»⁵³⁴. Эти процессы коснулись и самого Леонтьева. Приехав в июне 1874 г. в свое родовое имение Кудиново, он обнаружил его в запустении и упадке⁵³⁵. Спустя менее чем пятнадцать лет после крестьянской реформы это место оскудело, что крайне расстроило Леонтьева: «До-

⁵³¹ Там же. С.143.

⁵³² См.: Хатунцев С.В. Константин Леонтьев. Интеллектуальная биография. 1850—1874. СПб., 2007. С.185.

⁵³³ Леонтьев К.Н. В своем краю // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.2. СПб., 2000. С.157.

⁵³⁴ Леонтьев К.Н. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап.Григорьеве // Там же. Т.6. Кн.1. СПб. 2003., С.15.

⁵³⁵ См.: Коноплянцев А.М. Жизнь К.Н.Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911. С.94.

ма теперь нет... В одичалом саду вьют гнезда скучные и шумные грачи; в аллеях трава по колено; и на узорных когда-то дорожках племянница тоже давно косит траву, и мы даже рады этому лишнему клоку сена для тех 3–4 коров, которыми теперь богата наша дворянская нищета»⁵³⁶.

Леонтьев вновь убеждается в том, что либерализм не возрождает, а скорее ослабляет державу: «Россия и Москва после долгого отсутствия ... бросились мне в глаза прежде всего теми своими сторонами, которые для меня так тошны и гнусны; зазнавшимися мужиками, которые от прежнего характера своего сохранили только лукавство и пьянство, но утратили ту черту смирения и покорности, которая их так красила и смягчала; разоренными и опустелыми усадьбами, теми усадьбами, из которых вышли Пушкин, Жуковский, Лермонтов и Фет, в которых и прасол Кольцов находил себе оценку и приязнь; железными этими путями, от которых все только дорожает до нетерпимости и на которых видишь перед собой все какие-то самодовольные плоские фигуры..., адвокатами, новыми судьями демагогами... и дерзкими коридорными лакеями, которые... удивлялись и смеялись тому, что я ем постное по средам и пятницам; уже до того и они просветились за это десятилетие *благодетельного прогресса!*»⁵³⁷.

По мнению Леонтьева, чтобы сохранить русскую государственность, необходимо обратиться к духовно-культурным и историческим началам России и принять ряд «реакционных» мер в качестве противодействия либеральным реформам: «правительство русское в течение целой четверти века сделало все то добро, которое было в силах человеческих сделать. Простой народ русский при всех *личных* пороках своих... показал себя достойным реформ; но интеллигентное русское общество, развращенное донельзя европейскими современными предрассудками, каким-то оппозиционным ухарством и либеральным фразерством, извлекло из всех даров правительства, почти на всех поприщах, больше вреда, чем блага... Покаемся ли мы... и не решимся ли мы просить могучего Отца, чтобы впредь Он держал бы нас грознее?.. *Великий и необходимый, своевремен-*

⁵³⁶ Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.6. Кн.1. СПб., 2003. С.122.

⁵³⁷ Там же. С.131.

менный опыт сделан... Но мы вряд ли оказались достойными той доли свободы, которая нам была дана!»⁵³⁸. Начало «спасительной реакции» в 1881 г., хотя частично и успокоило Леонтьева, но не развеяло его сомнений в будущем России, потому что либеральные реформы уже безвозвратно надломили привычный уклад жизни русского народа: *«Изменение внешних форм быта есть самый верный и могучий признак глубокого изменения в духе»*⁵³⁹. Так, обретение свободы крестьянством привело к тому, что многие крестьяне просто не знали, как распорядиться полученной свободой и как им жить дальше. Социальная напряженность возросла, начался процесс разложения крестьянства. Леонтьев отмечает, что в результате проводимых в стране либеральных изменений русский «простолюдin... во многом с нами юридически уравненный, вместо того чтобы стать нам *примером*... стал теперь все более и более проявлять склонность быть нашей *карикатурой*... Карикатура эта, при малейшем потворстве властей, может стать к тому же и крайне опасной, ибо нет ничего вреднее для общественной жизни, как демократизация пороков»⁵⁴⁰. Теперь уже русского мужика почти не отличить от его европейского «собрата». По мнению Леонтьева, результаты реформ 60-х гг. XIX в., нарушив баланс в жизни русского народа, подтвердили высказывание Платона: «Для одних нужна мудрость, для других храбрость, для большинства — повиновение»⁵⁴¹. В связи с этим мыслитель пронизательно отмечает: «Свобода крестьян никак не основа, а скорее несколько *противоосновное состояние*»⁵⁴² и «если у нас *теперь* в России сравнительная с прежним личная свобода миллионов крестьян не привела еще ко всем жестоким результатам своим, то это благодаря тому, что они находятся в некоторого рода *новой кре-*

⁵³⁸ Леонтьев К.Н. Передовые статьи Варшавского дневника 1880 г. // Там же. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.26.

⁵³⁹ Цит. по: Гоголев Р.А. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н.Леонтьева: опыт реконструкции. М., 2007. С.118.

⁵⁴⁰ Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на Православном Востоке // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.597.

⁵⁴¹ Там же. С.598.

⁵⁴² Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.330.

*постной зависимости от неотчуждаемой земли и общины»*⁵⁴³.

Размышляя об идеалах «сбыточных» и «несбыточных», Леонтьев все больше проникается пессимистическими настроениями и все чаще приходит к мысли, что победоносные войны России, ее «реакционная политика», поддержка православной религии на Балканах и в Польше имеют лишь временное, преходящее значение. Имперское величие России не вводило Леонтьева в заблуждение, поскольку он пронизательно отмечал, что «даже самые великие политические успехи наши и в Азии, и в Европе — таят в себе нечто трагическое и жестокое... господствуя, — мы расплывемся — в чем-то неслыханно космополитическом... Не повторяем ли мы в новой форме историю старого Рима? — Но разница в том, что под его подданством родился Христос, — под нашим скоро родится — Антихрист?»⁵⁴⁴. Вслед за некоторым укреплением России в своем национально-культурном своеобразии неизбежно придет «буржуазная всеобщая мерзость», которой русское общество вряд ли сумеет дать достойный отпор, в связи с чем его вера в Россию постепенно исчезала: «Где *новые*, сильные духом неизвестные племена? Их нет нигде... *Все человечество старо*. Не молоды и мы»⁵⁴⁵. Слабеющая монархия, распространение либеральных и радикальных идей, усиление революционных настроений в обществе окончательно сформировали эсхатологические убеждения Леонтьева: «Погибнет и Россия когда-нибудь. И даже, когда, окидывая умственным взором весь земной шар и весь состав его населения, видишь, что *новых и неизвестных*, сильных духом племен ждать неоткуда, ибо *их уже нет* в среде устаревшего человечества, то можно почти наверное предсказать, что Россия может погибнуть только двояким путем, или с Востока от меча пробужденных китайцев, или путем добровольного слияния с общеевропейской республиканской федерацией. (Последнему исходу чрезвычайно может пособить образование либерального, *бессловного* всеславянского союза)»⁵⁴⁶.

⁵⁴³ Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на Православном Востоке // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.578.

⁵⁴⁴ Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского (незавершенные главы) // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.408.

⁵⁴⁵ Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // Там же. С.449.

⁵⁴⁶ Цит. по: Гоголев Р.А. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н.Леонтьева: опыт реконструкции. М.: 2007. С.123.

§2. «Реакционно-двигающие» меры и проект будущего устройства России⁵⁴⁷

В «творческом консерватизме» основными задачами внутренней политики, нацеленной на укрепление могущества русского государства, является сохранение и защита в России традиционных византийских начал: самодержавия, православия и сельского общинного быта.

Идею деспотизма, свойственную византийской сущности Российского государства, Леонтьев противопоставляет основной идее демократического режима — провозглашению свободы. По мнению мыслителя, деспотизм внутренней идеи государства служит сохранению исторически сложившейся государственной формы, а разрывая «узлы этого естественного деспотизма»⁵⁴⁸, и принимая образцы чуждых государственных форм, мы тем самым разрушаем свое государство. В связи с этим формальной свободе, утверждаемой демократическими режимами, Леонтьев противопоставляет свободу духовную, появившуюся в русском народе в результате длительного закрепощения: «И не только покорность, но и другие высокие и добрые чувства выработались в народе нашем от долгой дисциплины, под которой он жил. Недавно я случайно встретил в одном православном журнале следующее замечание: «При решительном отсутствии всякой свободы и самобытности в жизни гражданской и общественной нашему простолюдину естественно

⁵⁴⁷ При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Столярова И.Ф.* Предчувствие русской революции в политическом творчестве К.Н. Леонтьева // *Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XX вв. Материалы V Международной конференции.* Липецк, 2017. С.110-115; *Столярова И.Ф.* Социально-политические идеи К.Н. Леонтьева по вопросу внутренней политики Российской империи // *Русская политология — Russian political science.* 2018. № 1. С.41–45; *Столярова И.Ф.* «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Социально-политическая мысль, 2020. С.183-222; *Столярова И.Ф.* «Хранительный» социализм как реакция будущего в творчестве Константина Леонтьева // *SCHOLA-2022. Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.* М.: Издательство Московского ун-та, 2022. С. 32–35.

⁵⁴⁸ *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.383.

было пытаться вознаградить себя самобытностью в жизни духовной, самодеятельностью в области мысли и чувства»... Правда это привело к расколам и ересям, но зато привело, с одной стороны, к *поэтическому творчеству*, а с другой — к *равнодушию в политических внутренних вопросах, к высокой слабости* демагогического духа, именно к тому, чего всегда хотело Христианство: «Царство Мое не от мира сего»⁵⁴⁹.

Леонтьев критикует теорию федерализма, распространившуюся в XIX в. в Западной Европе, поскольку усматривает в идеях федерализма угрозу монархическим основам Российского государства. Оптимальным способом организации русского самодержавия Леонтьев видит централизацию государственной власти, предполагающую ее политическую неделимость. По убеждению Леонтьева, только централизация государственной власти способна поддерживать единство русского народа и устойчивость государства: «Один из предрассудков, наиболее сильных в наше время, есть убеждение, что централизация безусловно вредна сама по себе... Но несчастье вовсе не в самой централизации власти; несчастье в *смешении форм жизни, в равенстве прав, в однообразии субъективного эвдемонического идеала*... Не централизация власти гибельна для страны сама по себе; она спасительна, напротив, до тех пор, пока почва под этой властью разнообразна... Пока есть сословия, пока провинции не сходны, пока воспитание различно в разных слоях общества, пока претензии не одинаковы, пока племена и религии не уравнены в общем индифферентизме, до тех пор власть больше или меньше централизованная есть необходимость. И тогда, когда все эти краски начали бледнеть и мешаться, централизация власти остается опять-таки *единственным спасением от дальнейшей демократизации жизни и ума*»⁵⁵⁰.

В представлении Леонтьева, для достижения государственных целей монарх не должен ограничивать себя в выборе подходящих средств, что делает его взгляды схожими с политическим макиавеллизмом: «*Всякий обязан быть в государственных делах если не грубо лжив (это тоже иногда невыгодно), то мудр, яко змий*... Нельзя строить политические здания ни на текучей воде вещественных

⁵⁴⁹ Там же. С.330-331.

⁵⁵⁰ Там же. С.411-412.

интересов, ни на зыбком песке каких-нибудь чувствительных и глупых либеральностей»⁵⁵¹. По Леонтьеву, для достижения прочности государственного строя и создания сильного и мощного государства подходят любые методы, в том числе насилие. В 1879 г. в письме Вс. С. Соловьеву мыслитель отмечает, что благополучная жизнь без страха невозможна: «Начало Христианской премудрости есть страх Божий. А за неимением страха Божия, недурен страх Бисмарка, Муравьева Виленского и императора Николая?.. Очень недурен этот страх!...»⁵⁵², поэтому, по его мнению, в сильном государстве совсем «без насилия — нельзя. Неправда, что можно жить без насилия... *Насилие не только побеждает, оно и убеждает многих, когда за ним, за этим насиллием, есть идея*»⁵⁵³. Необходимость ограничения свободы в обществе Леонтьев обосновывает следующим образом: «государство обязано всегда быть грозным, иногда жестоким и безжалостным, потому что общество всегда и везде слишком подвижно, бедно мыслью и слишком страстно»⁵⁵⁴. Только сильное государство может создать условия для появления и развития ярких и выдающихся личностей, поскольку оно создает рамки для индивидуальной свободы, не допуская хаоса и анархии, и условия для внутреннего творчества духа, не позволяя ему растрачиваться на «вседозволенное» и материальное. Поэтому значение личности в таком государстве очень велико. В связи с этим мыслитель признавал ведущую роль «священного права насилия» в создании сильных личностей и героев⁵⁵⁵.

По нашему мнению, формирование таких взглядов Леонтьева было вызвано его горячим стремлением предотвратить разрушение «цветущего состояния» Российского государства и остановить его на пути к распаду и смещению. Кроме того, жесткий тон Леонтьева был своеобразной реакцией на захватившие страну либеральные и революционные идеи. Восприятие народом этих безнациональных по своей сути идей неминуемо приведет к потере нацией своего своеобразия, ее ас-

⁵⁵¹ Леонтьев К.Н. Храм и Церковь // Там же. Т.7. Кн.1. СПб., 2005. С.518-519.

⁵⁵² Леонтьев К.Н. Письмо Вс.С.Соловьеву. 1 марта 1879 г., Оптиная пустынь // Там же. Т.11. Кн.2. СПб., 2019. С.306.

⁵⁵³ Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 г. // Там же. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.65.

⁵⁵⁴ Там же. С.15.

⁵⁵⁵ См.: Волкогонова О.Д. Константин Леонтьев. М., 2013. С.326.

симиляции с другими нациями и последующей деградации: «все созидующее, все охраняющее то, что создано историей народа, имеет характер более или менее обособляющий, отличительный, противопоставляющий одну нацию другим... Все либеральное бесцветно, общеразрушительно, бессодержательно в том смысле, что оно одинаково возможно везде»⁵⁵⁶. По его мнению, либерализм не только нивелировал различия в государствах, упрощая общественные структуры и сводя красоту и величие национального своеобразия и культуры к серости масс, проблема либеральных учений состоит в том, что люди в либеральных государствах не стали «ни лучше, ни умнее, ни счастливее!.. Они стали мельче, ничтожнее, бездарнее, учение в массе, это правда, но зато и глупее»⁵⁵⁷. Поэтому либерализм является идеологией мещанской среды, «собирающей бездарности».

По Леонтьеву, сама природа обуславливает наличие иерархии как в животном мире, так и в человеческом, поэтому сословные общества, имеющие разные права и уровни свободы, в большей степени отвечают объективным законам истории и природы, чем либеральное равенство, оторванное от реальности: «Смешно служить такому идеалу, не соответствующему ни с опытом истории, ни даже со всеми законами и примерами естествознания. Органическая природа живет разнообразием, антагонизмом и борьбой; она в этом антагонизме обретает единство и гармонию, а не в плоском унисоне. Если история есть лишь самое высшее проявление органической жизни на земле, то и тогда разумный реалист не должен быть ни демократом, ни прогрессистом»⁵⁵⁸. Проповедуемая либерализмом «свобода ради свободы» также является утопией и неминуемо приведет к разрушению общества и последующей анархии, поскольку общество не может существовать без ограничений и иерархии. По мнению Леонтьева, свободу необходимо давать не просто так (как предлагают либеральные учения), а во имя новых созидующих принципов. Принципы же всегда стесняют, организуют, дисциплинируют и ограничивают свободу. Леонтьев полагает, что у нашего государственного строя еще остался запас прочности, потому что до настоящего времени сохранились в государстве «главные исторические осно-

⁵⁵⁶ Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 г. // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.7.

⁵⁵⁷ Там же. С.8

⁵⁵⁸ Там же. С.9.

вы нашей русской жизни... Православие, Самодержавие и поземельная община»⁵⁵⁹. При этом мыслитель отмечает, что «дворянство и другие сословные учреждения были также в свое время значительной опорой этим трем основным факторам русской жизни, но эти сословные перегородки, несомненно приносившие свою долю пользы Государству, были найдены уже несвоевременными и уничтожены»⁵⁶⁰.

В работе «О всемирной любви» (1880) Леонтьев предупреждает о скором перевороте во всех сферах жизни общества⁵⁶¹. Предчувствуя приближающуюся революцию, он призывает «затормозить хоть немного свою историю, в надежде на то, что можно будет позднее свернуть на вовсе иной путь. И пусть тогда бущущий и гремящий поезд Запада промчится мимо нас к неизбежной бездне социальной анархии»⁵⁶². Леонтьев, все более воспринимающий эстетику православия, заключает, что именно православная религия с крепкой и суровой церковной организацией и есть та самая духовно-культурная основа Российского государства, благодаря которой «цветущая сложность» и «эстетика жизни» еще сохранились в нашем обществе, невзирая на натиск разлагающего «эгалитарно-либерального» прогресса. Леонтьев осознает, что сущность нашей нации неразрывно связана с православием, и лишь оно одно способно спасти Россию от разрушения: «Церковь Вечна, но *Россия* не вечна и, лишившись Православия, она погибнет. — Не сила России нужна Церкви: сила Церкви необходима для России; Церковь Истинная, *духовная* — везде»⁵⁶³. Христианство, по его убеждению, это основа, скрепляющая не только общество, но и государство: «Истинное христианство учит, что *какова бы ни была, по личным немощам своим, земная иерархия, она есть отражение небесной*»⁵⁶⁴. В случае ослабления мистического «стесняющего единства» в обществе немедленно начнутся процессы, сотрясающие его целостность, а именно: затухание разнородной эстетики, ослабление ве-

⁵⁵⁹ Там же. С.90.

⁵⁶⁰ Там же.

⁵⁶¹ Леонтьев К.Н. О всемирной любви // Там же. Т.9. СПб., 2014. С.199-202.

⁵⁶² Леонтьев К.Н. Славянофильство теории и славянофильство жизни // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.468.

⁵⁶³ Леонтьев К.Н. Моя исповедь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.6. Кн.1. СПб., 2003. С.233.

⁵⁶⁴ Леонтьев К.Н. Передовые статьи Варшавского дневника 1880 г. // Там же. Т.7. Кн.2. СПб., 2006. С.13.

ры народа в традиционные институты власти, распространение либеральных и революционных идей, смешение и ассимиляция всех элементов, распад государства. По Леонтьеву, именно вера должна стать противоядием для распространения либерализма в России: «в *настоящее время* для верующего человека (какой бы национальности он ни был) Россия должна быть очень дорога, как самый сильный оплот Православия на земле. Люди слабы, им часто нужна опора внешняя, опора многолюдства, опора сильной власти; опора влиятельной мысли, благоприятно для веры настроенной и т. п. Если же Россия, как сила православная, может быть дорога, в настоящее время, даже и японскому прозелиту, то, разумеется, она должна быть еще дороже русскому верующему человеку. Этот русский верующий человек должен бороться за веру и за Россию, насколько у него есть ума и сил»⁵⁶⁵. Леонтьев отмечает, что конституция еще ни в одном государстве не сделала людей лучше, добрее и нравственнее, в то время как забвение религиозных верований неоднократно приводило государства к анархии и падению, поэтому народы должны жить в религиозном страхе и любви к Всевышнему: «Священный ужас перед неизвестными идеальными пределами; любящий страх перед некоторыми лицами... благоговение при виде даже одном иных вещественных предметов, при виде иконы, храма, утвари церковной... Вот что создает нации, вот что их единит, ведет к победам, славе и могуществу»⁵⁶⁶.

В «творческом консерватизме» Леонтьева православие мировоззренчески обосновывает «богоданность» самодержавной власти, объединяя ее с народом. Монархическая власть, избранная Богом, в представлении религиозного русского народа имела абсолютное право руководить Российским государством⁵⁶⁷. Монархия, лишенная идеи сакральности своей власти, неминуемо приведет к анархии: «Если бы Монархическая власть утратила бы свое безусловное значение и если

⁵⁶⁵ Леонтьев К.Н. Наши окраины // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.29.

⁵⁶⁶ Там же. С.10-11.

⁵⁶⁷ Сакральный характер русской монархии описывали иностранцы, посещавшие Московское государство в XVI-XVII вв. Например, римский дипломат Антоний Поссевино отмечал, что царь «решительно хочет казаться чуть ли не первосвященником и одновременно императором. Можно сказать, что все это заимствовано от греческих императоров и патриархов, и то, что относилось к почитанию Бога, он перенес на прославление самого себя» (См.: Андреева Л.А. Христианство и власть в России и на Западе: компаративный анализ // Общественные науки и современность. М., 2001. № 4. С.97).

бы народ понял, что теперь уже правит им не Сам Государь, а какими-то неизвестными путями набранные и для него ничего не значащие депутаты, то, может быть, скорее простолюдина всякой другой национальности, русский рабочий человек дошел бы до мысли о том, что нет больше никаких поводов повиноваться. Теперь он плачет об убитом Государе в церквях и находит свои слезы *душеспасительными*; а тогда о депутатах он не только плакать бы не стал, но потребовал бы для себя как можно *побольше земли и вообще собственности*, и как можно меньше податей»⁵⁶⁸. В то же время самодержавная власть нравственно ограничена православной религией, не позволяющей ей приобретать диктаторский характер.

Леонтьев убежден, что «истинно русская мысль должна быть, так сказать, прогрессивно-охранительной; выразимся еще точнее: ей нужно быть *реакционно-двигающей*, т. е. проповедовать *движение вперед на некоторых пунктах* исторической жизни, но не иначе, как посредством *сильной власти* и с готовностью на всякие *принуждения*. На месте стоять — нельзя; нельзя и восстанавливать то, что раз по существу своему утрачено (напр(имер), дворянские привилегии в *прежней их форме*); — но можно и должно, одной рукой — охраняя и утверждая Святыню Церкви, могущество Самодержавной власти и развивая и обновляя пренебреженные остатки *быта* нашего, другою — двигать нацию вперед совсем не по западному и *тем более* не по либеральному пути»⁵⁶⁹.

Возможность принятия конституции в России Леонтьев оценивает отрицательно, прежде всего, из-за особенностей национального менталитета русского народа. По его убеждению, в России человек ориентируется не на право, а на нравственные и религиозные ценности, поэтому порядок и дисциплина в необразованной части российского общества держатся не на подчинении закону, а на мистически-духовном чувстве к самодержцу: «Нужно удивляться только, как это могли некоторые даже и благонамеренные люди желать ограничения Царской власти в надежде на лучшее умиротворение России! Русский простолюдин сдерживается гораздо более своим духовным чувством к особе Богопомазанного

⁵⁶⁸ Леонтьев К.Н. Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.10.

⁵⁶⁹ Там же. С.8-9.

Государя и давней привычкой повиноваться Его *слугам*, чем какими-нибудь естественными свойствами своими или вовсе не воспитанным в нем историей уважением к отвлеченностям закона»⁵⁷⁰. В силу отсутствия демократических политических традиций в России в отличие от Запада, конституционное устройство неизбежно приведет к ослаблению дисциплины русского народа и силы централизованной власти: «Повиновение русскому человеку ... в случае конституционной реформы, перестало бы нравиться, как нравится еще оно ему теперь... Конституция, *ослабивши русскую власть*, не успела бы в то же время внушить народу *английскую любовь к законности*»⁵⁷¹.

Таким образом, в русле отечественной консервативной тенденции Леонтьев стремился совместить религиозные и правовые понятия в российской системе государственного управления, подкрепляя право религиозным догматом. В связи с этим идея замены монархического самодержавия на конституционно-парламентскую форму правления рассматривалась им как угроза основам российской государственности, разрушение национальной самобытности и «цветущей сложности»⁵⁷². Мыслитель улавливает внутренние и внешние толчки потрясений российской монархии и русского народа и с наступлением господства демократии связывает «канун распада государства»⁵⁷³.

Леонтьев резко выступает против всякой революции и не верит в блага, которые якобы несут с собой радикальные преобразования, поскольку он проницательно разглядел логику исторического процесса, опыт которого говорит о том, что плоды революции могут оказаться еще более горькими, чем ее предпосылки. Об этом еще в XVI в. М. Монтень писал так: «Всякий, кто хочет устранить только то, что причиняет ему страдание, недостаточно дальновиден, ибо благо necessarily идет следом за злом; за ним может последовать и новое зло, и притом еще худшее»⁵⁷⁴. То же самое, но своими словами произносит Леонтьев: «Нет, вывести

⁵⁷⁰ Там же. С.10.

⁵⁷¹ Там же. С.10-11.

⁵⁷² См.: Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С.152-153.

⁵⁷³ Леонтьев К.Н. «Московские ведомости» о двоевластии // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.2. СПб., 2009. С.8.

⁵⁷⁴ Монтень М. Опыты. Избранные главы. М., 1991. С.484.

насилие из исторической жизни — это то же, что претендовать выбросить один из основных цветов радуги из жизни космической... Этот цвет, эта великая категория жизни придет в новой и сильнейшей форме. *Чума* почти исчезнет, чтобы дать место холере»⁵⁷⁵. Эти убеждения вызвали положительный отклик Н. А. Бердяева, отметившего, что Леонтьев «глубоко проникал во внутреннюю диалектику общественного процесса. Он великий разоблачитель всех иллюзий»⁵⁷⁶.

Резкая критика Леонтьевым либеральных учений также обуславливалась тем, что пронизательный разум мыслителя смог различить в многообещающих призывах либералов радикальный настрой. Этот настрой выражался, в частности, в том, что в религиозный по сути лозунг «Свобода, равенство, братство» вкладывалось социальное содержание, извращающее его глубинный смысл. Внутренняя свобода заменяется свободой политической, равенство всех перед Богом заменяется на равенство всех перед законом, а братство представляется не как соборность сознания верующих, а солидарность всех трудящихся, отстаивающих свои права. Эти евангельские по своему происхождению лозунги, лишенные идеи смирения и понятые вне своего источника, приводят к освобождению от ответственности перед Богом и подмене нравственных понятий добра и зла утилитарными понятиями пользы и вреда: «Любовь без смирения и страха пред положительным вероучением, горячая, искренняя, но в высшей степени *своевольная*, либо тихо и скрытно гордая, либо шумно тщеславная, исходит не прямо из учения Церкви; она пришла к нам не так давно с Запада; она есть самовольный плод *антрополатрии*, новой веры в *земного человека* и в земное человечество — в идеальное, *самостоятельное, автономическое* достоинство *лица* и в высокое практическое назначение «всего человечества» здесь на земле. Любовь без страха и смирения — есть лишь одно из проявлений... того *индивидуализма*, того обожания прав и достоинств человека, которое воцарилось в Европе с конца XVIII века и, уничтожив в людях веру в нечто высшее, от них не зависящее, заставив людей *забыть страх и стыдиться смирения*, привело на край революционной пропасти все те западные общества, в которой эта *антро-*

⁵⁷⁵ Леонтьев К.Н. Письмо к Е.С.Карцевой. 23 апреля 1878 г., Любань // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.11. Кн.2. СПб., 2019. С.217.

⁵⁷⁶ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М., 2007. С.100.

полатрия пересилила любовь к Богу и веру в святость Церкви и в священные права Государства и семьи»⁵⁷⁷. Леонтьев убежден, что человеческие общества держатся не тем, что они обрели нового, а тем, что еще не успели уничтожить в себе все старое. Отвергая человеческую мораль без веры в Бога, Леонтьев заключает: «Любовь к человечеству самовольная, чисто-утилитарная, ничем не сдержанная и не направленная — есть односторонность и ложь»⁵⁷⁸. Стремясь предотвратить надвигающийся хаос, Леонтьев в своей социально-политической публицистике 1880 г. все большее внимание уделяет темам созидательного «стеснения», ограничения и «спасительного насилия».

По мнению современных исследователей, «прогрессивно-хранительное» направление творчества сформировалось у Леонтьева к 1880–1881 гг. Основные положения таких взглядов были высказаны им в «Записке о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге» (1881)⁵⁷⁹, в которой также была озвучена тема социализма. В частности, Леонтьев отмечает, что в предреволюционной России «организация отношений между трудом и капиталом в том или другом виде есть историческая неизбежность»⁵⁸⁰. По его мнению, «только одна могучая Монархическая власть, ничем, кроме собственной совести, не стесняемая, освященная свыше религией, благословенная Церковью, только такая власть может найти практический вывод из неразрешимой, по-видимому, современной задачи примирения *капитала и труда*»⁵⁸¹. В этот же период Леонтьев приходит к мысли, что новой организующей и дисциплинирующей иерархической системой будущего может быть социализм. Невзирая на то, что идеи социализма предполагали, в первую очередь, общественное устройство на принципах равенства, свободы и социальной справедливости, мыслитель проницательно разглядел в социализме его деспотически-организующие начала, иерархию и дисциплину: «Социализм (т.е. глубокий и отча-

⁵⁷⁷ Леонтьев К.Н. Наши новые христиане Ф.М. Достоевский и Гр. Лев Толстой // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.9. СПб., 2014. С.171.

⁵⁷⁸ Там же. С.172.

⁵⁷⁹ См.: Фетисенко О.Л. Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб., 2012. С.76.

⁵⁸⁰ Леонтьев К.Н. Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.12.

⁵⁸¹ Там же. С.11.

сти насильственный экономический и бытовой переворот) теперь, видимо, неотвратим, по крайней мере, для *некоторой части человечества*. Но, не говоря уже о том, сколько страданий и обид его воцарение может причинить побежденным (т.е. представителям либерально-мещанской цивилизации), сами победители, как бы прочно и хорошо не устроились, очень скоро поймут, что им далеко до благоденствия и покоя. *И это как дважды два четыре*, вот почему: эти будущие победители устроятся *или свободнее, либеральнее нас, или, напротив того*, законы и порядки их будут несравненно стеснительнее наших, строже, принудительнее, даже *страшнее*⁵⁸². В письме Т.И. Филиппову от 20 сентября 1882 г. Леонтьев сравнивает социализм и либерализм: *«Задняя мысль моя та (говорю это Вам конфиденциально), что истинная революция по существу есть либерализм, эмансипация во всех ее видах, а социализм есть готовящийся отпор старой европейской революции, это есть глубокая вековая, организующая постепенно реакция будущего (и уже недалекого, XIX век кончается!). Социализм скоро оставит свои инзуррекционные приемы и сделается орудием новой корпоративной, сословной, градативной, не либеральной и не эгалитарной структуры государства. Он вынужден будет сочетаться с сохраненными консервативными историческими началами так или иначе, видоизменяя их и видоизменяясь сам, и либерализм, индивидуализм, меркантилизм и все тому сродное будет раздавлено между историческими остатками и передовым экономическим порывом. Велико будет государство или племя, которое возьмет в руки это исполинское движение нового феодализма... А для того, чтобы говорить все прямо, для этого надо взять Царьград»*⁵⁸³. Леонтьеву импонировали в социализме строгая дисциплина и иерархия, отсутствующие в либеральных теориях.

А. В. Репников отмечает, что Леонтьев первым среди русских консерваторов ввел в употребление понятие «корпорация», обозначающее совершенно другое явление, нежели термин «сословие». Так, если под сословием понималась социально наследственная группа, то «корпорация» означала социальную группу, принадлежность к которой определялась по профессиональному признаку. Кроме

⁵⁸² Леонтьев К.Н. О всемирной любви // Там же. Т.9. СПб., 2014. С.200.

⁵⁸³ Леонтьев К.Н. Письмо Т.И. Филиппову. 20 сентября 1882 г., Москва // Там же. Т.11. Кн.2. СПб., 2019. С.489.

того, по мнению Репникова, Леонтьев одним из первых консервативных мыслителей обратил внимание на необходимость решения «рабочего вопроса» (прежде всего, в контексте осмысления западноевропейского опыта)⁵⁸⁴. Леонтьев полагал, что «порабощение голодающего труда многовластному капиталу» неизбежно приведет Европу, а впоследствии и Россию к социалистической революции⁵⁸⁵.

Несмотря на исключительно западное происхождение социализма, Леонтьев был убежден, что ростки социалистических идей могут взойти на российской почве в связи с назревшими социально-политическими проблемами, в частности сложившимися противоречиями между буржуазией и пролетариатом (так называемым «рабочим вопросом»), и осознавал всю неизбежность образования «рабоче-мещанской» республики⁵⁸⁶. Стараясь предотвратить катастрофу, Леонтьев указывает на назревшую необходимость проведения экономических и социальных реформ в интересах рабочих. Однако, с его точки зрения, не всякий социализм «имеет будущее» в России и сможет противостоять буржуазии, а лишь социализм «как законная организация труда и капитала, как *новое принудительное закрепощение человеческих обществ*»⁵⁸⁷ поможет избежать рабочую революцию и сохранить Монархию⁵⁸⁸. Создать в России «этот новый порядок, не вредящий ни Церкви, ни семье, ни высшей цивилизации, — не может никто, кроме Монархического правительства», — утверждал Леонтьев⁵⁸⁹.

В этой связи Леонтьев рассматривает социализм в двух вариантах: как идею социального равенства и «хранительный» социализм, адаптированный для российской почвы. Социализм как идею социального равенства, «нигилистический бунт и бред все-отрицания» мыслитель отвергал, поскольку в этом стремлении

⁵⁸⁴ См.: Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С.365-366.

⁵⁸⁵ Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. 2007.С.203.

⁵⁸⁶ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н.Леонтьев. М., 2000. С.38-39.

⁵⁸⁷ Леонтьев К.Н. Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.16.

⁵⁸⁸ См. подр.: Столярова И.Ф. Предчувствие русской революции в политическом творчестве К.Н. Леонтьева // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XX вв. Материалы V Международной конференции. Липецк, 2017. С.111.

⁵⁸⁹ Леонтьев К.Н. Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.16.

социалисты уподобляются либералам, а практическое воплощение идей равенства противоречит человеческой природе. Однако, разглядев в социализме «хранительный» потенциал, Леонтьев задумывается, не сможет ли «аграрно-рабочий вопрос» стать «корпоративно-сословной реакцией будущего»⁵⁹⁰, и приходит к выводу, что если рассматривать социализм не с революционно-либеральной позиции, отбросив идеи личных прав и всеобщего экономического равенства, то его сущность можно свести к новому способу закрепощения лиц «к разным корпорациям, сословиям, учреждениям, внутренне-принудительным общинам и отчасти даже и другим лицам, как-нибудь особо высоко карьерой или родом поставленным»⁵⁹¹, а это именно то, что нужно пореформенному российскому обществу⁵⁹².

Для того, чтобы социализм принял «хранительный» характер, необходимо на государственном уровне разработать соответствующую доктрину. В первую очередь, чтобы избежать «потоков крови и неисчислимых ужасов анархии»⁵⁹³, к которым приведет революция, нужно решить «рабочий вопрос», но не разрушительно как на Западе, а творчески и созидательно в соответствии с нашим славянским менталитетом: «Народу нашему — утверждение в Вере и *вещественное обеспечение* нужнее прав и *реальной науки* — Поменьше прав и поменьше пода-тей, поменьше школ и побольше церквей и монастырей; — поменьше кабаков и побольше хороших больниц; поменьше судебных любезностей и побольше «земли», где можно и когда можно. Побольше местного самоуправления с *мужицким оттенком* в уездах и побольше *отеческого самоуправления* в высших сферах власти. — Только удовлетворяя в одно и то же время и *вещественным*, и *высшим* (религиозным) потребностям русского народа, можно вырвать грядущее поколение простолюдинов из когтей нигилистической гидры» и устроить социализм «в здоровой безобидной форме новой и постепенной государственной организа-

⁵⁹⁰ См.: Леонтьев К.Н. Письма о Восточных делах // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.103.

⁵⁹¹ Там же.

⁵⁹² См. подр.: Столярова И.Ф. Предчувствие русской революции в политическом творчестве К.Н. Леонтьева // Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XX вв. Материалы V Международной конференции. Липецк, 2017. С.112.

⁵⁹³ См.: Леонтьев К.Н. Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.11.

ции»⁵⁹⁴. Леонтьев надеется, что, придав социалистическому движению государственные формы, преобразив его в «хранительный социализм» или даже социалистическую монархию, это поможет избежать пугачевщины и анархии⁵⁹⁵.

Причины разложения русского общества Леонтьев усматривает в разрыве прочных связей внутри социальных групп, чему способствуют такие новые явления в российской действительности, как свобода договора, краткосрочность и всесословность воинской службы, гражданский брак: «Долговременная и привычная *разно-мерная* и *разно-степенная* принудительность прежних *сословно-корпоративных* и *провинциально-разнородных* государств и государственных союзов заменилась таким строем, который можно назвать *свободно-ассоциационным* или стремящимся приблизиться к этому идеалу *легкорасторжимых свободных ассоциаций*»⁵⁹⁶. Чтобы укрепить прочность государственного строя Леонтьев предлагает создать «юридические ограды», закрепляющие привилегии и особые права на власть за дворянством. По его мнению, без «этих юридических оград все очень скоро смешивается и теряет силы, форму, выразительность»⁵⁹⁷. Леонтьев предлагает следующие варианты закрепощения общества, предусматривающие закрепление особых привилегий за отдельными сословиями: «Во-1-х, какие-то искусственные и беспощадные железные крюки администрации; во-2-х, сохранение всех тех *неравенств* и всех тех *неравноправностей*, которые можно еще сохранить дружными усилиями»⁵⁹⁸. Он предлагает думать не о том, как освободить крестьянство от их прикрепления к мелким участкам, «а *дворян* (если мы хотим спасти это сословие для культуры) самих насильно как-нибудь *прикрепить* к их крупной *личной собственности*»⁵⁹⁹. Только это могло бы сохранить сами сословия, ведь «все истинно великое, и высокое, и прочное вырабатывается *никак не благодаря повальной свободе и равенству, а благодаря раз-*

⁵⁹⁴ Леонтьев К.Н. Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге // Там же. С.11.

⁵⁹⁵ См.: Волгогонова О.Д. Константин Леонтьев. М., 2013. С.371-371.

⁵⁹⁶ Леонтьев К.Н. Наши окраины // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.36-37.

⁵⁹⁷ Леонтьев К.Н. Достоевский против русского дворянства // Там же. С.481

⁵⁹⁸ Леонтьев К.Н. Наши окраины // Там же. С.37.

⁵⁹⁹ Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Там же. С.205.

нообразию положений, воспитания, впечатлений и прав, в среде, объединенной какой-нибудь высшей и священной властью»⁶⁰⁰.

В письме А. А. Фету от 3 февраля 1888 г. Леонтьев даже приводит схему необходимого разделения общества: «богатое дворянское имение и с другого конца богатая, сытая, община неотчуждаемых участков»⁶⁰¹. Он указывает, что в борьбе с «подвижным капитализмом» собственность «надо прикрепить законом с двух концов — со стороны самой крупной и со стороны самой мелкой»⁶⁰². Внутри дворянского сословия он предлагает провести разделение по имущественному цензу и закрепить права и привилегии в зависимости от обладаемой собственности: чем крупнее собственность, тем больше привилегий, а также установить строжайшую неотчуждаемость земельного минимума. Права дворян, потерявших свою собственность, предлагается приравнять к правам купечества или разночинства, оставив при этом за ними присвоенные им титулы. По его мнению, внутри крестьянской общины также не должно быть равенства: «...здесь — некоторое кулачество должно быть не только терпимо, но и покровительствуемо; богат... — имей больше признанной власти в общине; — совсем разорился, выходи, но участок обязана купить та же община или припустить другого на место. — И тут — ценз»⁶⁰³. Мыслитель подчеркивает, что эти нововведения должны быть законодательно закреплены и практически применяться. В работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (1888) он пишет о преобразованиях коммунизма, которые неизбежно приведут «к меньшей подвижности капитала и собственности, ...к новому юридическому неравенству, к новым привилегиям, к стеснениям личной свободы и принудительным корпоративным группам, законами резко очерченным; вероятно даже, к новым формам личного рабства или закрепощения»⁶⁰⁴.

Основные организационно-хозяйственные принципы «хранительного» социа-

⁶⁰⁰ Леонтьев К.Н. Письма о Восточных делах // Там же. С.104-105.

⁶⁰¹ Леонтьев К.Н. Письмо А.А.Фету. 3 февраля 1888 г., Оптина Пустынь // Там же. Т.12. Кн.2. СПб., 2020. С.20.

⁶⁰² Там же. С.19.

⁶⁰³ Там же. С.21.

⁶⁰⁴ Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Там же. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.213.

лизма Леонтьев перенял во многом из уклада монашеской жизни на Афоне. Так, в статье «О всемирной любви» (1880) мыслитель пишет о жизни при социализме, которая для «новых людей должна быть гораздо тяжелее, болезненнее жизни хороших, добросовестных монахов в строгих монастырях (например, на Афоне)⁶⁰⁵. В письме А. А. Фету 3 февраля 1888 г. Леонтьев сравнивает свою систему в России с обустройством быта монахов: «Это будет похоже с хозяйствен<ной> стороны на монастыри, ни равенства, ни свободы; — а монастыри хозяйничают хорошо»⁶⁰⁶. В работе «Культурный идеал и племенная политика» (1890) Мыслитель вновь указывает сходство между монастырским и социалистическим укладами: «Монастыри процветают не от жертв одних, это не надеж<но> и не ровно; они процветают хозяйстве<нно> потому, во-1-х, что недвижимость их неотчуждаема; — во-2-х, потому, что внутри нет ни свободы, ни равенства (*власть* Игумена; *привилегии* иеромонахов, иеродиакон<ов>, мантийных и т.д.); в-3-х, потому, что движущее ими начало не чисто хозяйственное, не рационалистич<еское>, а *супернатуральное*, религиозн<ое>. — Монастыри суть, таким образом, живые образцы *реального* (т.е. возможн<ого>), но не *рационалистичес<кого> социализма*»⁶⁰⁷.

6 июля 1888 г. Леонтьев в письме И. И. Фуделю описывает свой социально-политический идеал следующим образом:

«1) *Государство* должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно. Вообще *сурово*, иногда и до свирепости.

2) *Церковь* должна быть *независимее* нынешней. Иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее. Церковь должна *смягчать* государственность, а не наоборот.

3) *Быт* должен быть поэтичен, *разнообразен в национальном*, обособленном от Запада *единстве*...

4) *Законы*, принципы власти должны быть *строже*; люди должны стараться быть лично *добрее*; одно уравнивает другое.

⁶⁰⁵ Леонтьев К.Н. О всемирной любви // Там же. Т.9. СПб., 2007. С.201.

⁶⁰⁶ Леонтьев К.Н. Письмо А.А. Фету. 3 февраля 1888 г., Оптина Пустынь // Там же. Т.12. Кн.2. СПб., 2020. С.21.

⁶⁰⁷ Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика (главы IV и V. другая редакция) // Там же. Т.8. Кн.2. СПб., 2009. С.250-251.

5) *Наука* должна развиваться в духе глубокого презрения к своей *пользе*»⁶⁰⁸.

При этом Леонтьев отмечает недостаточность действий русского правительства в сложившейся ситуации: «Местные вольности, земские соборы и т.п. при крепком *сословном строе*, при *крепостном праве*, при *боярстве* или *дворянстве*, при силе Патриаршества и монастырей, при простой до грубости вере в *мистические* и *обрядовые* стороны Православия дадут, конечно, более национальных плодов, чем неограниченное действие Петербургской централизации. Но и сама Петербургская централизация спасительнее для всего: для величия государства, для безопасности, даже для религии и для поэзии, чем *смешение*, *бессословное* земство; чем слишком свободное, вовсе не религиозное, эгалитарное, капиталистическое и большей частью *вовне по внутренним вкусам* европейское общество»⁶⁰⁹.

Леонтьев указывает, что установившееся в Европе гражданское равноправие не сделало людей счастливее их средневековых предков. Несмотря на устранение некоторых проблем, в целом люди стали чувствительнее и требовательнее к жизненным условиям — «претензий в толпе больше», но абсолютного равенства не появилось. Более того, мыслитель подчеркивает: «*Группы и слои* необходимы; но они никогда не уничтожались дотла; а только перерождались, переходя из одной достаточно прочной формы, через посредство форм непрочных и более подвижных, более смешанных, опять в новые, в другие *более прочные* формы... Какие бы революции ни происходили в обществе, какие бы реформы ни делали Правительства — *все остается*; но является только в иных сочетаниях сил и перевеса»⁶¹⁰. Какие бы народные революции и государственные перевороты не происходили, люди не смогут жить без государства, а в государстве и далее будет существовать насилие и социальная несправедливость, ибо оно так устроено и иначе быть не может. Так, стремление к всеобщему равенству неминуемо обернется революцией, которая изменит баланс сил в обществе и приведет к установлению новых привилегий для одних и новых форм закрепощения для других при общем ограничении

⁶⁰⁸ Леонтьев К.Н. Письмо И.И. Фуделю. 6 июля 1888 г., Опт.пустынь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Приложение. Кн.1. СПб., 2012. С.92.

⁶⁰⁹ Там же. С.86.

⁶¹⁰ Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.201-202.

прав и свобод для всех: «социализм, понятый как следует, есть не что иное, как новый феодализм уже самого недалекого будущего... в самом широком его смысле, т.е. в смысле глубокой неравноправности классов и групп, в смысле разнообразной децентрализации и группировки социальных сил, объединенных в каком-нибудь живом центре духовном или государственном, в смысле *нового закрепощения* лиц *другими лицами и учреждениями*, подчинение одних общин другим общинам, несравненно сильнейшим или чем-нибудь облагороженным (так, например, как были подчинены у нас в старину *рабочие селения монастырям*)»⁶¹¹. Конституция, ослабив государственную власть, приведет к расшатыванию устоев Российского государства и последующему хаосу: «Сделайте у нас конституцию — капиталисты сейчас разрушат поземельную общину; разрушите общину — быстрое расстройство доведет нас до окончательной либеральной глупости — до палаты представителей, т.е. до господства банкиров, адвокатов, *землевладельцев* не как дворян (это бы еще ничего), а опять-таки как представителей такой *недвижимости*, которую очень легко обратить в движимость когда угодно, ни у кого не спросясь и нигде не встречая препятствий»⁶¹². По мнению Леонтьева, основами устойчивости государственной власти в России традиционно являлись православие и самодержавие, и демократии здесь не место. Русский народ исторически привык безоговорочно «вручать себя» в руки богоизбранной власти. В таких условиях демократическое требование выражения воли от народа, слабо разбирающегося в «государственных» вопросах, нарушит социальный порядок и неминуемо приведет к разрушению традиционных и устойчивых государственно-правовых форм. Этот подход Леонтьева к проблеме демократии был раскритикован С. Н. Трубецким: «В своем крайне последовательном развитии демократия представляется ему анархической. Во-вторых, космополитический идеал всеобщего земного благоденствия представляется ему призрачной, неосуществимой утопией ложного материалистического оптимизма. В-третьих, наконец, во всеобщей демократической нивеляции общества и личностей, в этом приведении всех под один общий средний уровень, Леонтьев видит окончательную гибель не только всякого индивидуального разно-

⁶¹¹ Там же. С.215.

⁶¹² Там же. С.205.

образия, самобытности, творчества, но и самой индивидуальной свободы человека, которая уживается легче с жестоким деспотизмом, чем с этим всеобщим демократическим равенством»⁶¹³. Трубецкой также отмечал, что «во всеобщем разрушении всех политических основ современного строя» Леонтьев «не различает зиждущих, охранительных начал будущего общества»⁶¹⁴. Однако сама история подтвердила верность прогнозов Леонтьева и обоснованность его опасений.

В конце 80-х–начале 90-х гг. XIX в. Леонтьев, понимая, что революцию уже не остановить, стал все чаще пытаться связать судьбу российского государства с социализмом. Так, в черновиках к статье «Владимир Соловьев против Данилевского» (1888) Леонтьев пишет о таком «экономическом и хозяйственном устройстве общества, при котором *земельный коммунизм* и *хозяйственный социализм* рабочего класса не только не был бы орудием анархии, а, напротив того, сопрягался бы и сочетался многообразно, прочно и благотворно и с Самодержавием, и с *тем* — что зовет г. Соловьев *национальной мистикой*»⁶¹⁵. Леонтьев также замечает, что при социалистическом устройстве личная собственность не упраздняется, но она становится «неотчуждаемой»: «Собственность — неотчуждаемая и *лично-сословная*, — рядом с собственностью — *общинно-государственной* и тоже неотчуждае<мое>. — Таковую теорию я считаю не мечтою, не «благочестивым желанием» — но одним из таких *необходимых* условий нашего дальнейшего развития — без которого наша Россия — должна весьма *ненадолго* пережить Европу, эгалитарно тающую сверху и анархически (либерально) — взрываемую снизу»⁶¹⁶.

3 сентября 1889 г. в письме к Т. И. Филиппову Леонтьев так обозначил будущее России: «...или 1) *Особая культура, особый строй, особый быт*, подчинение *своему Церковному Единству*; или 2) *Подчинение Славянской государственности Римскому Папству*; или 3) *Взять в руки крайнее революционное движение* и, ставши во гла-

⁶¹³ Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // Константин Леонтьев. Pro et contra: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891—1917 гг. в 2-х кн. Кн.1. СПб., 1995. С.136.

⁶¹⁴ Там же.

⁶¹⁵ Леонтьев К.Н. Черновой вариант главы XIII статьи «Владимир Соловьев против Данилевского» // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.2. СПб., 2009. С.209.

⁶¹⁶ Там же. С.211-212.

ве его — стереть с лица земли *буржуазную* культуру Европы. — Недаром — построилась и *не достроилась* еще — эта великая государственная машина, которую зовут Россией... Нельзя же думать, что она *до самой* (до неизбежной *во времени* все-таки) до гибели и смерти своей доживет только как политическая, т.е. как механическая — сила, без всякого идеального, хотя бы и самого ужасного, но все-таки идеального влияния на историю»⁶¹⁷.

Предчувствуя надвигающиеся перемены, в конце 80-х–начале 90-х гг. XIX в. Леонтьев вновь обращается к идее о возможности соединения монархии и социализма путем проведения монархической властью реформ сверху. Так, в письме К. А. Губастову 15 марта 1889 г. Леонтьев отмечает, что «социализм в XX и <X>XI веке начнет на почве *государственно-экономической* играть ту роль, которую играло Христианство на почве — *религиозно-государствен<ной>* тогда, когда оно начинало уже *торжествовать*. Теперь социализм еще находится в *периоде мучеников и первых общин*, там и сям разбросанных. — Найдется и для него свой *Константин*; — (очень может быть и *даже всего вероятнее, что этого экономического, венчанного Константина* будут звать Александр, Николай, Георгий; т.е. есть ни в каком случае *не Лудовик*, не Наполеон, не Вильгельм, не Франциск и не Джемс, не Георг»⁶¹⁸. В очередном письме Губастову 17 августа 1889 г. он вновь делится своими надеждами на социализм: «*Чувство мое* пророчит мне, что *Славянский Православный Царь* воз<ь>мет когда-нибудь в руки *социалистическое* движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви *учредит* социалистическую форму жизни на место — буржуазно-либеральной. — И будет этот *социализм* новым и суровым *тройким рабством: общинам, Церкви и Царю*»⁶¹⁹. Леонтьев неспроста проводит параллели между социализмом и христианством. Полагая, что популярности социализма способствует его мессианский смысл и вселенский оттенок, мыслитель утверждает, что в России социализм приобретет религиозные и жертвенные чер-

⁶¹⁷ Леонтьев К.Н. Письмо Т.И. Филиппову. 3 сентября 1889 г., Оптина пустынь // Там же. Т.12. Кн.2. СПб., 2020. С.345.

⁶¹⁸ Леонтьев К.Н. Письмо К.А. Губастову. 15 марта 1889 г., Оптина пустынь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.12. Кн.2. СПб., 2020. С.230.

⁶¹⁹ Леонтьев К.Н. Письмо К.А.Губастову. 17 августа 1889 г, Оптина пустынь // Там же. С.322.

ты. Он не был одинок в подобном убеждении. Определенный псевдорелигиозный налет видели в социализме также Данилевский и Тихомиров⁶²⁰.

В 1890 г. в незавершенной статье «“Московские ведомости” о двоевластии» Леонтьев раскрывает свою идею более подробно: «Социализм так или иначе *восторжествовать* должен. — Что он такое будет — сам этот социализм — орудие ли только всеобщей анархии или залогом и основой нового неравенства и деспотической организации — это еще загадка. — Но, сообразивши, с одной стороны, то, что полная анархия никогда долго продолжаться не может и очень скоро вызывает потребность еще более строгого порядка; а с другой, что то полнейшее равенство прав, положения, обеспеченности и воспитания, — которого требуют социалисты эгалитарные, — физиологически *невозможно*; — надо думать, что социализм может переродиться на практике и принять организующее направление. *Организация* же есть *непрерывно* неравенство, власть, — *принудительн<ые>* группы и слои и т.д. По выходе из анархии придется опять повиноваться, опять слушаться и нехотя; опять выносить нечто вроде нового рабства, нечто вроде нового деспотизма, быть может, даже нечто вроде новых сословий... Если эта организация будет снабжена достаточн<ою> властью, достаточн<ою> неравноправнос<тью>, — то она может держаться не век, а целые *века*, подобно феодализ<му>; — если эта власть и эта неравноправность будут слабо выражены, то и *эта форма* будет непрочна; ее господство будет считаться только годами, а не веками»⁶²¹. В работе «Культурный идеал и племенная политика» Леонтьев прямо называет наделение крестьян землей «мерой *государственно-социалистической*», кроме того, «эту благую охранительную меру можно назвать еще сверх того и вполне *национальной в культурн<ом> смысле*»⁶²², то есть Леонтьев признает социализм соответствующим национальным культурным особенностям России. Это — мера хранительная, идущая на благо, она является залогом будущего «своеобразного» государственно-экономического строя — «Принудительно-общинного;

⁶²⁰ См.: Репников А.В. Вступительная статья // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 2010. С.22.

⁶²¹ Леонтьев К.Н. «Московские Ведомости» о двоевластии // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.2. СПб., 2009. С.9-10.

⁶²² Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика // Там же. С.39.

— сословно-социалистического»⁶²³, только в новом социалистическом строе и дворяне должны быть прикреплены к земле⁶²⁴.

Исследуя феномен социализма, Леонтьев обращает внимание на статью Л.А. Тихомирова «Социальные миражи современности», опубликованную в журнале «Русское обозрение» в июле 1891 г. В этой статье Тихомиров обосновывал, что в случае воплощения социализма, общество будет построено на жестком подавлении личности в интересах государства, а в вовсе не на принципах абсолютной свободы и всеобщего равенства, как говорят социалисты. Тихомиров предвещал, что в обществе, построенном на социалистической основе, важное место займут карательные органы и пропагандисты, идеологически обосновывающие действия власти⁶²⁵. Эти интуиции Тихомирова совпали с предчувствиями Леонтьева, который сделал из этого противоположный вывод о том, что социализм будет полезен России, потому что породит жесткую авторитарную власть, препятствующую распаду государства и «расползанию» общества⁶²⁶. Так, в письме Л. А. Тихомирову 20 сентября 1891 г. Леонтьев описал свое видение коммунизма и социализма: «Я имею некий особый взгляд на коммунизм и социализм, который можно формулировать двояко: во-1-х, так: либерализм есть революция (смещение, ассимиляция); социализм — есть деспотич<еская> организация (будущего). — и иначе: «Осуществление Социализма в жизни будет выражением потребности приостановить излишнюю подвижность жизни...»⁶²⁷. Тихомиров в своих воспоминаниях также подтверждал, что Леонтьеву начинало казаться, что роль коммунизма «исторически не отрицательная, а положительная»⁶²⁸.

В понимании Леонтьева строгая и незыблемая власть необходима России, потому что самодержец является единым связующим звеном между враждующими сословиями, способным сгладить их внутренние противоречия и направить к достижению единой общей цели — блага российского государства: «Для замедления всеобщего уравнивания и всеобщей анархии необходим могучий Царь. Для

⁶²³ Там же. С.47.

⁶²⁴ См.: там же. С.39.

⁶²⁵ См.: Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С.136.

⁶²⁶ См.: Волкогонова О.Д. Константин Леонтьев. М., 2013. С.420.

⁶²⁷ Леонтьев К.Н. Письмо Л.А. Тихомирову. 20 сентября 1891 г., Сергиев Посад // Там же. Кн.3. СПб., 2021. С.198.

⁶²⁸ Тихомиров Л.А. К.Н. Леонтьев // Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С.646.

того, чтобы Царь был силен, то есть и *страшен*, и *любим*, — необходима *прочность строя*, меньшая *переменчивость* и *подвижность* его; необходима устойчивость *психических навыков* у миллионов подданных его. Для устойчивости этих психических навыков необходимы сословия и крепкие общины»⁶²⁹. Отмена дворянских привилегий приведет к тому, что государственная власть не сможет опереться в проводимой политике на поддержку дворянства, что неминуемо повлечет хаос, поэтому чтобы «царская власть была *долго сильна*, не только не нужно, чтобы она опиралась прямо и непосредственно на простонародные толпы, своекорыстные, страстные, глупые, подвижные, легкоразвратимые, но — напротив того — необходимо, чтобы между этими толпами и Престолом Царским возвышались *прочные сословные ступени*, необходимые *боковые опоры* для здания долговечного монархизма... *Сами сословия* или, точнее, *сама неравноправность* людей и классов важнее для государства, чем *Монархия*»⁶³⁰. Только разделение российского общества на сословия способно сохранить их особенности, служащие сохранению стабильности в обществе и развитию государства.

От развинченности народа, которое сулил демократизм, Леонтьев не ждал ничего хорошего, ибо «устойчивость народа зиждется на совестливой стесненности, как стеснены дурные поступки в семье под оком отца: русский народ должен быть «мудро *стеснен* в своей свободе»⁶³¹. С точки зрения Леонтьева, это необходимо для того, чтобы «при меньшей свободе, при меньших порывах к равенству прав будет больше *серьезности*, а при большей *серьезности* будет *гораздо* больше и того истинного *достоинства в смирении*, которое его так красит»⁶³². Смирение и покорность Леонтьев считал важными качествами русского народа, составляющими его величие и душевную красоту. Если же по каким-либо причинам русский народ не сумеет удержать в себе эти качества, то «через какие-нибудь полвека, не более, он из народа — «богоносца» станет мало-помалу, и сам того не замечая, «народом богоборцем», и даже скорее всякого другого народа быть мо-

⁶²⁹ Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.459.

⁶³⁰ Там же. С.454.

⁶³¹ Там же. С.458.

⁶³² Там же.

жет. Ибо, действительно, он способен во всем доходить до крайностей»⁶³³. В своем письме к В. В. Розанову Леонтьев обосновывает свой вывод о том, что необходимость строгой государственной и церковной власти в России обусловлена самим нравом русского народа, в котором пороки «очень большие и *требуют большей*, чем у других народов, *власти* церковной и политической. То есть *наибольшей меры* легализованного внешнего насилия и *внутреннего* действия *страха* согрешить. А куда нам «любовь»? *Народ* же, выносящий и страх Божий, и *насилие*, есть *народ будущего* ввиду общего безначалия»⁶³⁴. Леонтьев ощущает ослабление религиозности русского народа и предчувствует приближение атеистического будущего: «Мы неожиданно лет через 100 каких-нибудь из нацерковных или слабоцерковных, а потом бесцерковных или уже слабоцерковных, — родим того самого антихриста, о котором говорит епископ Феофан»⁶³⁵. В связи с этим необходимо строжайшим образом охранять православие и церковную дисциплину, в противном случае русский народ станет безрелигиозным, а Россия лишится своей духовно-культурной сущности и исчезнет.

Бердяев по этому поводу замечает: «Он так далеко идет, что начинает видеть единственную миссию русского народа в том, чтобы родить из своих недр Антихриста. Уже в 80-е годы он чувствует, что Россия идет к революции, и предсказывает, какой будет эта революция. Коммунистическую революцию он предвидел более точно и детально, чем Достоевский. Он предсказывает, что революция будет тиранической и кровавой, что она будет не либеральной, а коммунистической, что в ней не будут провозглашены права и свободы и будет низвержена либерально-радикальная интеллигенция. Революция не будет гуманной, и ей понадобятся древние инстинкты властвования и подчинения... Он хотел спасти остатки благородной аристократической культуры. Для этого Леонтьев хватается за последние средства, он предлагает русскому царю ввести коммунизм сверху»⁶³⁶.

⁶³³ Там же.

⁶³⁴ Леонтьев К.Н. Письмо к В.В. Розанову. 8 мая 1891 г., Опт. П. // Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991. С. 134.

⁶³⁵ Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 8. Кн.1. СПб., 2007.С.459.

⁶³⁶ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. СПб., 2016. С.103.

Леонтьев понимает, что если монархия не приручит социалистическое движение и не обернет его себе на пользу, то в России неизбежна социалистическая революция. Однако борьба «социализма рабочих» и европейского «мещанского капитализма» произойдет только тогда, когда между ними «уже не будет никакой третьей... регулирующей и примиряющей общественной силы»⁶³⁷, когда везде будут сглажены последние остатки религиозных привилегий, сословной неравноправности и племенные особенности, вот тогда встретятся лицом к лицу капиталистический «дендизм» и «голод» (социализм), а «беспрепятственная встреча их — это такая гроза, которой люди, может быть, со времен нашествия варваров на Рим не видали»⁶³⁸. На наш взгляд, в этих строках Леонтьев уже предчувствует, что в России рабочий социализм и капитализм встанут лицом к лицу, если уже не будет между ними, в том числе, и примиряющей власти царя, если монархия падет, раздавленная двумя грозными стихиями. Для предотвращения революционного переворота и падения монархии Леонтьев предлагал царю как можно скорее ввести в России «хранительный» социализм сверху и стремился сформулировать его общие принципы, однако ухудшение здоровья и смерть 12 ноября 1891 г. не позволили ему создать целостную работу по теории социализма. Тем не менее, по мнению современных ученых, в социально-политической концепции Леонтьева представлен «оригинальный российский вариант «государственного социализма», столь распространенного в Европе XIX столетия, близкий к его прусской разновидности. Причем его утверждение в обоих случаях возлагалось на монархию, стоящую над обществом и призванную умерять хищнические аппетиты буржуазии, заботиться о материальном благополучии рабочего класса»⁶³⁹. События первой половины XX в. подтвердили предчувствия Леонтьева, оправдались и его надежды: социализм оградил Россию от проникновения либеральных идей на 70 лет. Однако воплотился в жизнь совсем не тот вариант «хранительного» социализма, о котором мечтал Леонтьев.

⁶³⁷ Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т.8. Кн.1. СПб., 2007. С.447.

⁶³⁸ Леонтьев К.Н. Национальная политика как орудие всемирной революции // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т.8. Кн.1. С.544.

⁶³⁹ См.: Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX—начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2000. С.38-39.

Одно из несомненных достоинств Леонтьева — это смелость в высказывании непривычных и ошеломляющих мыслей: «Я люблю смотреть прямо в глаза тому, что мне кажется истиной, не справляясь о том, как отнесутся к моей истине нервы читателей; или их лицемерие»⁶⁴⁰. Он не боялся присоединиться к непопулярным суждениям, если они ему казались ближе к истине, чем другие. В. В. Розанов — один из немногих, кто оценил творчество Леонтьева по достоинству — в 1917 г. писал: «рожденный не в свой век, Леонтьев не прожил счастливую жизнь, а зато он дал меланхолические, грустные, но изумительного совершенства литературные плоды. Торопиться не надо, время его придет. И вот, когда оно «придет», Леонтьев в сфере мышления, наверное, будет поставлен впереди своего века и будет «заглавную голову» всего у нас XIX столетия... В нем есть именно мировой оттенок, а не только русский»⁶⁴¹. Н. А. Бердяев отдавал должное свободомыслию и независимости Леонтьева: «К. Леонтьев был необычайно свободный ум, один из самых свободных русских умов, ничем не связанный, совершенно независимый. В нем было истинное свободомыслие, которое так трудно встретить в русской интеллигентской мысли. Этот реакционер был в тысячу раз свободнее всех русских «прогрессистов» и «революционеров»... К. Леонтьев «эмансипировал» мысль — в этом одна из великих его заслуг»⁶⁴².

О неоднозначном отношении публики к творчеству Леонтьева С. Н. Дурылин написал в статье, посвященной столетию со дня рождения Леонтьева и 40-летию со дня его смерти в 1931 г. В ней Дурылин отмечал, что любовь и ненависть, которую испытывает общество к Леонтьеву, объясняется тем, что его творчество настолько разнообразно и многогранно, что его нельзя истолковать наверняка: «полюбливали» Леонтьева самые неожиданные люди» и много существует на свете таких «тайных любовей» к Леонтьеву, потому что «ходов» к Леонтьеву много, гораздо больше, чем ходов к Достоевскому или Толстому... Социалисту, например, к Достоевскому идти

⁶⁴⁰ *Леонтьев К.Н.* Культурный идеал и племенная политика // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.2. СПб., 2009. С.38.

⁶⁴¹ *Розанов В.В.* О Константине Леонтьеве // Константин Леонтьев: Pro et contra: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891—1917 гг. В 2 кн. Кн.1. СПб., 1995. С.415.

⁶⁴² *Бердяев Н.А.* Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М., 2007. С.178.

незачем, — но к Леонтьеву для социалиста есть прямой ход: мало того, что он с исключительной силой ненавидел буржуа XIX ст. и презирал его великим, широким, как ненависть, презрением с ног до головы, от хвоста до фрака его ожиревшего сердца, - мало того, что он сильнее Герцена посмеялся над буржуа и его «либерализмом», — он еще прямо и открыто — один из всех несоциалистов в 80-х годах, — заявлял, что социализму принадлежит будущее, а либерализму — принадлежит всего-навсего лишь заношенный адвокатский фрак, — и заявлял это в «крепкие» консервативные годы Бисмарка и Александра III... Но ход к Леонтьеву есть и для монаха, самого крайнего византийца... Но, войдя к Леонтьеву *своими* ходами (и вместе с тем *леонтьевскими!*), социалист и монах не должны были удивляться, если в *Леонтьеве* встречались с декадентами, ницшеанцами, афинолюбцами, Розановыми, — у них ведь тоже есть *свои* ходы и опять леонтьевские же! — к Леонтьеву. И «опасность» Леонтьева именно в том, что, войдя в него *одним* ходом, можно быть так зачаровану, что и не заметишь, *какими* переходами бродишь в этом лабиринте, пока не окажется, что стоишь у входа такого, в который не только не вошел бы, но бежал бы, завидев, за тысячу верст: войдя в Леонтьева входом ненависти к буржуазии и убеждения в будущность социализма, можно незаметно очутиться у врат грозной и великолепной твердыни «растленной» Византии; или «вшед» в Леонтьева тихими вратами Оптинского скита, можно нечувствительно оказаться в одном шаге от римских терм или турецкой бани с нагими отроками без поясов.... Тут — тайна Леонтьева. Тут его очарование. Тут отгадка, почему у него враги — всегда враги-друзья, а друзья — всегда друзья-враги»⁶⁴³.

Таким образом, в «творческом консерватизме» ценностным ядром, творцом и хранителем «эстетики жизни» и самобытной русской культуры является простой народ, еще не испорченный в силу своей необразованности буржуазными ценностями. Именно национальное самопознание (так называемый национальный «гнозис») русского народа необходимо для открытия им новых сторон в своем национальном характере, культуре, быте, что станет импульсом для независимого национального творчества и создания «эстетики жизни» повсеместно. По мнению Леонтьева, именно безграмотности простого народа Россия обязана тем, что попытки привнесения

⁶⁴³ Дурьилин С.Н. В своем углу. М., 2006. С.814-816.

европейских порядков приводили к непредсказуемым результатам, побуждая не безрассудно заимствовать чужеродные идеи, а «обратиться внутрь себя», к своим историческим корням. Можно сказать, что необразованность русского народа побуждала его к национальному творчеству, столь важному для прочности государственного строя. Исходя из этого, можно объяснить нежелание Леонтьева обучать простой народ грамотности его отрицательным отношением к попыткам либеральной интеллигенции дать народу чуждое ему образование по-европейски. Подобная «образованность» расшатывает веру народа, погубит его национальное своеобразие и вызовет распространение в народных массах либеральных идей.

Систематизация взглядов Леонтьева по вопросам, связанным с либеральными преобразованиями Александра II (крестьянская реформа 1861 г., реформа земского самоуправления 1864 г., судебная реформа 1864 г.) обнаруживает эволюцию его взглядов на реформы по мере появления первых результатов преобразований. Так, изначально Леонтьев положительно оценивал перспективы государственных реформ, надеясь, что освободительный процесс в России благодаря особенностям русского менталитета будет отличаться от западного. Однако уже в конце 60-х гг. XIX в. Леонтьев осознает, что реформы ведут Россию по буржуазному пути развития и занимает критическую позицию. По Леонтьеву, бездумное копирование западных институтов и форм, не соответствующих национальному менталитету, неминуемо приведет к ослаблению государства и к утрате самобытных духовных и культурных традиций. Леонтьев последовательно критикует либерализм, указывая на несоответствие либеральных ценностей исторически сложившимся в русском обществе ценностям византизма, а демократию определяет как власть, лишенную нравственных идеалов. Проблемой, которую неизбежно породит демократическое уравнивание в правах, станет утрата стабильности условиями, являющимися опорой государственной власти, а бессловные государства обречены на разрушение, поскольку противоречат законам природы.

В 70-е гг. XIX в. Леонтьев обращается к «реакции» как к единственной возможности укрепления прочности государства, ослабленного реформами. В «творческом консерватизме» главными задачами внутренней политики Российской империи должны быть укрепление и хранение традиционных византийских начал: самодержавия, православия и сельского общинного быта. Именно православное

самодержавие является наилучшей для России формой государственного правления, исторически сложившейся и соответствующей национальному характеру русского народа. Устойчивость монархической власти в России поддерживают крепкие сословные ступени, которые также обеспечивают в государстве разнообразие, скрепленное монархическим единством. Таким образом, для блага общества и государства необходимо ограничить общественные свободы и сосредоточиться на развитии внутренней свободы личности и духовного творчества. В рамках обозначенных направлений Леонтьев предлагает ряд «реакционно-двигающих» мер, направленных на укрепление и сохранение в России традиционных основ в виде византизма и на развитие собственной, новой, независимой оригинальной культуры. Эти меры, как считал Леонтьев, могут помочь достигнуть максимального проявления в обществе «разнообразия в единстве» и продлить России период «цветущей сложности».

Во второй половине 80-х гг. XIX в. Леонтьев приступает к разработке проекта будущего устройства России, способного противостоять распространению буржуазного либерализма и устранить в России предпосылки к революции. Несмотря на западное происхождение социализма, Леонтьев полагает, что в России его воплощение не только возможно, но и обусловлено назревшими социально-политическими проблемами. Леонтьев рассматривает социализм в двух вариантах: как идею социального равенства и «хранительный» социализм, организованный на принципах строгой иерархии и деспотизма. Первый вариант социализма мыслитель отвергает, поскольку практическое воплощение идей равенства противоречит человеческой природе, и в этом отношении социалисты уподобляются либералам. В «хранительном» социализме мыслитель усматривает «реакцию» будущего и возможность для монархии устоять на краю пропасти, не доводя ситуацию до революции и анархии. По Леонтьеву, только монархия сможет создать в России этот новый порядок. Для этого Леонтьев предлагает царю обуздать социалистическое движение и преобразить его в «хранительный социализм» (или даже социалистическую монархию), соединив, таким образом, социализм с византизмом.

Заключение

Константин Николаевич Леонтьев (1831–1861) внес значительный и неоспоримый вклад в развитие русской социально-политической мысли второй половины XIX – начала XX вв. Ключевые аспекты его творчества, такие как смысл и назначение истории, процесс становления, развития и гибели государств, обществ и культур, предварили последующие теории культурно-исторического и цивилизационного развития О. Шпенглера, А. Тойнби и П. А. Сорокина. Творческий вклад Леонтьева в идейное наследие русского консерватизма также необычайно велик. Его яркие и оригинальные идеи значительно повлияли на воззрения многих русских мыслителей, в том числе В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, а также представителей евразийства. В частности, Бердяев, говоря о Леонтьеве, проницательно отмечал: «В жажде равенства, охватившей мир, он почуял и пытался раскрыть дух антихриста, дух смерти и небытия... Он задолго до Шпенглера понял роковой переход “культуры” в “цивилизацию”»⁶⁴⁴.

Проведенные в работе комплексное воссоздание, всесторонняя характеристика и систематизация всей совокупности общественно-политических идей Леонтьева как «творческого консерватизма» во взаимосвязи с социально-политическими аспектами его концепций «эстетики жизни», «триединого процесса» развития и византизма, показывают, что эстетическое мировоззрение Леонтьева оказало значительное влияние на его творчество, а эстетика стала главным критерием, с помощью которого мыслитель оценивает все происходящее в мире. В связи с этим «творческий консерватизм» Леонтьева является целостным комплексом консервативного осмысления мира, в котором эстетизм выполняет важные хранительные функции.

В «творческом консерватизме» наличие видимой эстетики в жизни общества является признаком внутренней творческой силы в государстве. Основным творцом, создателем и хранителем в государстве является простой народ, способность к творчеству которого определяется религиозными верованиями и условиями его

⁶⁴⁴ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М., 2007. С.218.

жизни. «Национальное творчество», понимаемое Леонтьевым как обладание нацией независимостью в мышлении и вкусе, и вытекающая из этого способность к созданию своих собственных оригинальных идей, определяет силу, жизнеспособность и развитость как нации, так и государства в целом.

«Творческий консерватизм» Леонтьева — это оригинальная социально-политическая программа, в основу которой положена задача пробуждения, сохранения и приумножения творческого потенциала русского народа, создающего и развивающего эстетику во всех сферах своей жизнедеятельности (так называемую «эстетику жизни»). В связи с этим, в «творческом консерватизме» высшими ценностями являются не столько традиционные институты или традиции сами по себе, сколько то, в какой степени они способствуют укреплению и сохранению способности народа к творчеству и созданию «эстетики жизни» в различных сферах.

Теоретическими основами «творческого консерватизма», являющимися фундаментом и для социально-политических замыслов Леонтьева, как показано в работе, являются концепции «эстетики жизни», определяющей то самое «сложное цветение» культурного и государственного организма, способное сохранить его самобытность от воздействия разлагающих сил, влекущих за собой измельчание, ассимиляцию и унификацию; концепция «триединого» процесса» развития, обобщающая закономерности развития культур, обществ и государств по аналогии с живыми организмами, и в соответствии с которой все государственно-культурные организмы вовлечены в «триединый процесс» развития, в рамках которого они проходят стадии рождения, развития и умирания. В логике этого процесса любой сложный организм, достигший своего расцвета, затем теряет «эстетику жизни», что приводит к сглаживанию всех различий, нивелированию всех форм, сведению всей палитры красок быта и культуры к состоянию серости и однообразия. После этого государственно-культурный организм погибает. Таким образом, в «творческом консерватизме» эволюция государств и обществ зависит от появления «эстетики жизни», которая, в свою очередь, является поэтическим проявлением политической формы государства. По Леонтьеву, политическая форма также возникает органически и определяется внутренней идеей, заложенной в государстве самой историей. Наличие внутренней идеи, воплощенной в по-

литической форме, является ключевым фактором самобытности и жизнеспособности государства. Еще одной основой «творческого консерватизма» стала концепция византизма, понимаемого Леонтьевым как укоренившиеся в России византийско-православная религия с консервативным церковным строем, монархическая власть и крестьянская община. По Леонтьеву, именно византизм обеспечил силу, мощь и процветание российскому государству, и Россия, изменяя своей византийской сущности, обречена на гибель. В сохранении и укреплении византизма, являющегося ценностным ядром русской идентичности, состоит задача укрепления и процветания России. Исходя из этого, мыслитель приходит к выводу о нежизнеспособности на российской почве различных западных институтов (демократия, конституция, федерализм, республика) в связи с тем, что в них отсутствует идейное начало, подходящее для России. Из этого вытекает критика Леонтьевым буржуазных ценностей и «эгалитарно-либерального» прогресса. Для сохранения творческой силы нации по Леонтьеву необходимо усиление ее культурных отличий и отвержение всего однообразного, посредственного, массового и пошлого, понижающего человека интеллектуально и духовно — всего, что несет с собой западный эгалитаризм.

Как показано в работе, разочаровавшись в западных ценностях, Леонтьев обращается к Востоку за поиском новых духовно-культурных ориентиров, которые могут быть восприняты Россией для ее блага. В «творческом консерватизме» представлена широкая палитра идей по укреплению культурного и духовного влияния России на православном Востоке, предполагающих осторожное развитие в этом регионе, находящимся под владычеством Турции, русофильских настроений и византизма. При этом вопреки политическим и общественным тенденциям XIX в., мыслитель выступает против поддержки национальных славянских движений, панславистских идей и прославянской внешней политики Российской империи. Он убежден, что это лишь ускоряет процессы социально-культурного и государственного разложения России, лишая ее возможности быть не только мощным и самобытным государством, но стать источником духовного возрождения для Запада. Для того, чтобы уберечь российское государство от гибели, необходимо, в первую очередь, укреплять его византийские начала (монархическую власть, пра-

вославную религию и крестьянскую общину). В связи с этим в «творческом консерватизме» объединяющим началом для народов и государств должна стать не «национально-племенная» общность, подразумевающая объединение народов по принципу родства племени и языка, а «культурно-религиозная» общность, объединяющая народы на основе сходства культуры и религии. В «творческом консерватизме» «истинно национальной» считается «культурно-обособляющая» политика, поскольку она имеет характер хранительный, в отличие от «племенной», обладающей космополитической подоплекой. Сам же процесс национально-политического освобождения славян и их последующей ассимиляции с буржуазным Западом Леонтьев оценивает, основываясь на концепции «триединого процесса», в рамках которого смешение самобытных народов в единое буржуазное общество предваряет гибель самобытности этих народов и ведет к распаду их государств. В «творческом консерватизме» представлен оригинальный вариант решения Восточного вопроса в пользу России — создание на Востоке Славяно-Азиатской цивилизации — нового культурно-государственного объединения славянских и азиатских народов со столицей в Константинополе. Фундаментом, на котором будет воздвигнуто здание будущей славяно-восточной цивилизации, должно стать православное самодержавие, обеспечившее полноту цветения и крепость российского государства. Вновь созданная цивилизация должна будет развиваться из своих собственных источников вдали от западноевропейской цивилизации, создать свою наивысшую идеальную культуру («гептастилизм») и стать воплощением на практике государственно-общественного идеала византизма и противостоять «эгалитарно-либеральному» прогрессу и ценностям западноевропейской цивилизации. Формат будущего союза, включающего в себя помимо славянских государств, Турцию, Персию и Египет, свидетельствует о понимании Леонтьевым политических реалий восточной политики второй половины XIX в. Проект Славяно-Азиатской цивилизации нашел отражение в учении евразийцев, возникшем в 20-е–30-е гг. XX в. в среде русской постреволюционной эмиграции.

В работе также рассмотрены основные представления мыслителя по вопросам внутренней политики пореформенной России, главными задачами которой

должно стать всяческое укрепление трех традиционных византийских начал: самодержавия, православия и сельского общинного быта. В связи с этим обосновывается положение, что в «творческом консерватизме» Леонтьева ценностным ядром, творцом и хранителем «цветущей сложности» русского государства и самобытной культуры является простой народ, еще не испорченный в силу своей необразованности буржуазными ценностями. По мнению Леонтьева, именно безграмотности простого народа Россия обязана тем, что попытки привнесения европейских порядков приводили к непредсказуемым результатам и побуждали нацию к культурно-бытовому творчеству. Национальное самопознание русского народа, а также творческое переосмысление своей роли русской интеллигенцией должно пробудить в России национальное народное творчество, независимое от внешних образцов, которое позволит встать во главе умственной жизни всего человечества.

В диссертации представлены основные положения критики Леонтьевым либерализма, систематизированы его взгляды на либеральные преобразования Александра II (крестьянская реформа 1861 г., реформа земского самоуправления 1864 г., судебная реформа 1864 г.), а также показана эволюция взглядов Леонтьева на итоги этих реформ, закончившаяся их резким неприятием. Как обосновывается в работе, сложившееся критическое отношение Леонтьева было обусловлено его убеждением в том, что копирование западных институтов и форм, не соответствующих национальному менталитету, неминуемо приведет к потере государственным строем стабильности и утрате самобытных духовных и культурных традиций. Для предотвращения цивилизационной гибели России от «эгалитарно-либерального» прогресса, по Леонтьеву, необходимо приостановить распространение «эгалитарно-либерального» прогресса и продлить в России период «цветущей сложности», чтобы дать государству время и возможность укрепиться и выработать свою самобытную культуру. Иными словами, требуется охранение «хорошего» старого и творческое развитие «нового», подходящего народному менталитету. В связи с этим в «творческом консерватизме» представлены три группы «прогрессивно-хранительных» мер: во-первых, укрепление и обособление внутренней идеи Российской империи — византизма — от западноевропейского влияния; во-вторых, усиление обособленности России от Западной Европы, в том чис-

ле через восприятие черт азиатских народов; в-третьих, всяческое торможение распространения в России либеральных и революционных идей. В понимании Леонтьева, «реакция», способная притормозить разложение государства, в большей степени является прогрессом для общества, чем «эгалитарно-либеральный» прогресс, на деле приводящий к упрощению и распаду государственно-культурного организма. Таким образом, «реакционный прогресс» был ответом Леонтьева на аргументы его либеральных противников о том, что движение вперед для всех обществ и государств возможно только в одной форме — западной, «эгалитарно-космополитической».

Особое внимание в работе уделено «социалистическому» аспекту социально-политических размышлений Леонтьева, показано, что начиная со второй половины 80-х гг. XIX в. его творчество пронизано предчувствием рабоче-крестьянской революции и грядущего слома монархического строя в России. Для того, чтобы этого избежать, Леонтьев приступает к разработке проекта будущего устройства России на основе социализма, способного противостоять распространению буржуазного либерализма и разрешить сложившуюся в России предреволюционную ситуацию. Для этого он предлагает русскому царю обуздать социалистическое движение, придав ему государственные формы и преобразовав его в так называемый «хранительный» социализм (или социалистическую монархию) и решить «рабочий вопрос». В «хранительном» социализме, организованном на принципах строгой иерархии и деспотизма, мыслитель усматривал «реакцию» будущего.

Необходимо отметить, что «творческому консерватизму» как, впрочем, и всему наследию Леонтьева, свойственно сочетание рационального «научного предвидения» и интуитивного «художественного предчувствования», что позволило мыслителю достоверно прогнозировать развитие не только глобальных исторических процессов, но и отдельных национальных культур. Социально-политический идеал Леонтьева — это крепкое и изобилующее разнообразными красками государство, построенное на началах сильной и даже суровой государственной власти, византийского православия, смягчающего строгую государственность, национальных культурных ценностей и эстетизма жизни. Однако в поисках эстетически приемлемых форм жизни и сохранения традиционных

общественных институтов Леонтьев подчас доходил до оправдания деспотизма, насилия и социальной несправедливости.

Предпринятое исследование позволяет дать оценку современным социальным, политическим, культурным и духовным трансформационным процессам, происходящим в мире. В частности, в социальном аспекте Леонтьев еще в XIX в. предвидел распространение «среднего человека» (мелкого буржуа) — ничем не примечательной личности, посредственной по своим духовным и умственным способностям, не ставящей себе высоких целей, а погрязшей в материалистических потребностях, которая заменит собой выдающихся людей. В политическом аспекте он предвидел, что в России возможна победа социализма и создание на его идеологическом фундаменте «конфедерации» государств, что этот социализм будет еще более суровый, чем монархия. Он предчувствовал, что социалистическая система падет, после чего последует образование объединенных государств Европы. В культурной и духовной сферах Леонтьев предвидел распространение однообразной западноевропейской культуры, упрощенной, утилитаристской, не несущей никакого духовного содержания, подмену ею самобытных мировых культур, оскудение мирового культурного духа. Также он предполагал, что в обществе, состоящем из «средних» людей, станут популярными демократические идеалы, ведущие людей к обществу всеобщей пользы, к упрощению идеи Бога и приспособлению ее к человеческим интересам. Мыслитель предвидел губительные последствия научно-технических достижений и последующее разочарование российского общества в материализме. Причем с крушением веры в материализм Леонтьев связывал свои надежды на обновление у людей ценностных приоритетов, обращение к религии.

«Творческий консерватизм» Леонтьева ценен тем, что содержит крайне важные идеи, необходимые для укрепления основ и сохранения уникальности любого государства. По Леонтьеву, для преобразований в обществе необходимо прежде всего обратиться к своим культурным и духовным истокам, делающим нацию непохожей на другие, уникальной. Только имея эти убеждения в качестве приоритетных возможно искать пути развития и преобразования существующих общественных и государственных институтов. Эти идеи Леонтьева актуальны как ни-

когда для современной России, отстаивающей свою самобытность в противоборстве с Западом и европейским эгалитаризмом. Кроме того, вопрос сохранения национальных культур сегодня не менее важен, чем в конце XIX в., а высказанная Леонтьевым мысль о духовно-культурной близости православных и мусульманских народов приобретает на фоне предсказаний о неминуемом столкновении цивилизаций общечеловеческое звучание.

Конечно же в рамках одной работы невозможно всесторонне и исчерпывающе рассмотреть все аспекты творчества К.Н. Леонтьева. Дальнейшими направлениями исследования в рамках проблематики, поставленной в настоящей диссертации, может стать продолжение исследования социально-политических взглядов Леонтьева по вопросам внутренней политики Российской империи, в том числе проекта будущего устройства России, обеспечивающего «примирение труда и капитала» при союзе монархии и социализма. Кроме того, представляется перспективным исследование социально-политических воззрений Леонтьева с учетом их практического применения в решении актуальных межнациональных и межконфессиональных вопросов в России и мире.

Литература

1. *Авдеев О.К.* Проблема личности в русском консерватизме: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев, П.Е. Астафьев: дисс.... канд.филос.наук. М., 2011. 165 с.
2. *Авдеев О.К.* Проблема личности в социальной философии Константина Леонтьева и его предисловие к переводу статьи Дж.Ст. Милля «О свободе» // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. №1. С.265–267.
3. *Авдеев О.К.* Противоречия во взглядах представителей русского консерватизма (Н.Н. Стрхова, К.Н. Леонтьева и П.Е. Астафьева) на философское и литературное значение Л.Н. Толстого // Проблемы современной науки и образования. 2016. №28(70). С.78–81.
4. *Авдеева Л.Р.* Принцип эстетизма в философии К.Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2012. № 6. С.3–19.
5. *Авдеева Л.Р.* Религиозно-консервативная социология К.Н.Леонтьева: дисс... канд.филос.наук. М., 1983. 180 с.
6. *Азаркин Н.М.* Консервативный правопорядок Думы с К.Н.Леонтьевым // История государства и права. 2004. № 5. С.11–13.
7. *Александров А.А.* Из воспоминаний о К.Н. Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891 г. Литературный сборник. С.-Петербург: типография «Сириус». 1911. С.143 – 162.
8. *Александров В.Б.* К.Н. Леонтьев о путях развития образования и науки в России. Вестник ТвГУ. 2010. № 2. С.55–64.
9. *Андерсон К.М. и др.* Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии: Материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016.№4. С.91-127.
10. *Андреева Л.А.* Христианство и власть в России и на Западе: компаративный анализ // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С.85–103.
11. *Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняну А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев / Под ред. Д.В. Ермашова. М.: Кн.дом «Университет». 2000. 224 с.
12. *Андреев Н.Ю., Архипова Е.Б., Беденков В.В.* Государственная идеология русского консерватизма: К.Н. Леонтьев // Государственная идеология: историко-правовые и теоретико-правовые аспекты. В 2 т. Т.2 / под ред. А.А. Васильева. М.: Юрлитинформ. 2019. С.71–146.
13. *Арсланов Р.А., Линькова Е.В.* Внешняя политика России и Запада в зеркале российской общественной мысли XIX в. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. – 275 с.
14. *Арсланов Р.А., Линькова Е.В.* Страны Запада и их внешняя политика в восприятии российских консерваторов и либералов XIX века. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – 251 с.
15. *Афанасьев В.В., Кобелев П.С.* Православная социология Константина Леонтьева. М.: НИЦ «Инженер». 2013. 195 с.

16. *Белов А.В.* Певец «цветущей сложности» (185 лет со дня рождения К.Н. Леонтьева) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2016. № 5. С.55–58.
17. *Беляев Д.А.* Византизм К.Н.Леонтьева как концепция русской культурно-цивилизационной идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. С.28–31.
18. *Бенедиктов Н.А., Базурина Е.Н.* Константин Леонтьев о судьбах России // Образ России в русской религиозной мысли. XXV Рождественские православно-философские чтения. 2016. С.9–13.
19. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2016. 224 с.
20. *Бердяев Н.А.* Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ. 2007. 445 с.
21. *Бердяев Н.А.* К.Н.Леонтьев — философ реакционной романтики // *Бердяев Н.А.* Собрание сочинений. Т.3. Типы религиозной мысли в России. Paris: YMCA-Press. 1989. С.145–178.
22. *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского // *Бердяев Н.А.* О русских классиках. М.: Высшая школа. 1993. С.107–223.
23. *Береговская И.Н.* Философия К.Н. Леонтьева в социокультурном контексте. Калуга: Золотая аллея, 2012. 224 с.
24. *Бессчетнова Е.В.* Владимир Соловьев и Константин Леонтьев о бытии России: в предчувствии катастрофы. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2018. 224 с.
25. *Бессчетнова Е.В.* Диалог Вл.С. Соловьёва и К.Н. Леонтьева: проблема бытия России: дисс... канд.филос.наук. М., 2015. 197 с.
26. *Богородский Ю.В.* Уроки забытого философа // Вестник ИРГСХА. 2016. № 74. С.27–33.
27. *Бочаров С.Г.* «Эстетическое охранение» в литературной критике (К.Леонтьев в русской литературе) // Контекст: литературно-теоретические исследования. 1978. Том 1997. С.142–193.
28. *Брода М.* Проблемы с Леонтьевым. Пер.с польск. М.: МАКС Пресс. 2001. 142 с.
29. *Буланов В.В.* Проблема массового общества в России 1890-х гг.: К.Н. Леонтьев и Ф. Ницше // Вестник ТвГУ. 2007. № 1. С.94–103.
30. *Булгаков С.Н.* Победитель — Победенный (Судьба К.Н. Леонтьева) // *Булгаков С.Н.* Тихие думы. М.: изд-во Г.А.Лемана, 1918. С.115–135.
31. *Буряченко В.В.* Концепция «эстетики жизни» в творчестве К.Н. Леонтьева: дисс...канд.филологических наук. Воронеж. 2009. 171 с.
32. *Васич В. Шириняни А.А.* Политика. Культура. Время. Мифы. М.: Диалог-МГУ, 1999. 129 с.
33. *Волгогонова О.Д.* Константин Леонтьев. М.: Молодая гвардия, 2013. 453 с.
34. *Володихин Д.М.* «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. М.: Мануфактура, 2000. 185 с.

35. *Воскресенская М.Б.* Феномен эстетизма в философском творчестве К.Н.Леонтьева. Дисс...канд.филос.наук. Кострома, 1999. 142 с.
36. *Гагарин А.С.* Константин Леонтьев: «Одинокий мыслитель» перед лицом страха // *Дикурс-Пи.* 2016. № 3–4. С. 247–255.
37. *Гайденок П.П.* Наперекор историческому процессу (К.Леонтьев—литературный критик) // *Вопросы литературы.* 1974. №5. С.159–205.
38. *Галаганова С.Г.* Этносоциологические прозрения Константина Леонтьева и современный мир // *Этносоциум и межнациональная культура.* 2015. № 6. С.65–68.
39. *Галузина Е.В.* Антизападничество во взглядах К.Н. Леонтьева на развитие культуры // *Культурология.* 2010. № 3. С.32–39.
40. *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. София: СУ Климент Охридски, 1979. 419 с.
41. *Герцен А.И.* Собрание сочинений. В 8 т. М.: Правда, 1975.
42. *Гоголев Р.А.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. М.: АИРО—XXI, 2007. 160 с.
43. *Гоголев Р.А.* Религиозная и эстетическая константы философского дискурса К.Н. Леонтьева // *Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского.* 2012. № 1–3. С.190–194.
44. *Голосенко И.А.* Социальная философия неославянофильства // *Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX—начала XX века.* Л., 1978. С.227–254.
45. *Горохов А.А.* Проблема национальной культуры в социально-философских взглядах К.Н. Леонтьева // *Вестник ТГУ, Вып.325.* Август 2009. С.30–32.
46. *Горохов А.А., Убирия (Столярова) И.Ф.* Идеологизация культуры как идейная предпосылка ее милитаризации // *Русская политология — Russian political science.* 2016. № 1. С.105–113.
47. *Горохов А.А., Убирия (Столярова) И.Ф.* Первый исследователь русской социально-политической мысли С.П. Шевырев // *Вестник Российской нации.* 2015. № 5. С.53–67.
48. *Горохов А.А., Убирия (Столярова) И.Ф.* Православие в социально-политическом творчестве русских консерваторов XIX в. // *Вестник Российской нации.* 2016. № 6. С.1–10.
49. *Горохов А.А., Убирия (Столярова) И.Ф.* «Эстетика жизни» и проблема эгалитарного прогресса в творчестве К.Н. Леонтьева // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал).* 2015. № 4. С.1–10. <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/715>.
50. *Горохов А.А., Убирия (Столярова) И.Ф.* The ideologization of culture as the ideological background of its militarization in the XX–XXI centuries // *Русская политология— Russian political science.* 2016. No. 1 (Английская версия журнала). P. 91–99.
51. *Гревцова Е.С.* Философия культуры А.И.Герцена и К.Н.Леонтьева: сравнительный анализ. М.: Изд-во РУДН. 2002. 121 с.
52. *Григорьева Т.С.* Концепция культурного идеала К.Н.Леонтьева. Дисс...канд.филос.наук. М., 1993. 148 с.

53. *Грифцов Б.А.* Судьба К.Н. Леонтьева // Русская мысль. 1913, № 1. С.85—107; № 2. С. 51–77; № 4. С.1–14.
54. *Гулыга А.В.* Немецкая классическая философия. М.: Айрис Пресс. 2001. 413 с.
55. *Дамье Н.В.* Философия истории К.Н. Леонтьева. Дисс... канд.филос.наук. М., 1993. 172 с.
56. *Демин И.В.* Либеральный концепт свободы в консервативных учениях К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова // Вестник БФУ им. И.Канта. 2015. № 6; С.24–36.
57. *Добренков В.И.* Консерватизм – национальная идеология России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 2. С. 3–55.
58. *Долгов К.М.* Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М.: изд-во «Отчий дом», 2008. 720 с.
59. *Долгов К.М.* Слово о Константине Николаевиче Леонтьеве (монахе Клименте) // I Оптинский форум: Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции, Калуга — Оптина пустынь, 19–21 мая 2006 г.: Сборник материалов. М.: Центр информ., культуры и технологий, 2006. С. 53–59.
60. *Донских К.Ю.* Жизнь во имя красоты: эстетическое мировосприятие К.Н. Леонтьева // Вестник ПГЛУ. 2011. № 4. С.403–407.
61. *Донских К.Ю.* Философия и эстетизм в творчестве К.Н.Леонтьева: дисс... канд.филос.наук. М., 2012. 145 с.
62. *Дробжсева Г.М.* Проблема социокультурного идеала в социально-философских воззрениях К.Н. Леонтьева. Дисс... канд.филос.наук. М., 1995. 186 с.
63. *Дробжсева Г.М.* Философское обоснование К.Н. Леонтьевым культурологической концепции «триединого процесса» // Вестник ТГТУ. 2002. № 2. С.388–394.
64. *Дударева А.С.* Взгляды К.Н.Леонтьева на государственный строй и внешнюю политику России по его художественным произведениям // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 2. С.21–33;
65. *Дурылин С.Н.* В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.
66. *Дурылин С.Н.* Примечания // Литературное наследство / Акад. наук СССР, Ин-т литературы, Пушк. дом. М., 1935. Т.22–24. С.470–496.
67. *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Иерархия радуги: русская цивилизация в наследии К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского, О. А. Шпенглера, А. Дж. Тойнби М.: Рус. мир, 2008. 694 с.
68. *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Константин Леонтьев о социализме в России // Вопросы истории. 2007. № 10. С.111–121.
69. *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Концепция «племенизма» К.Н.Леонтьева в цивилизационной историософии XIX—XX веков // Вопросы истории. 2004. № 9. С.120–132.
70. *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Распятая радуга. Россия и Европа на пути к Апокалипсису. М.: Рус.мир, 2015. 544 с.
71. *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Традиция и антрополатрия в наследии К.Н. Леонтьева // I Оптинский форум: Наследие России и духовный выбор российской

интеллигенции, Калуга — Оптина пустынь, 19–21 мая 2006 г.: Сборник материалов. М.: Центр информ., культуры и технологий, 2006. С. 218–227.

72. *Ермаков В.А.* Философия культуры К. Н. Леонтьева. М.: МАТИ-РГТУ им. К.Э.Циолковского, 2009. 193 с.

73. *Ермилов В.В.* Мечта художника и действительность // Красная новь. 1939. № 1. С.229–266.

74. *Жуков К.А.* Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева. СПб.: Алетейя, 2006. 228 с.

75. *Журавлева А.В.* Гоголь и Леонтьев: особенности русского эсхатологического мировосприятия // Гуманитарные ведомости ТулГУ им.Л.Н.Толстого. 2017. № 2. С.55–62;

76. *Журавлева А.В.* Эстетический аморализм К.Н.Леонтьева: pro et contra // Известия ТулГУ. Тула. 2017. С.133–141.

77. *Зайцев К., свящ.* Любовь и страх (Памяти Константина Леонтьева) // Константин Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. / Вступ.статья А.А. Королькова, сост., послесл., примеч., прил. А.П. Козырева. В 2 кн. Кн.2. СПб.: РХГИ, 1995. С.197–228.

78. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. // Официальный сайт Президента России <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>.

79. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г. // Официальный сайт Президента России <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/69695>.

80. *Зеньковский В.В.* К. Леонтьев. В.В. Розанов // *Зеньковский В.В.* История русской философии. В 2 т. (4 кн.). Т.1. Ч.2. Париж: УМСА-press. 1948. С.438–469.

81. *Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж: УМСА-press, 1926. 292 с.

82. *Златкова Ю.* Константин Леонтьев и Балканите. София: Авангард Прима, 2020. 298 с.

83. *Золотарев С.В., Майборода Э.Т.* Самобытное государственно-правовое учение К.Н. Леонтьева // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 11. С.202–207.

84. *Зубов С.В.* Парадоксы Константина Леонтьева / Под ред. М.Э.Елютиной. Саратов: СГТУ, 2007. 2-е изд. 84 с.

85. *Иванова С.И.* Национальная концепция К.Н.Леонтьева: «Польский вопрос» в идеологии русского консерватизма // Новый взгляд: международный научный вестник. 2014. № 6. С.190–203.

86. *Иваск Ю.П.* Константин Леонтьев (1831—1891). Жизнь и творчество. Bern, Frankfurt a. M.: Lang, 1974. 430 с.

87. *Исаев И.А.* Политико-правовая утопия в России (конец XIX — начало XX вв.). М.: «Наука», 1991. 266 с.

88. *Камнев В.М.* Константин Леонтьев о России как культурно-историческом типе // Образование, экономика, общество. 2012. № 3–4. С.103–106.

89. *Камнев В.М.* Русская консервативная мысль XIX — начала XX века. Опыт типологии. СПб.: «Наука», 2012. 159 с.

90. *Кантор В.К.* Константин Леонтьев: христианство без надежды или Трагическое чувство бытия // *Кантор В.К.* «Крушение кумиров» или одоление соблазнов. М.: РОССПЭН. 2011. С.110–121.
91. *Карсанова Е. С. Омельченко Н. А.* Национализм: эволюция идеологии // *Вопросы истории.* 2021. № 3. С. 117–129.
92. *Катасонов В.Ю.* Православное понимание общества. Социология Константина Леонтьева. Историософия Льва Тихомирова. М.: Институт русской цивилизации. 2015. 432 с.
93. *Киреев А.А.* Наши противники и наши союзники // *Киреев А.А.* Учение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации. 2012. С.308–322.
94. *Киреев А.А.* Спор с западниками настоящей минуты // *Киреев А.А.* Учение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации. 2012. С.322–357.
95. *Кириллова Е.А.* Необходимый момент в истории русского самосознания. Философско-историческая концепция К.Н. Леонтьева // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия.* 1990. № 5. С. 49–57.
96. *Кириченко Е.С.* Константин Николаевич Леонтьев и идея русской империи // *Альманах современной науки и образования.* 2017. № 6. С.48–50.
97. *Клементьев А.А.* К.Н. Леонтьев: «Средний европеец как идеал и оружие всемирного разрушения» // *Вестник ЧелГУ.* 2003. № 1. С.31–38.
98. *Клементьев А.А. Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев как предтечи геополитики* // *Вестник ЧелГУ.* 2003. № 2. С.42–51.
99. *Кожурин А.Я.* Социальные аспекты антропологии К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова. Дисс... канд. филос. наук. СПб., 1997. 175 с.
100. *Кожурин А.Я.* Политическая теология К.Н. Леонтьева. [б.м.]: Издательские решения. 2021. 230 с.
101. *Козлова Н.Н.* Традиции и модернизации в политической теории К.Н.Леонтьева // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* 2014. № 2. С.131–141.
102. *Козловская Н.В., Сергеева Е.В.* Философский термин «византизм» в трудах К.Н.Леонтьева и В.С.Соловьева // *Соловьевские исследования.* 2016. № 3. С.26–33.
103. *Козырев А.П.* Константин Леонтьев в «зеркала» наследников // *Константин Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество К.Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891—1917 гг. / Вступ.статья А.А.Королькова, сост., послесл. и примеч. А.П.Козырева. В 2 кн. Кн.1. СПб.: РХГИ, 1995. С. 417– 435.*
104. *Козырев А.П.* Владимир Соловьев и Константин Леонтьев: диалог в поисках «Русской звезды» // *Начала.* 1992. № 2. С.63–73.
105. *Козырев А.П.* Леонтьев К.Н. Письма к кн. Д.Н.Цертелеву // *Начала.* 1992. № 2. С.74–78.
106. *Козырев А.П.* Непокоренный Леонтьев // *Философская газета.* 2001. № 2. С.2–17.
107. *Козырев А.П.* Разбиватель стекол // *Самопознание. Информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения».* 2015. №3. С.10–15.
108. *Козырев А.П.* «Я возмечтал быть примером, учителем...». Письма К.Н. Леонтьева к Вл. С. Соловьеву (вступительная статья, публикация, комментарии) //

Самопознание. Информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения». 2015. №3. С.42–45.

109. *Кольцов Б.А.* Идея органицизма в философско-исторических концепциях Н.Я.Данилевского и К.Н.Леонтьева: дисс....канд. философских наук. Саратов, 2003.155 с.

110. *Коноплянцев А.М.* Жизнь К.Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891 г. Литературный сборник. СПб.: типография «Сириус», 1911. С.1–142.

111. Константин Леонтьев — наш современник / Сост. Б. Андрианов, Н. Мальчевский. СПб: Издательство Чернышева, 1993. 464 с.

112. Константин Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество К.Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891—1917 гг. / Вступ.статья А.А.Королькова, сост., послесл. и примеч. А.П.Козырева. В 2 кн. Кн.1. СПб.: РХГИ, 1995. 480 с.

113. Константин Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. / Вступ.статья А.А. Королькова, сост., послесл., примеч., прил. А.П. Козырева. В 2 кн. Кн.2. СПб.: РХГИ, 1995. 704 с.

114. *Коробов-Латынцев А.Ю.* Константин Леонтьев // Философ и война. О русской военной философии. М.: Издательский дом «Русская философия», 2022. С.50–60.

115. *Королев А.В.* Культурно-исторические воззрения К.Н.Леонтьева // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891 г. Литературный сборник. СПб.: типография «Сириус». 1911. С.325–363.

116. *Корольков А.А.* Константин Леонтьев и его эстетическая картина эгалитарного прогресса // Философские науки. 1991. № 11. С.115–127.

117. *Корольков А.А.* Пророчества Константина Леонтьева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. 199 с.

118. *Корольков А.А.* Русская идея и общечеловеческая культура // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. Вып.4. С.127–133.

119. *Косик В.И.* К.Н. Леонтьев: болгарская тема – pro et contra // Славянский альманах. М.: Институт славяноведения РАН. 1998. Том 1997. С.120–140.

120. *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М.: Зерцало, 1997. 240 с.

121. *Косик В.И.* Константин Николаевич Леонтьев: реакционер, пророк? // Советское славяноведение. 1991. № 3. С.3–12.

122. *Косик В.И.* Немного из истории русофильства и русофобства в Болгарии // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. Т. 2. Вып. 69. 2016. С.22–30.

123. *Косик В.И., Кремнев Г.Б.* Греко-болгарский вопрос // *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891). М.: Республика, 1996. С.793–794.

124. *Котельников В.А.* Константин Леонтьев. СПб.: Наука, 2017. 286 с.

125. *Котов А.Э.* Два «русских Алкивиада»: К.Н. Леонтьев и С.С. Татищев // Клио. 2013. № 7. С.125–129.
126. *Котов А.Э.* «Современная неофеодальная монархия»: русская консервативная печать конца XIX века в поисках национальной идеологии // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С.130–146.
127. *Кремнев Г.Б.* Константин Леонтьев и русское будущее: К 100-летию со дня смерти // Наш современник. М., 1991. №12. С.167–169.
128. *Крот М.Н.* «Русификация или демократическая европеизация»? К.Н. Леонтьев о политике имперских властей по отношению к национальным окраинам России во второй половине XIX в. // Современные проблемы и пути их решения в науке, производстве и образовании. 2017. № 1. С.101–103.
129. *Кудряшев В.Н.* К.Н. Леонтьев в русском национальном дискурсе второй половины XIX в. // Вестник ТГУ. 2015. № 401. С.100–107.
130. *Кузнецов А.В.* Восточный вопрос и идея славянского единства в творчестве К.Н. Леонтьева // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. № 3. Том 6. 2017. С.28–31.
131. *Кузубова А.Ю.* Политические и правовые учения русского консерватизма: К.Н. Леонтьев: монография. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 148 с.
132. *Куклярский Ф.Ф.* К.Леонтьев и Ф.Ницше как предатели человека // *Куклярский Ф.Ф.* Осужденный мир (Философия человекоборческой природы). СПб.: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1912. С.138–173.
133. *Куликов Е.А.* Самобытное государственно-правовое учение К.Н.Леонтьева // История государства и права. 2015. № 10. С.14–18.
134. *Кунильская Д.С.* Концепт и идеологема «византизм» в публицистике К.Н. Леонтьева // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С.262–275.
135. *Куренков А.С.* Влияние Афона и Оптиной Пустыни на К.Н.Леонтьева // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 4. С.101–111.
136. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1873—1891). М.: Республика, 1996. 799 с.
137. *Леонтьев К.Н.* Записки и донесения / сост. К.М. Долгов. М.: МГИМО-Университет, 2013. 560 с.
138. *Леонтьев К.Н.* Избранное / сост. А.В. Репников. М.: Рарогъ: Моск. рабочий, 1993. 397 с.
139. *Леонтьев К.Н.* Избранные письма (1854—1891). СПб: «Пушкинский дом», 1993. 640 с.
140. *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. / Под ред. В.А. Котельникова и др. СПб.: «Владимир Даль», 2000–2021.
141. *Леонтьев К.Н.* Страницы воспоминаний / ред. и предисл. П.К. Губера. СПб.: Парфенон, 1922. 62 с.
142. *Линькова Е.В.* Внешнеполитическая концепция российских консерваторов XIX века. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. – 407 с.
143. *Линькова Е.В., Аксенова А.А.* Образ турка-османа и оттоманского господства в произведениях русских и французских путешественников XIX века //

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история». 2018. Т.10, № 1. С. 33–41.

144. *Литвак Н.В.* К методологии дипломатической переписки. Анализ донесений К.Н. Леонтьева // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С.166–170.

145. *Лихоманов И.В.* «Восточный проект» К.Н. Леонтьева и евразийство // Идеи и идеалы. Новосибирск: изд-во НГТУ. 2016. № 1. С.138–151.

146. *Логинов А.В.* Будущее российской цивилизации и историко-культурологические воззрения К.Н. Леонтьева. К 175-летию со дня рождения мыслителя // Национальные интересы. 2006. № 3. С. 2–9.

147. *Логинов А.В.* Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. М.: Большая Российская энциклопедия. 2005. 496 с.

148. *Логинов А.В.* Евразия и ислам. Евразийский вектор: мусульманская религиозная и общественно-политическая мысль о цивилизационном единстве России-Евразии. М.: Большая Российская энциклопедия. 2017. 343 с.;

149. *Логинов А.В.* К.Н. Леонтьев и российский культурно-цивилизационный выбор // I Оптинский форум: Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции, Калуга — Оптина пустынь, 19—21 мая 2006 г. Сборник материалов. М.: Центр информ., культуры и технологий, 2006. С. 33–46.

150. *Логинов А.В.* Российская философия XIX века о православно-мусульманском цивилизационном взаимодействии // Россия в современном диалоге цивилизаций. М.: Культурная революция. 2008. С.17–68.

151. *Логинов А.В.* Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. М.: Большая Российская энциклопедия. 2013. 551 с.

152. *Масланов Е.В.* Формирование социального идеала в творчестве ранних славянофилов и К.Н. Леонтьева: сравнительный анализ: дисс...канд.филос.наук. Нижний Новгород, 2011. 144 с.

153. *Маслин М.А.* К вопросу об «охранительном консерватизме» М.Н. Каткова // Тетради по консерватизму, 2018. № 3. С. 12–24.

154. *Маслин М.А.* Константин Леонтьев и евразийство. Уроки русского консерватизма // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С.39–53.

155. *Маслин М.А.* Константин Леонтьев — дипломат и философ // *Маслин М.А.* Разноликость и единство русской философии. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2017. С.215–226.

156. *Маслин М.А.* Концепция русского консервативного романтизма Анджеев Валицкого // Тетради по консерватизму, 2020. № 2. С. 450–455.

157. *Маслин М.А.* Национально-государственная идеология и воспитание в высшей школе // Культурное наследие России, 2019. №2. С.25-30.

158. *Маслин М.А.* Концепции разноликости и единства русской философии // Соловьевские исследования, 2018. № 1. С. 165–167.

159. *Маслин М.А.* Личность и реформы Петра Великого в наследии Виссариона Белинского // Русская философия, 2021. № 1. С. 78–93.

160. *Матяш Т.П.* «Славизм» или византизм? // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия, социология, право. 2017. № 10. С.192–198.

161. *Мережковский Д.С.* Страшное дитя // Речь. 1910. 31 января. С.2.

162. *Мещеряков Н.Л.* У истоков современной реакции. Вступительная статья // Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба: Автобиография // Литературное наследство / Акад. наук СССР, Ин-т литературы, Пушкин. дом. М., 1935. Т.22–24. С.427–432.
163. *Милль Дж.Ст.* О свободе. 2-изд. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1906. 236 с.
164. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М.: «Прогресс – Культура», 1994. Т.2. Ч.2. 496 с.
165. *Милюков П.Н.* Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл.С.Соловьев. М.: типо-лит. т-ва И.Н.Кушнерев и К°. 1893. 53 с.
166. *Монтень М.* Опыты. Избранные главы. М.: Правда, 1991. 656 с.
167. *Моцелков Е.Н.* Леонтьев Константин Николаевич // Политическая мысль в России. Словарь персоналий (XI в. – 1917 г.). М.: Кн. дом «Университет». 2000. С.139–141.
168. *Муза Д.Е.* Константин Николаевич Леонтьев. Личностный миф и драма идей в контексте поиска духовного смысла истории: монография. Донецкий нац. технический ун-т. М.: ЛЕНАНД, 2014. 167 с. *Мчедлова М.М.* Будущее как предчувствие. (К дискуссии о характере политической науки) // Политическая наука. 2018. №1. С. 93–104.
169. *Мчедлова М.М.* Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2015. Т.11. № 1. С.93–103.
170. *Мчедлова М.М.* Религиозные смыслы современной политики: потребность в новой эпистемологии // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1. С.89–90.
171. *Мчедлова М.М.* Социально-политические трансформации в России: концептуальные подходы к модернизации и ракурсы религиозного фактора // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. № 4. С.50–58.
172. *Мчедлова М. М.* Теория и методология политики: познавательные акценты современности. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. 143 с.
173. *Мчедлова М.М.* Цивилизационная парадигма в изучении политики // Современная политическая наука: Методология. М.: «Аспект Пресс». 2019. С. 12–37.
174. *Мчедлова М.М., Гаврилов Ю.А., Кофанова Е.Н., Шевченко А.Г.* Ценностно-политическое пространство России: православная традиция и культурные предпочтения // Религия в современной России: контексты и дискуссии. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН). 2019. С. 117–134.
175. *Мчедлова М.М., Бутенко В.А., Пархоменко Г.И.* Мораль, нравственность, традиция: политическое средство или социальная ткань? // Религия в современной России: контексты и дискуссии. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН). 2019. С. 261–279.
176. *Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б.* Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. №4. С. 13–35.
177. *Мячин А.Г.* Социально-политические взгляды К.Н. Леонтьева: дисс... канд. полит. наук. М., 1998. 160 с.

178. *Никольский Б.Н.* К характеристике К.Н. Леонтьева // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891 г. Литературный сборник. СПб.: типография «Сириус», 1911. С.365–381;
179. *Ницше Ф.* Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках. Свердловск: Воля, 1991. 303 с.
180. *Носов С.Н.* Судьба идей Константина Леонтьева // *Леонтьев К.Н.* Избранные письма (1854—1891). СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 1993. С.3–12.
181. *Океанский В.П., Красильникова М.Ю.* Типологические очертания проблематики «поворота на Восток» в русской религиозно-философской литературе рубежа XIX-XX вв.: К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С.239–245.
182. *Омельченко Н. А.* «Русская система власти» и государственные идеалы в политической истории России: к вопросу о культурно-исторической обусловленности Российской политической идентичности // PolitBook. 2019. № 2. С. 41–62.
183. *Омельченко Н. А., Яхшиян О. Ю.* Русская культурная доминанта и российская национальная идентичность // PolitBook. 2019. № 3. С. 6–31.
184. *Осьмачко С.Г.* "Он мучился о России": идейные искания К.Н. Леонтьева (история и современность). Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2011. 233 с.
185. *Осьмачко С.Г.* Идейные искания К.Н.Леонтьева // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С.265–268.
186. *Осьмачко С.Г.* Историософия К.Н.Леонтьева в оценках Н.А. Бердяева // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. С.184–188.
187. Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891 г. Литературный сборник. СПб.: типография «Сириус», 1911. 451 с.
188. *Панюков А.Н.* Концепция исторического сознания в философии К.Н. Леонтьева // Человек, общество, история, язык, культура в современном научном рассмотрении. Материалы международной научной конференции. 2018. С. 24–30.
189. *Перевезенцев С.В.* Идейные истоки русского консерватизма // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С.11–32.
190. *Перевезенцев С.В., Шириняц А.А.* В поисках самобытности. Об истоках отечественного национал-консервативного дискурса // Тетради по консерватизму. 2017. № 3.С.61–73.
191. *Перевезенцев С.В., Шириняц А.А.* Очерки истории русского хранительства. Монография. Часть I. М.: Издательство Московского университета, 2021. 352 с.
192. *Перевезенцев С.В., Шириняц А.А.* Страницы истории русского «хранительства» // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 4. С.1-12.
193. Письма К.Н. Леонтьева к В.В. Розанову // *Корольков А.А.* Пророчества Константина Леонтьева. СПб. Изд-во СПбГУ, 1991. С.118–198.
194. *Пишун С.В.* Византизм в церковно-политической концепции К.Н.Леонтьева // Религиоведение. 2012. № 3. С.97–104.

195. *Преображенский П.Ф.* Александр Герцен и Константин Леонтьев (сравнительная морфология творчества) // Печать и революция. 1922. №2. С.78–88.
196. *Прийма И.Ф.* Духовно-политические искания К.Н. Леонтьева. СПб.: ИПК «Береста». 2022. 416 с.
197. *Прокудин Б.А.* Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития: дисс... канд.полит.наук. М., 2007. 180 с.
198. *Прокудин Б.А., Болдин В.А.* Концепции славянского единства конца XIX— начала XX вв. // Вестник Российской нации. 2017. № 3. С.125–137.
199. Пророки византизма. Переписка К.Н.Леонтьева и Т.И.Филиппова (1875—1891) / сост. О.Л.Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 728 с.
200. *Пуцаев Ю.В.* Византизм Константина Леонтьева как общественный идеал и современная Россия // Ортодоксия. 2021, № 3. С. 213–241.
201. *Пуцаев Ю. В.* К.Н. Леонтьев и А.Ф. Лосев: сравнительный анализ отношения двух мыслителей к социализму и коммунизму // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 162-171.
202. *Пуцаев Ю. В.* К.Н. Леонтьев и А.Ф. Лосев: сходства и созвучия. Лосев как «леонтьевец» // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 145-157.
203. *Пуцаев Ю. В.* Либерализм как убийца «цветущей сложности»: жизненный мир современного человека в свете идей К.Н. Леонтьева // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 1(59). С. 53-60.
204. *Пуцаев Ю.В.* О конфликте между религиозным и политическим во взглядах К.Н. Леонтьева // Вопросы философии. 2016. № 4. С.78–89.
205. *Пуцаев Ю. В.* Отношение К. Н. Леонтьева к коммунизму/социализму. О несостоявшемся «союзе социализма... С русским самодержавием и пламенной мистикой» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 81. С. 71-88.
206. *Рахманин А.А.* К.Н. Леонтьев о несовместимости эгалитарно-демократического прогресса и нравственности // Гуманитарный вектор. №3. С.72–75.
207. *Резвых Т.Н.* Сергей Дурылин об эстетике К.Н. Леонтьева // Христианское чтение. СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия Русской Православной Церкви. 2016. № 1. С.64–144.
208. *Резвых Т.Н.* «Таинство понуждения»: доклад Сергея Дурылина о Константине Леонтьеве: «писатель-послушник» // Христианское чтение. 2017. № 3. С.159–182.
209. *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 527 с.
210. *Репников А.В.* Константин Николаевич Леонтьев // Леонтьев К.Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С.6–41.
211. *Репников А.В.* К.Леонтьев — философ российского консерватизма // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С.184–189.
212. *Репников А.В.* Константин Леонтьев и Николай Бердяев: созвучия и диссонансы // Тетради по консерватизму. 2014. № 2. С.25–30.

213. *Репников А.В.* Оценка социалистической перспективы в работах К.Н. Леонтьева // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Ярославль: ЯрГУ. 1995. С.103–107;
214. *Репников А.В.* «Эстетический аморализм» в произведениях К.Н. Леонтьева. М.: издание автора, 1999. 40 с.
215. *Розанов В.В.* Неузнанный феномен // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891 г. Литературный сборник. СПб.: типография «Сириус», 1911. С.163–184.
216. *Розанов В.В.* Памяти дорогого друга <О К.Н.Леонтьеве> // *Розанов В.В.* Собрание сочинений в 28 т. Т.28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889—1897 гг.). Сумерки просвещения. М.: Республика, СПб.: Росток. 2009. С.449 – 451.
217. *Розанов В.В.* О Константине Леонтьеве // Константин Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891—1917 гг. В 2 кн. Кн.1. СПб.: РХГИ, 1995. С.408–416.
218. *Розанов В.В.* Эстетическое понимание истории // *Розанов В.В.* Собрание сочинений в 28 т. Т.28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889—1897 гг.). Сумерки просвещения. М.: Республика, СПб., Росток. 2009. С.35–113.
219. *Романов И.А., Романова В.Н.* Религиозно-политические идеи К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова в формировании научной школы русской государственности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2016. С.113–120.
220. *Савицкий П.Н.* Два мира // На путях. Утверждение евразийцев. Кн. 2-я. Москва—Берлин: Геликон, 1922. С.9–26.
221. *Саевская М.А.* Власть и земства: отношение власти к политической активности земств (1864-1905) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2018. Т.14, № 3, С. 39–49.
222. *Саевская М.А.* Дискуссия о земском соборе в русской консервативной мысли XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 2 (63). С. 142–146.
223. *Саевская М. А.* Консервативные концепции земского самоуправления (1864–1905 гг.). М.: «Аквилон», 2021. 176 с.
224. *Саевская М.А.* Концепция земского самодержавия в трудах русских консервативных мыслителей второй половины XIX начала XX века // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. С.311-317.
225. *Саевская М.А.* Славянофильские концепции земского самоуправления в современной отечественной историографии // Социально-гуманитарные знания. 2019. №4. С.331-337.
226. *Саевская М.А.* Ю.Ф. Самарин и дискуссия о всеобщем земстве в трудах русских консерваторов пореформенной России // Тетради по консерватизму. 2019. № 2. С. 93–101.
227. *Салмин А.М.* Политическая историософия Константина Леонтьева // Русская политическая мысль 2-й половины XIX в. 1989. С.90–157.
228. *Саломатина М.В.* Права человека в политико-правовом учении К.Н. Леонтьева // Научный вестник ВАГС. 2011. № 6. Том 2. 2011. С.45–51.

229. Сафронова Е.В., Кузубова А.Ю. Тема прав и свобод человека в философской концепции К.Н. Леонтьева // История государства и права. 2006. № 12. С.33–35.
230. Северикова Н.М. Константин Леонтьев и византизм // Вопросы философии. 2012. № 6. С.85–94.
231. Селиверстов С.В. Взгляды К.Н. Леонтьева и И. Гаспринского на российско-османские отношения // Геополитика и безопасность. № 3. 2010. С.43–47.
232. Семиконов Д.В. Исторический анализ взглядов Ф.М. Достоевского и К.Н. Леонтьева: сравнительный анализ: дисс...канд.филос.наук. Нижний Новгород, 2007. 158 с.
233. Сергеев С.М. Идеология творческого традиционализма в русской общественной жизни 80-90-х гг. XIX в. дисс... канд. ист. наук. М. 2002. 273 с.
234. Сивак А.Ф. Константин Леонтьев. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 88 с.
235. Скоробогатько А.В. Аксиологический метод анализа идеалов в социальной философии К.Н. Леонтьева // Скоробогатько А.В. Теория общественных идеалов русской социальной философии. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена. 2021. С.110–119.
236. Соловьев А.П. Цветущая сложность в эпоху вторичного упрощения // Христианское чтение. 2015. № 3. С.284–298.
237. Соловьев В.С. Леонтьев К.Н. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1896. Т.34. С.562–564.
238. Сорокопудова О.Е. Политическая мысль В.В. Розанова: специфика и проблемы исследования: дисс... канд.полит.наук. М., 2012. 185 с.
239. Сосенков Ф.С. Единство российского государства в политико-правовых воззрениях К.Н. Леонтьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. С.160–162.
240. Спирина Э.М. Отечественные традиции философского постижения культуры // Философия и культура. 2015. № 12. С.1832–1840.
241. Столярова И.Ф. Историческое предназначение русского народа в социально-политической концепции К.Н. Леонтьева // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С.275–280.
242. Столярова И.Ф. К.Н. Леонтьев о славянском вопросе // Сборник материалов VII Международной конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО. Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени». 2017. С.487–489.
243. Столярова И.Ф. Предчувствие русской революции в политическом творчестве К.Н. Леонтьева // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX—XX вв. Материалы V Международной конференции // Отв. ред. А.Н. Долгих, В.В. Фомин. Липецк, 2017. С.110–115.
244. Столярова И.Ф. Проект создания «Славяно-Азиатской цивилизации» К.Н. Леонтьева // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. 2017. С. 95–100.

245. *Столярова И.Ф.* Социально-политические идеи К.Н. Леонтьева по вопросу внутренней политики Российской империи // *Русская политология — Russian political science.* 2018. № 1. С.41–45.
246. *Столярова И.Ф.* «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Социально-политическая мысль, 2020. 252 с.
247. *Столярова И.Ф.* «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева // Сборник материалов IX Международной конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени». М.: РОССПЭН, 2018. С.380–382.
248. *Столярова И.Ф.* «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева: к постановке задач исследования // *SCHOLA-2019.* Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М., 2015. М.: Издательство Московского ун-та, 2019. С. 225–228.
249. *Столярова И.Ф.* «Хранительный» социализм как реакция будущего в творчестве Константина Леонтьева // *SCHOLA-2022.* Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского ун-та, 2022. С. 32–35.
250. *Столярова И.Ф.* Эстетика в социально-политическом творчестве К.Н. Леонтьева // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* 2022. № 3 (72). С. 69–73.
251. *Струве П.Б.* Константин Леонтьев // *Константин Леонтьев: pro et contra.* Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. В 2 кн. Кн.2. СПб.: РХГИ, 1995. С.180–186.
252. *Тарасов К.Н.* Модернизация глазами консерватора (Константин Леонтьев о пореформенной России) // *Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории.* 2015. № 11. С.22–25.
253. *Тарасов К.Н.* Проблемы модернизации пореформенного российского общества в политической публицистике и переписке К.Н.Леонтьева // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2015. № 6. Том 7. Часть 2. С.118–121.
254. *Тарасов К.Н.* Социальные процессы в пореформенной России: оценки правовой публицистики (на примере взглядов К.Н.Леонтьева) // *Актуальные вопросы науки.* 2017. № 33. С.10–13.
255. *Тесля А.А.* Первый русский национализм... и другие. М.: Издательство «Европа», 2014. 280 с.
256. *Тихомиров Л.А.* К.Н. Леонтьев // *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. Воспоминания. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. С.631–651.
257. *Тихомиров Л.А.* Русские идеалы и К.Н. Леонтьев // *Русское обозрение.* 1894. № 10. С.876–882.
258. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
259. *Трубецкой С.Н.* Разочарованный славянофил // *Константин Леонтьев: pro et contra.* Личность и творчество К.Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891—1917 гг. в 2-х кн. Кн.1. СПб.: РХГИ, 1995. С.123–160.

260. Тушканов И.В. Идея цивилизаций в политико-правовых учениях Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева // *Философия права*. 2010. № 3. С.7–10.
261. Убирия (Столярова) И.Ф. К вопросу о самосознании русского народа в политической теории К.Н. Леонтьева // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ—2016»*. М., 2016. С.1–3.
262. Убирия (Столярова) И.Ф. К.Н.Леонтьев о национальной политике и панславизме // *SCHOLA-2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова* / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского ун-та, 2014. С.108–111.
263. Убирия (Столярова) И.Ф. Особенности идеологии консерватизма // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2014. № 6. С.124–126.
264. Убирия (Столярова) И.Ф. Российская государственность и «византизм» в политической концепции К.Н.Леонтьева // *Социально-гуманитарные знания*. 2015. № 4. С.229–236.
265. Убирия (Столярова) И.Ф. Смена представлений о понятии идеологии в политических концепциях XIX—XX веков // *Материалы международной конференции «Политическая наука и меняющееся общество»*. Кишинев, 2015. С.235–244.
266. Убирия (Столярова) И.Ф. Соотношение эстетики и морали в политической теории К.Н. Леонтьева // *Сборник материалов VI Международной конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО. Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени»*. М.: РОССПЭН, 2016. С.574—577;
267. Убирия (Столярова) И.Ф. Эстетизм и консерватизм в творчестве К.Н. Леонтьева // *SCHOLA-2015: Материалы Третьей международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений»* / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А.Ширинянца. 2015. М.: Издательство Московского ун-та. С. 396–401.
268. Федотов Г.П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): В 2 т. Т.1. СПб.: София, 1991. 351 с.
269. Фетисенко О.Л. Афон и его «единство в многообразии» в социокультурной концепции Константина Леонтьева // *Русско-византийский вестник*. 2018. № 1. С.141–145.
270. Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2012. 784 с.
271. Фетисенко О.Л. Константин Леонтьев: теория и практика государственной службы // *Чины и музы. Сборник статей*. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. 2017. С.539–551.
272. Фетисенко О.Л. Константин Леонтьев: «турецкий игумен» в славянском монастыре // *Христианство и русская литература*. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. 2010. Т.6. С.165–196.

273. *Фетисенко О.Л.* Константин Леонтьев – цензурируемый и цензурирующий // *Цензура в России: история и современность.* СПб.: Российская национальная библиотека. 2011. С.158–169.
274. *Филатов А.С.* Евразийский союз: идейные основания и политическая реальность // *Культурологический журнал.* 2017. № 1. С.1–8.
275. *Филиппов Б.А.* Страстное письмо с неверным адресом. Предисловие // *Леонтьев К.Н.* Моя литературная судьба: Автобиография. New York: Johnson reprint corp., 1965. С.1–38.
276. *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Париж: YMCA-press, 1988. 600 с.
277. *Франк С.Л.* Константин Леонтьев, русский Ницше // *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб.: «Наука», 1996. С.404–422.
278. *Франк С.Л.* Миросозерцание Константина Леонтьева // *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб.: «Наука», 1996. С.399–404.
279. *Франк С.Л.* Русское мировоззрение // *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб.: «Наука», 1996. С.161–195.
280. *Фудель И., свящ.* К.Леонтьев и Вл.Соловьев в их взаимных отношениях // *Русская мысль.* 1917. №11–12. С.17–32.
281. *Хатунцев С.В.* К.Н. Леонтьев о Германии и ее правителях // *Вестник Московского университета. Серия 8. История.* 2014. № 4. С.67–82.
282. *Хатунцев С.В.* «Консервация будущего»: гептастилистическая геополитика Константина Леонтьева // *Тетради по консерватизму.* 2015. № 4. С.171–178.
283. *Хатунцев С.В.* Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. СПб.: Алетея, 2007. 208 с.
284. *Хатунцев С.В.* Отечественная история в системе общественно-политических взглядов К.Н. Леонтьева // *Вопросы истории.* 2004. № 1. С.155–159.
285. *Хатунцев С.В.* Творческое наследие К.Н. Леонтьева в современной научной литературе // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики.* Серия: гуманитарные науки. 2011. № 3. С.16–19.
286. *Хатунцев С.В.* «Угроза с Востока» в мысли К.Н. Леонтьева и «леонтьевские» мотивы в «Трех разговорах» // *Вестник СурГПУ.* 2012. № 4. С.37–42.
287. *Хомяков А.С.* По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений в 4 т. Т.1. М.: Тип.Лебедева, 1878. С.195–260.
288. *Храмов В.Б.* Историософия и эстетика К.Н.Леонтьева. Краснодар: Краснодарская гос. акад. культуры. 1995. 31 с.
289. *Хранители России.* Антология. Т. 5. Обретённая Россия. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. М.: ООО «Новые решения», 2018. 952 с.
290. *Хранители России.* Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. М.: ООО «Новые решения», 2018. 1174 с.
291. *Хрусталева А.В.* Социально-политические и эстетические идеи Константина Леонтьева в рецепции современного литературоведения // *Вестник СГТУ.* 2012. № 1. Вып. 1. С.219–222.

292. *Хухарев В.В.* К.Н. Леонтьев как «русский европеец» // *Философ в пространстве культуры*. Тверь: ТвГУ. 2011. С.205–210.
293. *Царегородцев С.С., Шириняню А.А.* В поисках смысла: идеи как фактор политики // *Вестник Российской нации*. 2018. №1 (59). С. 64–78.
294. *Чернавский М.Ю.* Религиозно-философские основы консерватизма К.Н. Леонтьева: дисс... канд.филос. наук. М., 2000. 194 с.
295. *Черныш А.М.* К.Н. Леонтьев как теоретик национальной русской самобытности // *Вестник МГПУ. Серия: Философские науки*. 2015. № 3. С.26–34.
296. *Чижов М.П.* Константин Леонтьев. М.: Ин-т русской цивилизации, 2016. 632 с.
297. *Шестаков В.П.* Философия эстетизма Константина Леонтьева // *Свободная мысль*. 1994. № 7–8. С. 65–73.
298. *Шириняню А.А.* Из истории политики и общественной мысли: Монография, статьи и выступления. М.: Изд-во Московского университета, 2022. 832 с.
299. *Шириняню А.А.* Консерватизм в современном идеологическом и политическом пространстве России // *Вестник Российской нации*. 2015. № 4. С.175–187.
300. *Шириняню А.А.* Консерватизм и политические партии в современной России // *Тетради по консерватизму*. 2014. № 3. С.166–183.
301. *Шириняню А.А.* «Консерватор»: слово и смыслы в русской социально-политической мысли // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2015. № 6. С.112–124.
302. *Шириняню А.А.* Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 563 с.
303. *Шириняню А.А.* От редактора: о К.Н. Леонтьеве и о книге // *Столярова И.Ф. «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева / Под общ. ред. А.А. Ширинянюца*. М.: Социально-политическая мысль, 2020. С. 4–15.
304. *Шириняню А.А., Мырикова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М.: «Политическая мысль», 2010. 72 с.
305. *Шириняню А.А., Мырикова А.В.* Русофобский мит на «панславизма» // *Политически исследования. Българска асоциация за политически наук*. София. Брой 1—2. 2010. С.85–110.
306. *Шириняню А.А., Мячин А.Г.* Русская социально-политическая мысль XIX века: К.Н. Леонтьев. М.: Издательство Московского ун-та, 1995. 120 с.
307. *Шульгина Л.А.* Восток и Запад в философском наследии К.Н.Леонтьева // *Вестник КГТУ*. 2009. № 22. С.26–29.
308. *Шульгина Л.А.* К.Н. Леонтьев о влиянии византизма на формирование русской государственности и православной культурно-исторической модели // *Вопросы гуманитарных наук*. 2009. № 6. С.108–110.
309. *Цимерман М.М.* Общественно-политические взгляды К.Н.Леонтьева в системной реконструкции и интерпретации. Дисс... канд.полит.наук. Уссурийск, 2001. 160 с.
310. *Янов А.Л.* Славянофилы и Константин Леонтьев: Русская консервативная мысль XIX в. и ее интерпретаторы // *Вопросы философии*. 1969. №8. С.97–106.
311. *Янов А.Л.* Трагедия великого мыслителя (по материалам дискуссии 1890-х гг.) // *Вопросы философии*. 1992. № 1. С.61–88.

312. *Beaune-Gray D.* L'art de Tolstoi selon Constantin Leont'ev // Cahiers Leon Tolstoi. № 19. 2008. P.41–51.
313. *Beaune-Gray D.* Leont'ev's views on France and Great Britain // Other voices: Three Centuries of Cultural Dialogue between Russia and Western Europe / edited by Graham H.Roberts. Cambridge Scholars Publishing. 2011. P.44–54.
314. *Bohun M.* Kontrewolucja i pesymizm: Filozofia społeczna Konstantina Leontjewa. Krakow. 2000. 288 p.
315. *Bohun M.* Nikolai Mikhailovskii and Konstantin Leont'ev. On the political Implication of Herbert Spencer's Sociology // Studies in East European Thought. March 2002. Vol.54. Iss. 1, 2. P.71–86.
316. *Broda M.* Antipodes of “pink Christianity”: Konstantin Leontiev's dispute with Fyodor Dostoyevsky and Lev Tolstoy // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Literaria Rossica. 2018. No. 11. P. 99–110.
317. *Broda M.* Dostoevskij in the eyes of Leont'ev. The foundations and consequences of different identities // Studies in East European Thought. 2009. Vol.62. Iss.1. P.29–40.
318. *Broda M.* Historia a eschatologia: Studia nad mysla Konstantego Leontjewa I “zagadka Rosji”. Lodz: Wydaw. Uniw. Lodzkiego. 2001. 346 p.
319. *Broda M.* The “Unrecognized Phenomenon” of Konstantin Leont'ev // Russian Studies in Philosophy. Spring 2008. Vol.46. Iss. 4. P.5–18.
320. *Cloutier H.* Leontiev on nationalism // Review of Politics. 1955. Vol.17. April. P.262–272.
321. *Copleston F.C.* Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev. Tunbridge Wells, Kent, England: Continuum. 1986. 462 p.
322. *Cronin G.* Konstantin Leont'ev: creative reaction // Ideology in Russian literature. NY. 1990. P.99–115.
323. *Dowler E.W.* Two Conservative Views of Nationality and Personality. A.A.Grigor'ev and K.N.Leont'ev // Studies in Soviet Thought. 1991. P.19–32.
324. *Gasparini E.* Le previsioni di Constantino Leont'ev. Venezia: Ed. La Goliardica, 1957. 55 p.
325. *Gasparini E.* Scrittori russi: Pushkin, Lermontov, Gogol, Dostoevskij, Tolstoj, Checov, Leont'ev. Padova, Marsilio. 1966. 709 p.
326. *Giusti W.* Un pensatore russo controcorrente: Constantino Leont'ev // Storia e politica. Milano. 1964. Vol. 3. Issue 1. P.50–79.
327. *Kline G.L.* Religious new-conservatives: Leontiev and Rozanov // Religious and anti-religious thought in Russia. University of Chicago Press. 1968. 179 p.
328. *Knowles A.V.* Chapter 4: After ‘Anna Karenina’ 1886—1910: Part 90: Leontiev on Tolstoy's qualities // Count Leo Nikolaevich Tolstoy: The Critical Heritage. 1997. P.376–382.
329. *Kohn H.* The mind of modern Russia: Historical and Political thought of Russia's great age. New Jersey, 1955. 298 p.
330. *Kologrivof I.* Von Hellas zum Monchtum. Leben und Denken Konstantin Leontjews, 1831—1891. Regensburg, 1948. 298 p.
331. *Kuprjanowicz T.* The influence if the Spirituality of the Optina Monastery on the Work of Russian Philosophers and Writers of the Work of the Nineteenth Century // Elpis. 2016, iss.18, p.57–64.

332. *Kurfust J.* Shades of gray in Russian pre-Soviet geopolitical traditions // *Studies in East European Thought*. June 2017. Vol.69, issue 2, p.177–197.
333. *Kurland J.* The history and destiny of Russia according to Konstantin Leont'ev // An unpublished M.A.thesis. New York. Columbia University. 1952. 115 p.
334. *Lukashevitch S.* Konstantin Leontiev. A study in Russian heroic vitalism. New York. 1967. 235 p.
335. *Monas S.* Leontiev: A meditation // *Journal of Modern History*. 1971. September. P.483–494.
336. *Mondry H.* In praise of ethnic dress: Konstantin Leontiev's politics of diversity // *Slavic & East European Journal*. Spring 2014. Vol.58, Iss. 1. P.57–75.
337. *Mondry H.* Leont'ev, Konstantin, 1831—1891 (Russian novelist) // *Russian literature in the Age of Realism*; Gale Group. 2003. P.199–206.
338. *Shenfield S.D.* Introduction // *Russian Studies in Philoposhy*. Spring 2008. Vol.46. Iss. 4. P.3–4.
339. *Sidney M.* Leontiev: a meditation // *Journal of Modern History*. September 1971. Vol.43. Iss.3. P.483–494.
340. *Spenser R.E.* Essays in Russian literature. The conservative view; Leontiev, Rozanov, Shestov. Ohio University Press. 1968. 392 p.
341. *Soboleva M.* Russische Philosophie im Kontext der Interkulturalitat. Nordhausen: Bautz, Traugott. 2006. 133 p.
342. *Stepun F.* Der Bolschewismus und die Christliche Existenz. Munchen. Kosel-Verlag. 1962. 315 p.
343. *Thaden E.* Conservative nationalism in nineteenth century Russia. Seattle, 1964. 271 p.
344. *Tucker R.* Political culture and leadership in Soviet Russia — From Lenin to Gorbachev. New York – London. 1987. 224 p.